

АМИРАН И ВАЛЕНТИНА ПЕРЕЛЬМАН

СЕРДЦЕ ЛЬВА

Валентина Перельман Амиран Перельман Сердце Льва

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24186112

Аннотация

В романе Амирана и Валентины Перельман продолжается развитие идей таких шедевров классики как «Божественная комедия» Данте, «Фауст» Гете, «Мастер и Маргарита» Булгакова.

Первая книга трилогии «На переломе» – это оригинальная попытка осмысления влияния перемен эпохи крушения Советского Союза на картину миру главных героев.

Каждый роман трилогии посвящен своему отрезку времени: цивилизационному излому в результате бума XX века, осмыслению новых реалий XXI века, попытке прогноза развития человечества за горизонтом современности.

Роман написан легким ироничным языком. В нем естественным образом уживаются эзотерика и быт, фантастика и поэзия, философия и юмор. Сами авторы характеризуют роман как «легкое чтение с глубокими мыслями».

АМИРАН И ВАЛЕНТИНА

ПЕРЕЛЬМАН НА ПЕРЕЛОМЕ ТРИЛОГИЯ

«...в мире мысли, как и в мире духовном,

каждый должен продвигаться своими

собственными усилиями.

Писатель не может думать за читателя, да и читатель не станет сколько-нибудь лучше, будь такое мышление за другого возможно».

Елена Петровна Блаватская

КНИГА ПЕРВАЯ СЕРДЦЕ ЛЬВА Роман, белая поэма

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как определить жанр этого чтения? – Фантазмагория, мифосочинение, фэнтези, роман в романе? – В нём, как в летописании, представлена реальная жизнь «на переломе» двух-полюсного мира конца XX века, но она переплетается и взаимодействует с вымыслами и аллегориями, с персонажами и событиями давно ушедших времён и классической литера-

туры. Занимательно это переплетение прошлого и настоящего; вымышленные герои классической литературы помещены в историческую действительность, наплодили своих потомков...

Роман не поддаётся жанровой классификации, не желает укладываться ни в какие схемы. У него интригующий увлекательный сюжет и, в то же время, множество философских, культурных, научно-фантастических идей и пластов. А для близких к авторам людей этих пластов ещё больше, так как в нём живут не названные, но узнаваемые прототипы («Друзей моих прекрасные черты появятся и растворятся снова.»).

Роман писался двадцать лет; авторы следовали за своими медитациями и воспоминаниями. Он, конечно, перекликается с гениальными созданиями Данте, Гёте, Гоголя, особенно Булгакова. В каждый момент цивилизационного сдвига появляются такие метапроизведения. Однако у него своё (наше, во всех смыслах) время и свои герои, а у них – свои испытания и пути к истине, добру и красоте, свой путь к Богу.

С произведением Булгакова его роднит формальное структурное построение. Это «роман в романе». Он чётко делится на две составляющие. В одной – жизнь и мысли писателя, его внутренний диалог наблюдателя, осмысливающего происходящие в мире события, – и, в то же время, автора, Демиурга, создающего свои миры, которые, тем не менее, находятся внутри, посреди происходящих в реальности со-

бытий. В другой части – события и действующие лица романа, который пишет Демиург. Получается такая полифония одного человека. Но этот человек, – действительно, Мастер. Как писал А. Франс, «всякий раз, когда у нас нет сил молчать, мы говорим о самих себе». Такова миссия чего-то стоящего писателя: чувствовать

в своём внутреннем мире Космос, а в своей судьбе – хрупкую судьбу человечества.

Кто в романе центральный персонаж? – Для меня как читателя это, конечно, Демиург. Я наслаждаюсь его искренним, любящим своих героев-детей, тоном, автобиографичностью его размышлений. Это мысли-чувства о стихиях мироздания, Боге и о том, что в силах сделать Человек на замечательно разнообразной (горы Кавказа, лесостепи Украины, сады и города России и, конечно, Святая земля) и единственной родной планете. Но нас, читателей, много, и каждый ответит на этот вопрос по-своему.

По-своему, своими жизнями, отвечают на него и герои романа – Василий Славенко, Лев Арье, их друзья и родные, Вадим Чудра и его окружение; а ещё есть Тамара Васадзе со своим восприятием себя в мире и множество особ, приближённых к той или иной власти. Это мир земной, людской, с его обыденностью и чудесами, добросердечием и себялюбием, щедростью и жадностью, готовностью помочь всему свету и способностью послать весь мир к чёрту, ради себя лю-

бимого.

А ведь и Чёрт есть в романе. Как писал Андре Жид: «Нет произведения искусства без сотрудничества дьявола». Вот и здесь поначалу Демиург с любопытством и интересом «сотрудничает» с дьяволом, назвавшим себя Адамбеком. Заявлено, что это тот самый Мефистофель, завладевший когда-то душой Фауста. Но здесь он сложнее. «Никогда не ошибается» и «никогда не лжёт». Он, по его словам, постоянно занимается «поиском ответа на один вопрос: как вывести Земную цивилизацию на духовный уровень, но оставить в пределах своих владений... «Тогда – говорит Адамбек, – я смогу построить новое мироздание, где будут работать мои законы. Это будет мой мир!.. Знания позволят творить новые миры. Я доведу человечество до абсолютных знаний. Оно создаст мне Мой Мир!» – Такой вот соратник-конкурент Бога, желающий создать собственный высокодуховный мир на отдельно взятой территории (чем не коммунистическая идея в большевистском исполнении?). А на поверку оказывается: «Перестройка идёт семимильными шагами. Мы поставили цель, и процесс пошёл. Вы, наверное, слышали поговорку: «Лес рубят – щепки летят». При этом же он внушает: «Всё, что делают люди, они делают самостоятельно». Такой вот мастер

казуистического обмана! В отличие от булгаковского Воланда Адамбек со своей свитой нечистых ещё как заставляет

людей совершать злые дела, хотя, конечно, в силах использовать для этого только тех, кто имеет эгоцентрические качества.

Может ли Зло творить Благо? Где кончается Благо и начинается Зло? И есть ли эти Начала и Концы? В чём и за что – неотвратимость наказания? На протяжении всего романа перед его героями, как и перед самим автором, встают проблемы выбора. И ещё вопрос: а всё ли зависит от тебя самого? Да, возникают в жизни ситуации, когда ты, вроде бы, всё делаешь верно, но события поворачиваются так, что уже от тебя не зависят. Неожиданно катастрофична трагедия Льва Арье. Бесконечно жаль вовлечённых в неё Леночку, Мишу, Натали, родителей Лёвы. Хорошие люди. За что наказаны они? Наказаны ли? Куда отправятся их бессмертные души?

На фоне катастрофичного Перелома Истории – трагические повороты судеб. И бессмертная Душа Писателя проходит свою *Виа Долороссу* и переживает очередную *Голгофу* вечных тем о жизни, смерти, бессмертии, о любви, свободе, о совести...

Вряд ли найдётся читатель, который решится утверждать, что понял роман до конца, нашёл ответы на все, таящиеся в нём, загадки. Для этого надо прочесть его не один раз. На мой взгляд, следующее прочтение будет ещё более захватывающим, чем первое. А загадки останутся.

Людмила Колыхалина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРЕПОЛОХ

ДОГОВОР НЕ РАСТОРГНУТ

—

Живой экспонат древней Эллады?

Деми обернулся. Здесь не должно быть никого, кто мог бы его так окликнуть.

—

О, светозарный сын Туманного Альбиона! – обрадовался он встрече с Генри, наивным и восторженным романтиком.

Тот стоял перед своим коллегой, увешанный фотокамерой, диктофоном, очками и значками.

—

Какими судьбами в Иерушалаиме?

—

Да, наверное, такими же, как и ты, – репортёрскими. Как я рад тебя здесь встретить!

—

В этом городе чудеса на каждом шагу, и много есть такого, о чём стоит подумать. Вот, смотри – это Храмовая гора – пуп святости на Земле. А вот это, – Деми указал на лежащий под горой овраг (солнце зашло за гору, и из-за возникшей тени, овраг казался бездонным), – Геенна Огненная, врата в Чистилище. Впечатляет?

—

Если бы в природе мог быть хоть кусочек абсолютной пустоты, то он исполнял бы роль границы между ними, – Генри вскинул фотоаппарат с огромным объективом и щёлкнул затвором:

–
И над Геенной не должно всходить Солнце.

–
А на самом деле? Нет границы между добром и злом. Нет границ между Царством Божьим и Княжеством Дьявольским.

–
Нет! И быть не может!

Они обернулись. Перед ними стоял представительный мужчина. Смуглое, как из бронзы отлитое, лицо. Глаза, в которых читалась холодность профессионального игрока в покер. Белая чалма, украшенная огромным бриллиантом в драгоценной оправе, золотой амулет с изображением пламени и презубца. Вся его внешность не оставляла сомнений в респектабельности и даже величии нового собеседника.

–
Княжество всегда было частью Царства. Или, по–вашему, Он создал только цветочки, а корни, гнилые плоды, черви, бактерии, вирусы, болезни, смерть – порождение Дьявола?

–
Смерть, если принять за истину библейский миф, мож

но считать заслугой людей, – начал Деми. – Их непослушание заставило Создателя найти эталон кары... Мы сейчас говорим в мифических понятиях и представлениях?

–

Я бы сказал, – в поэтических, – ответил вальяжный представитель Востока.

–

Какая разница? – вступил в разговор Генри, после того как закончил снимать незнакомца, привлекившего его профессиональное внимание своим экзотическим видом. – И тот, и другой – вымышленные образы.

–

Это те, которые нельзя зафиксировать вашим аппаратом? – усмехнулся неожиданный собеседник.

–

Хорошее определение, – улыбнулся Генри. – Отныне я буду называть свою профессию «фиксаторреальности».

–

Мы с вами сейчас находимся здесь – это реально?

–

Конечно!

–

Тогда, пожалуйста, пойдите и сделайте несколько моих снимков. Я Вам буду очень признателен. А мы, ожидая Вас, пока побеседуем с Вашим коллегой.

—
Буду рад услужить такому интересному человеку, — улыбнулся английский джентльмен и хотел уже отойти. — Скажите, пожалуйста, как Вас зовут. Я сделаю подписи под фотографиями.

—
Адамбек.

—
Спасибо. Минут через сорок я вернусь.

—
А Ваше имя? — обратился Адамбек к Деми.

—
Демиург. Близкие зовут...

—
Не надо. Я буду звать Вас Демиургом. Если не ошибаюсь (ая никогда не ошибаюсь), по-гречески это значит — созидательная сила, мастер.

—
Не знаю, как насчёт «никогда», — улыбнулся Деми, — но сейчас Вы сказали правду.

—
За то меня и не любят, что я всегда говорю правду.

—
Это очень осложняет существование?

—
Да, но это — моя доля.

—
Невольно зауважасяешь такого собеседника.

—
Не особенно уверен в уважении, а вот в страхе — абсолютно. Меня все боятся. И знакомые, и незнакомые.

—
Пока не вижу причины бояться.

—
Ну, а если я Вам сейчас скажу, что Вы — пособник Дьявола?

—
Я отвечу, что Вы великий фантазёр. Мне уже

достаточно лет, но не могу вспомнить ни одного человека, которому я причинил бы зло.

—
А, по-вашему, Правитель Земного Княжества — воплощённое зло?

—
Ну, если мы остаёмся в рамках мифологий, — да.

—
А если перейдём на личный опыт?

—
Смешно! Где мне взять личный опыт знакомства с этим Правителем?

—

Смешно-не смешно, а два случая тесного сотрудничества, о которых знает весь мир, вы совсем скоро вспомните и будете удивлены, что это, оказывается, не так уж страшно. Вы вспомните самые прекрасные годы жизни. Вы сделаете открытие относительно самого себя и будете этому безгранично рады.

—

Я понимаю, что нахожусь на земле, породившей самое большое количество мифов, – Деми говорил с усмешкой, но в его голосе зазвучали нотки растерянности. – Я слышу в Ваших словах интонации пророчества. Я вижу перед собой Вас, чья внешность соответствует... облику Великого Правителя. Но поверить в своё сотрудничество с самим Дьяволом – невероятно.

—

Можете не верить, – безразлично-усталым тоном ответил Адамбек. – А вот как, по-вашему, сложилась бы судьба доктора Фауста, если бы Сатана не надоумил Мартина Лютера пересмотреть устои Папской Церкви?

—

Знаете, как-то не задумывался, – ответил Деми. Но в этот же момент перед его взором пронеслась страшная картина сожжения на инквизиторском костре. Сжигали его самого, – он и был этим великим естествоиспытателем, доктором Фаустом.

Вот, – беспристрастно констатировал Адамбек, – а ведь доктор сумел пережить вторую молодость благодаря усилиям этого самого страшного Князя Земли. – На лице Адамбека появилась ехидная улыбка. – А Вы говорите: «Не задумывался». Задумайтесь, всё же Фауст остался в долгу перед Бесом. Договор-то не расторгнут. – Он посмотрел в упор в расширенные от изумления глаза Демидурга.

ЛЕВ АРЬЕ

Студенты археологического факультета ведут раскопки на развалинах Метехского* замка. Тяжёлая каменная глыба нависла над стеной, увешанной только что раскопанными прекрасными древними иконами. Под ней из ещё не разрытого угла торчит край рамки. Лев бережно откапывает её. Он выносит из ямы икону редчайшей красоты. В этот момент огромная нависшая глыба обрушивается на стену. Выкопанные иконы вновь оказываются захороненными. Леван прячет спасённую икону под рубашку и бежит домой. Дорога к дому длинная, новая и незнакомая. Он идёт, ползёт, снова бежит. Икона под рубашкой греет его неведомым райским теплом. Остановившись, чтобы перевести дух, Лев вытаскивает икону, и она придаёт ему силы. Лицо великомученицы с каждым разом всё светлее. Вот и дом. На самом пороге его сидит торговец пивом из ближайшего киоска. Леван, торопясь, пробегает мимо. Торговец вытягивает ногу. Лев спотыкается, падает, икона выскакивает из-за пазухи. Ветер вырывает

образ из рамы, и он взвивается в небо, пропадая за облаками. Лев подбирает пустую раму, садится рядом с продавцом и обсуждает с ним вчерашний футбольный матч. Они сидят уже не на ступенях дома, а возле бочки с пивом, и продавец льёт его из бочки в кружку. Большая шапка пены играет под лучами солнца. Новый друг угощает Льва, тот пьёт пену с водой и благодарит щедрого друга... Звонкая пчела, громко жужжа, кружится над пеной...

Лев Арье** открыл глаза. Пчела исчезла. Жужжал зуммер.

–
Доброе утро, мой мальчик! – услышал он знакомый голос.

–
Доброе утро! Има,***ты из дома или из больницы?

–
Из больницы, дорогой. Видно, она и станет моим последним домом. Позови Нану!

–
Сейчас. Подожди, пожалуйста.

–
Има! Доброе утро! Как дела? – Нана говорила с параллельного аппарата.

**Метехский замок – в Тбилиси над Курой.*

***Лев Арье: Лев (иврит) – сердце; Арье (иврит) – лев. В данном сочетании – это прилагательное: льва.*

****Има – мама (иврит). Здесь: семейное прозвище.*

Лев положил трубку. Его мучило подсознательное беспокойство, вызванное ночным видением. Самого сна он почти не помнил, но ощущал приближение какого-то фатального события.

Он сел, принял позу лотоса и занялся медитацией. Долго не удавалось преодолеть беспокойство, расслабиться, сосредоточиться.

—

К тебе можно? – вмешательство извне прервало ещё не начавшееся занятие. Не дожидаясь приглашения, Нана вошла в комнату сына:

—

Через два дня начнут проводить курс химиотерапии. Има в очень подавленном состоянии. Я, как могла, утешала её. Скажи, она умрёт?

Лев сидел на своей жёсткой тахте в прежней позе и смотрел на мать.

—

Ты меня слышишь?

Лев закрыл и открыл веки.

—

Ты можешь мне ответить?

Мать, наученная долгим опытом, знала, когда можно тревожить сына, а когда нельзя.

—

Чего ты молчишь? Ты что, не видишь, что мне страшно от одной только мысли, что Има может умереть.

Лев сделал глубокий выдох, облокотился о стенку, выпрямил ноги и заложил ладони за затылок. Нана увидела искорку раздражения во взгляде сына. Она сложила руки на груди, но не отступила. Сын улыбнулся, встал, подошёл к ней, обнял, заглянул в глаза и сказал:

—

Судя по голосу, в ближайшие годы она смерти не дожждётся. Не нужно нервничать. Помнишь, за год до болезни я сказал, что начинается тёмная полоса в её жизни. Эта полоса длиною в три года. Через год, когда она заболела, я сказал, что это последняя болезнь в её жизни, но умрёт она не от неё. А по гороскопу со вчерашнего дня начался период её эмоционального подъёма и физического возрождения. В течение ближайших пяти лет никакие трагические случайности нашей Име не грозят.

Мать уткнулась ему в грудь и замерла. Глядя куда-то вдаль, он продолжил:

—

А вообще... Повидать бы её, успокоить.

—

Ой, Лейбеле! – в порыве нежности она часто называла сына любимым именем своего деда, Соломона, – Има про

сила приехать и привезти всё для седера. Через неделю

Пейсах*. Она хочет в своей палате провести седед** для всех больных евреев.

– Вот! Вот она, наша Има! Ай, да примадонна с вывертами! Это же надо? Кричит, что одной ногой в могиле, – Лев вдруг так развеселился, что мать, не поняв причины веселья сына, даже попятилась от него, – а сама бунт поднимает! Это же надо! В первопрестольной христианской православной Москве, да ещё в столице ортодоксального материализма, больной философ всенародно справляет пейсаховый седед! Я сказал, что она от болезни не умрёт? Ошибся! Своей смертью она не умрёт! Прибьют нашу бунтарку либо христиане, либо нехристи, либо ещё кто-нибудь. Повезу я ей седурим. Готовь мацу и свечи, мама.

« »

–

Шалом! – прошептал Леван, наклонившись над спящей тёткой своего отца. – Гамарджоба,*** Имули!

В семье Арье все давно позабыли, что эту шестидесяти-восьмилетнюю, всё ещё красивую даму звали Натали Арье, как и зафиксировано в её личных документах. Семейное звание Има появилось с лёгкой руки любимого внучатого племянника, который сейчас стоял на коленях у изголовья её постели.

–

Если ты не откроешь глаза, то не увидишь букет прекрасных, ещё влажных от росы роз из Тбилиси, – пригрозил он

больной, – отдам их твоей соседке по палате, она от радости выздоровеет, влюбится в меня и попросится замуж. Я не смогу ей отказать, и ты потеряешь возможность командовать мною.

–

Ты прирождённый трепач, – даже не пошевелившись, заговорила больная, – но, если подаришь девочке цветы, я скажу, что ты добрый мальчик, и буду тобою гордиться.

**Пейсах – праздник исхода евреев из рабства в Египте.
Еврейская пасха.*

***Седер – пасхальный праздничный ужин; порядок проведения этого ужина.*

****Гамарджоба – пожелание победы; приветствие (груз.)*

Арье поднялся с колен, взял букет, спрятал за спину под накинутый на плечи халат и повернулся к соседней койке...

Всю жизнь Лев Соломонович Арье будет помнить бесконечно усталый, полный непередаваемых страданий, покорный судьбе, – взгляд ангела.

Ироническая улыбка, с которой он повернулся, уступила место сочувствию, состраданию, а затем – удивлению и, наконец, восхищению.

Пока с его лицом происходили эти метаморфозы, Има рассказала всю историю своей молодой соседки:

–

У Леночки запущенная саркома на левой ноге; врачи боятся скоротечности процесса; ей с каждым днём всё хуже. Родителей подготовили к тому, что жить Леночке осталось не более двух-трёх месяцев. Послезавтра начнут делать химиотерапию, но положительного результата никто не ждёт.

Има продолжила свой рассказ по-грузински, чтобы не смущать девочку:

—
Бедный ребёнок живёт на наркотиках. Господи! За что эти муки невинному созданию! Как могла она за свои неполные семнадцать лет столько нагрешить, чтобы в наказание выносить такие боли, а потом умереть, так и не увидев мир? Несправедливо это!

Она подошла к девочке, подложила ей подушку, пригладила волосы, поцеловала в лоб.

—
Вай мэ, швило*! – запричитала Има. – Если Леночка умрёт, не смогу я жить спокойно. Посмотри, какой ангел! Знаешь, что я подумала? – она взяла руку внука в свои маленькие ладошки, притянула её к губам и, глядя на него в упор, сказала:

—
Если это непорочное создание так страшно мучается, то что будет с такой грешницей, как я, когда Он заберёт меня? Это меня пугает!

—

Барух ха-шем**! Ты не грешила пред Ним. А перед людьми твой единственный грех – любовь! Сколько мужчин ты любила? Ничего! Я тебе прощаю. Ведь я – твоя последняя любовь?

–

Я же сказала – ты трепач. Но ты моя самая большая слабость. Что бы я делала, если на старости лет не подарили

**Швило – обращение «ребёнок» (грузинский).*

***Барух ха-шем – «благословение Его» (иврит).*

бы мне тебя? Наночка – святая. Она принесла тебя в этот мир на мой полувековой юбилей... Только отпраздновать наши круглые даты мне, видно, не придётся.

–

Ты мне веришь? – крепко обняв её рукой с букетом, спросил внук.

–

Только когда ты не валяешь дурака.

–

Жить тебе здоровенькой, не менее чем до моих двадцати пяти. И болеть ты не будешь больше аж до самой смерти.

Има поцеловала руку внука:

–

Ты бессовестный лгун, мой маль-чик Ле-ван-чик! – произнесла она удушливым шепотом, взяла термос и вышла из палаты.

Но Леван хорошо знал, что она поверила ему безошибочно. Крёстная называла его и мальчиком, и трепачом, и вообще обращалась с ним, как с котёнком, но верила, почти как Богу. Когда её упрекали за такое безграничное доверие к словам и поступкам ребёнка, Има отвечала с непоколебимой уверенностью:

—

Гений тем и отличается от простого грешника, что он абсолютен. Он либо абсолютный грешник, либо святой. Лёвушка – святой!

Натали Арье прожила жизнь, полную событий и превратностей судьбы. Она была фатально красива, умна от рождения, широко образована, страстна, любознательна и предельно честна. Мужчины, влюблявшиеся в неё, обладали бурным темпераментом и талантами. Они сами по себе были обречены на яркую, но короткую жизнь, а она, оставшись трижды вдовой, приобрела звание «роковой женщины». Своих детей у неё не было. Поэтому профессор Тбилисского и Оксфордского университетов, эксперт ЮНЕСКО Наталия Арье-Глonti, вернувшись с юбилейного вечера в честь своего пятидесятилетия, восприняла вест о рождении сына у любимого племянника, как персональный подарок судьбы. С каждым годом всё более сокращая свою общественную занятость, оставив должность в ЮНЕСКО, она назначила себя гувернанткой внука, добросовестно и с любовью трудилась в этой должности, за что и получила титул Има.

Одарённый от рождения и воспитанный такой гувернанткой, восемнадцатилетний Лев Арье был полностью самостоятельным, энциклопедически образованным и

необычайно духовно развитым молодым человеком. Он рано определил сферу своей деятельности: изучение сути духовных сил человека и живой природы. Вот так – просто и лаконично. И это в двенадцатилетнем возрасте! Поверьте, бывает.

Лев стоял перед кроватью Леночки. Бледное личико девочки оставляло ощущение ожившего лика с иконы великомученицы...

Да! Оно! На иконе из Метехского замка!.. Её лицо!..

–

Подайте, пожалуйста, воды. Там, на тумбочке, в стакане, – голос Леночки слабый, но наполненный, грудной, тёплый.

Лев подал воды, поддержал головку, помог больной напиться. Она выпила, поблагодарила взглядом и снова закрыла глаза.

Он вспомнил о цветах. Нашёл в тумбочке Имы литровую банку, налил в неё воды, поставил банку на стул возле кровати больной и снял целлофановую упаковку с букета.

–

Разрешите преподнести розы самой красивой девушке. Эти розы прислала моя мама. Она сама их разводит возле нашего дома. Сегодня утром она их срезала и сказала, что-

бы я вам подарил. Понюхайте. Они пахнут Грузией, домом, мамой!

–

Спасибо! – Лена сделала над собой усилие и улыбнулась. – Розы пахнут ясным днем, а у нас пасмурно.

–

Правильно, – обрадовался Леван её ассоциации, – это лучики солнца, они должны вас согреть.

–

Мне, правда, холодно. Попросите няню – пусть даст грелку. Пожалуйста.

–

Сейчас.

Он поставил букет в банку и пошёл искать няню. В коридоре Леван встретил Иму. Они нашли санитарку, передали ей просьбу Лены, а сами сели в холле.

–

Что ты знаешь о саркоме? – спросил Лев.

–

Насколько я поняла из разговоров, это разновидность рака. Опухоль кости или кожи. Недоброкачественная, конечно.

–

Има! Может, я и не прав, но после того, как ты заболела, я много читал и думал. Рак – не вирусное заболевание, не травматическое и не функциональное.

–

Да, предполагают, что это заболевание наследствен

ное. – Усевшись поудобнее в кресло, профессор философии Натали Арье приготовилась вкушать самое большое удовольствие – общаться со своим мальчиком.

–

Но наследственное заболевание должно иметь своё отображение в структуре ДНК, а такого факта тоже нет.

–

Да. Причина раковых заболеваний – пока ещё загадка. Я здесь общалась с ведущими специалистами. Они считают, что это чисто теоретический и на данный момент спорный вопрос. Есть много мнений, но нет общего. Врачей сейчас больше волнуют проблемы освоения эффективных методик лечения.

–

Не выявив причины заболевания, его можно только заглушить.

–

Ты абсолютно прав. Невозможно полностью исцелить человека, не зная природу его болезни.

–

Так вот. Мне кажется, что это чисто духовные нарушения, а травмы, физиологические аномалии, наследственные особенности – лишь провоцирующие факторы.

–

То есть это – духовная болезнь? А что значит «духовная болезнь»?

–

Существует информация, которая не отражена в материальном виде. Эта информация находится на более высоком, духовном, уровне.

–

А поскольку на духовном уровне медицина не практикует, то нам и нечего ждать!

–

Я собрал сведения по случаям исцеления. Были ситуации, когда безнадежные больные, на которых врачи махнули рукой, через некоторое время исцелялись так, что никакие анализы не могли обнаружить и следов болезни. Так вот, среди этих исцелившихся ... материалистов нет!

–

Ты хочешь сказать...

–

Что лечение молитвами, заговорами, обрядами – не сказки.

–

Ты знаешь таких врачей?

–

Нет. Но можно узнать.

–

Они способны исцелять полностью и всегда?

—

Не думаю. Они не способны исцелить неверующего – это точно. – Лев задумался. – Не может быть излечена болезнь, перешедшая черту фатальности. Многие занимаются обманом, шарлатанством, берутся за такое святое дело, не имея

ни веры, ни знаний. Часто лечение не даёт результата. Мудрые учёные не могут разобраться в их способностях. Поэтому знахарей предают анафеме всех вместе. А ведь медицина таких уникальных результатов ни разу не получала!

—

Как так?

—

А вот так! Нет ни одного случая полного излечения больного раком в сколь-нибудь серьёзной стадии заболевания. Отсюда вывод: врачи лечат тело и в результате только тормозят развитие болезни; знахари лечат нетелесную основу и излечивают тело полностью, – значит, причина болезни не материальная, а духовная.

—

Я подумаю. Но сдаётся мне, что ты близок к истине. Она честно старалась ему оппонировать. Мешала любовь к своему воспитаннику. Лишь ценой дополнительных усилий ей удавалось находить контраргументы.

—

Но даже если ты прав, это тупик.

—
Почему?

—
Кто будет лечить больных? Знахарь? А как установить квалификацию и порядочность этого врача? Только по результату?

—
Нет! Вообще, — Леван подумал, — это задача для самого больного и его близких.

—
Сомневаюсь я, что многие выживут, если всё будет зависеть от семьи. Ладно. Уже поздно. Пойдём. Я провожу тебя. Завтра придёшь после двух. Не надо путаться у врачей под ногами.

Перед сном Лев всегда проводил сеансы медитации. Эти занятия заключались в попытках достижения абсолютного покоя, отрешённости от всех проблем и задач. Медитации наполняли его ощущением гармонии и, если не теоретическим, то интуитивным пониманием законов природы. Они придавали ему чувство уверенности во всём, что он делал.

Закончив медитацию, Лев поменял позу. Он сделал несколько глубоких вдохов, затем выдохнул весь воздух из лёгких, наклонился и стал молиться:

—
Создатель! — дыхание его стало самопроизвольным и не мешало сосредоточиться на молитве. — Прости мне горды-

ню. Я не посягаю на тайны, которые Ты сокрыл от человека. Это – Твой промысел. Сколько бы мне ни трудиться, понять Тебя до конца – невозможно! Ты беспределен! Если даже Ты будешь всегда и сразу отвечать на все наши вопросы, мир,

созданный Тобой, останется для нас неразгаданной тайной. Ты создал его из небытия. Твоя Вечность сейчас не похожа на Тьму над Бездной.

А посему – слава Тебе, Всевышний, пребывающий всегда и во всём! Не мне решать чью бы то ни было судьбу! Но есть во мне вера. Это придаёт мне силы, внушает смелость просить Тебя о милости: не обрывай незрелую судьбу этой девочки! Дай ей силу справиться с порчей, которую незаслуженно наслали на неё! Вразуми, если я в чём-то ошибаюсь! Поддержи, если споткнусь на этом трудном и незнакомом мне пути!

Не осмелюсь утверждать, но надеюсь, что мои намерения соответствуют Твоим желаниям. Ведь Ты – Вершитель Любви и Добра! А мои намерения также только в этом и состоят!

Направь и помоги!

Да пребудет воля Твоя!

Аминь!

Лев встал, принял душ и залез под одеяло. День был завершён. Спать! Утро покажет что, когда, как и где.

Демид! – послышался тревожный голос Генри. – Где этот шейх?

–

Был только что здесь. – Они растерянно озирались по сторонам. – Ну, не мог же такой солидный мужчина раствориться, как табачный дым?

–

Мог! Вот он – мог, – вдруг озарило Генри. – Мне он сразу показался подозрительным. А что ты думаешь насчёт этого? – Он показал три снимка, на которых была сфотографирована улица, прохожие, Демид в углу снимка на фоне Храмовой Горы.

–

Это кадры, на которые я снимал... его! Демид, это Нечистая сила. Что она делает в Святом Городе?

Генри начал распаляться:

–

Здесь зреет что-то неладное!

И уже в истерико-патетическом раже он заявил:

–

Надо срочно созвать старейшин всех религий и предъявить им фотографии. Они должны что-нибудь придумать, чтобы найти и изгнать из святого Иерусалима эту нечистую силу.

–

Ну, ладно...

Деми нерешительно и растерянно озирался, смотрел на фотографии и хлопал глазами:

—

Так ты думаешь, что равви, попы, ксендзы, муллы соберутся, для того чтобы вместе изгнать того, которого нет?

Генри утвердительно кивнул.

— Они враждуют между собой, — Деми попытался остудить праведный порыв профессионального «агитатора, горлана, главаря».

—

Они враждуют в миру, а проблемы святости Иерусалима — их общие. Война с нечистой силой — их основная задача. Пошли, — Генри схватил Деми за руку и потащил за собой, — это и наша удача, и наш долг. Понимаешь? Провидение привело нас сюда и устроило такую встречу. Мы с тобой участники, инициаторы и репортёры самой великой сенсации в истории мира!

—

Да погоди ты! — Деми выдернул свою руку. — Что ты ведёшь себя, как ребёнок? Куда тебя несёт?

—

Сначала в Главный Раввинат — иудеи здесь хозяева. Потом в представительство Ватикана — это самая могущественная религия. Затем надо обратиться к руководству мечети Аль-Акса — они здесь представляют мусульман. В

Иерусалиме есть представительства всех религиозных конфессий.

Генри остановился, но внутренний огонь деятельности и решительности разгорался в нём всё сильнее.

—
Необходимо будет собрать

...

—
Собрать и повести в бой против Нечистой Силы? Деми смотрел на коллегу с явной иронией.

—
Да! – в революционном пафосе воскликнул Генри.

—
Повести отряды святых отцов всех народов и религий

...

—
Генри, дружище, – Деми схватил англичанина за плечи и уставился в его пылкие глаза своим спокойным и жёстким взглядом, – каждый религиозный лидер скажет тебе, что чем больше бес будет досажда́ть «неверным», тем лучше для его «святой веры». А дьявол, в отличие от Бога, один для всех святых учений. Дорогой пуританин, – Деми, хоть и был растерян, но сохранил присутствие духа и сумел отстранённо посмотреть на ситуацию, – до тех пор, пока святые отцы всех религий проклинают инакомыслящих,

князь Земли будет всемогущ и не позволит свершиться ни появлению Машиаха, ни Второму Пришествию, ни воцарению рая на Земле.*

Так что, давай выпьем кофе и насладимся ощущением радости от присутствия в таком благодатном месте. Сиди, отдыхай и дай своей душе покой. Не рвись в бой. Суетно это.

ВАСИЛЬ СЛАВЕНКО

Семья Василя Славенко жила на Запорожье с незапамятных времён. Эта была их земля. Здесь рождались, жили, множились и умирали все их предки. Они растили хлеб, пасли скот, сажали сады, любили, рожали детей, встречали дорогих гостей и ненавистных врагов. Каждый камешек и каждый кустик здесь были их частью, чувствовали тепло и силу их рук, ласку взгляда, соль пота и влажную вязкость крови. Это Наталка Славенко родила Тараса Бульбу, да и в жилах гетмана Сагайдачного текла их кровь.

И статью, и силой духа, и цветом глаз, и шириной души Василь сам походил на запорожские просторы. Бесхитростный, вольный, сильный и спокойный, все свои годы проходил он по этой земле.

Пас скот, играл на сопелке, ел грибы и ягоды, пил молоко и ключевую водицу, спал на густой траве, укрывшись звёздным небом, – жил степной жизнью.

Сильный и весёлый от рождения, своеобразием своих поступков он часто удивлял близких и просто знакомых людей.

Спать в постели не любил. Родители часто находили сы-

нишку то в сене на крыше, то в яслях у отары.

Упав или получив ушиб, Василь сначала морщился от боли, потом его ясная улыбка вновь озаряла лицо, и он продолжал играть. Если рана была серьёзной, он её зализывал или промывал водой, а затем прикладывал к ней листья трав. Откуда было знать ребёнку назначение трав? Однако все ушибы заживали на нём быстро, а раны не оставляли шрамов.

Сколько дум передумала Степанида Игоревна, прежде чем поняла, что её сын не говорит в три года не потому, что **Маишах – Спаситель, Искупитель (иврит).*

21

немой, а потому, что не желает разговаривать. Он никогда не останавливался, чтобы послушать разговоры старших, ответить на оклик или замечание.

Другое дело – стихи, сказки. Каждое слово рассказчика вызывало массу эмоций, которые отражались в его синих, как небо, большущих глазах, в живой мимике. Когда в сказке заходила речь про Бабу-Ягу или Змея Горыныча, или любую другую «нечистую силу», то реакция молчуна поражала родителей. Ребёнок вставал, тело напрягалось так, что об его щёки можно было разбивать яйца, руки хватали первый попавшийся твердый предмет и, расставив ноги и пригнувшись, Василь застывал, внимательно следя за происходящим вокруг. Не понимая причины такой реакции, родители пугались, но после нескольких неудачных попыток объяснить ре-

бёнку, что это сказочный вымысел, перестали ему докучать. А бабушка Груня смотрела на малыша влюблённым радостным взглядом и успокаивала Степаниду:

– Это божий подарочек. Его нельзя трогать. Он сам расцветёт нам на радость!

Часто отец брал в руки бандуру, и под её аккомпанемент вся семья пела. Под звуки музыки Василь становился ласковым и ручным. А когда ему было четыре года, родители обнаружили, что сын играет на сопелке колхозного пастуха. Отец купил ему маленькую бандуру и вскоре был поражён тем, что сын без обучения и репетиций сыграл весь его репертуар.

Сколько ни старались сельские острословы, выдумывая подходящие клички, ни одна из них не прилипла к мальчику. Он не злился, не реагировал на них. Они его не задевали. Поэтому, не достигнув цели, прозвища довольно быстро забывались.

К десяти годам как-то само собой нашлось приемлемое обращение: Василий Степаныч.

Преподаватели школы удивлялись его способностям, но не понимали их своеобразия и не могли смириться с его самостоятельностью и независимостью. Да и традиционность методик не позволяла оценивать должным образом успехи необычного школьника. В первом классе Василь уже читал быстро, но только то, что сам хотел. Мальчик всегда искал свою книгу, что раздражало учителей, которые требовали

читать программный материал. Писать он не любил, любой

пересказ или сочинение сводил к нескольким предложениям, сжато и конкретно передающим суть. Учителю истории мальчик заявил прямо:

—

Вы всё лжёте!

Администрация школы, наконец, махнула на него рукой. И с третьего по десятый класс ему ставили тройки по всем гуманитарным предметам.

Так называемые «точные дисциплины» были для него просты и понятны. Он выполнял любые задачи по математике, физике, химии с одинаковой лёгкостью, часто находя нестандартные решения, и большей частью – в уме. Это тоже раздражало преподавателей, поскольку усложняло процесс проверки. Легко решая устно письменные контрольные задания, он нередко забывал записывать ход этих решений. В результате и по естественным дисциплинам ему ставили тройки.

Драчуны и задиры обычно относятся с уважением к обладателям недюжинной силы, стараясь вовлечь их в свои молодецкие игры. Вот и Колька, по прозвищу Шило, решил заставить Василя подраться. Дело кончилось тем, что Шило вывихнул плечо, вырываясь из цепких рук Василя. Правда, Кольке не пришлось ходить с вывихом, так как Василий Степаных, как только понял, в чём дело, руку обратно и вставил.

Если отец его, Степан Славенко, родился и жил всю свою жизнь в родном селе, то историю матери Василя, Степаниды, судьба круто развернула с началом войны.

Её отец собрал жену и дочь в мгновение ока. Уже к полудню 23 июня Олэна со Стэпкой были у проходной завода с чемоданом тёплых вещей.

—

Не плачь и не переживай, — шептал отец на ухо своей жене возле машины, которая должна была довезти детей и женщин до вокзала в городе. — Я тебя найду.

Машина с заплаканными жёнами и напуганными детьми не доехала до вокзала. Мессершмидт заставил всех выскочить и разбежаться по полю. Когда самолёт улетел, Олэна, прикрывавшая собой Стэпку, почувствовала боль в ноге. Рана была сквозной и не задела кость. Люди помогли перевязать ногу, нашли палку с рогатиной, и мать с дочерью вместе со всеми продолжили путь в неизвестность. Ещё не совсем стемнело, когда толпа женщин и детей дошла до села.

Крестьяне радушно приняли их в свои хаты на ночлег. Утром все двинулись дальше в город, на вокзал. Только Олэна с дочерью не смогла продолжить путь. Ночью женщина стонала от боли и бредила из-за высокой температуры, а утром пришлось звать к ней лекарку. Та осмотрела рану и приказала отнести больную к ней. Так Степанида с матерью остались в хате бабки-лекарки, где и пережили войну.

Когда Олэна поправилась, в селе уже квартировали немцы. Баба Груня была смешливой и доброй. Она с удовольствием возилась со Стэпанкой, а та смотрела в бабкины глаза и училась радоваться жизни.

Война, как накатилась на село, так и откатилась, оставив после себя пустые и обгоревшие хаты, разваленные и искореженные человеческие судьбы. Только благодаря мудрому спокойствию и великому авторитету бабы Груни все опасности оккупации обошли стороной Олэну и Степаниду. Однако, война всё равно, как могла, постаралась: отец не вернулся, погиб при возвращении 27 мая 1945 года, закончив войну без единого ранения.

Через год Олэна вышла замуж, а баба Груня не отдала Стэпочку:

—

Молода ещё! Рожай! А Стэпуха моя! Нэ отдам!

Так Степанида, рождённая в пролетарской семье, стала селянкой, колхозницей, женой первого парня на селе, мать героя нашего повествования.

Василь вернулся из райцентра к вечеру. В военкомате ему дали предписание, по которому надо было явиться в следующий понедельник к девяти утра на вокзал. С этой вестью он вошёл к бабе Груне.

—

Ну, и славно! – поцеловала в лоб своего воспитанника бабка. – Я скоро помру. Нэ хвылюйся! Устала я от жыт–тя.

Далэко нэ пиду. Тут лягу. Повернэшься – зустринымось. Пидийды сюды!

Она вложила свои маленькие старые ручки в его огромные раскрытые ладони.

–

Ты светел. Не пускай в свою душу зла и страха. Люби всех. Люди слабы. Их нужно любить и защищать. Береги их! Каждый несёт в себе Творца. Просто они этого не знают. Учи их открывать в себе Святого Духа. Никто так меня не понимает, как ты. Жаль расставаться с тобой. Да мы и не расстанемся. Я всегда буду рядом. Ты только покличь!

Если бы в эту минуту кто-нибудь мог увидеть их тем взглядом, которым владели они! Вихри энергии плясали вокруг их тел всеми цветами радуги. Эти вихри обнимались, сливались и наполняли молодое тело парня.

–

Устала я, – прошептала старая знахарка. – Помоги прилечь. Так, хорошо!

Он вытер холодный пот с ее лица чистым полотенцем, которое висело на спинке кровати.

–

Спасибо тебе! Иди. У тебя много дел. Больше не возвращайся. Я тебя благословила. Иди и не оглядывайся. Я счастлива, что ты остаёшься. Иди!

Василь вышел из хаты в ореоле серебристой ауры, и слё-

зы катились по его щекам. Отойдя подальше, он укрылся за стволом старого дуба и завыл в голос. Его трясло. Он распластался ниц и отдался рыданиям.

Когда Василь пришёл в себя и перевернулся на спину, огромные звёзды дружно мерцали над ним. Он встал, глубоко вздохнул и пошёл домой.

После учебки младший сержант Василь Славенко прибыл в расположение части для прохождения дальнейшей службы. Урал, суровая зима, горы, лес. Из всего этого лес был единственным родным, близким и понятным. Всё остальное – непривычно. Но молодость легко адаптируется к любой обстановке. Уже утро следующего дня Василь встретил с ощущением родных стен казармы.

Во взводе связистов, которым ему предстояло командовать, было всего восемь солдат. Они менялись – по паре в каждый призыв. Славенко и Курочкин оказались самыми «молодыми».

Костя Курочкин – лощёный сын генерала ракетных войск. Он был старше Василя на целых пять лет. До армии окончил факультет прикладной физики. Уже прошёл преддипломную практику в Академгородке. Подавал надежды, но... надавал по физиономии секретарю комсомольской организации института, и отец загнал ретивого сына от греха подальше в лес.

Сегодня в распорядке дня кросс на три километра. Василь вывел взвод на старт. Побежали. Через минуту Куроч-

кин решил, что ему уже хватит бегать, и пошёл вольным шагом к казарме. Василь схватил лентя за ремень и продолжил с ним бег. Курочкин, опешив от неожиданности, непроизвольно

передвигал ногами, размахивал руками в разные стороны и пытался вырваться от неожиданного погонялы. Он требовал, чтобы Василь его отпустил, потом стал просить, потом угрожал сдохнуть в его руках. Через минуту, когда появилось второе дыхание, почувствовав, что может сам продолжить бег, он обогнал свой буксир и пришёл к финишу, уложившись в норматив. На финише он попытался упасть на землю, но сержант обнял его за плечи и потащил, постепенно замедляя ходьбу.

—

Ты чего пристал! Хочешь, чтоб я сдох? — немного придя в себя, когда дыхание восстановилось, раздражённо запричитал солдат. Василь засмеялся:

—

А ты здорово бегаешь! Шо, ты всегда укладываешься в норматив?

—

Псих ты, вот шо! — фыркнул Курочкин.

Капонир связи — рабочее место взвода. Здесь постоянно дежурит один из солдат-связистов, а взвод проводит занятия по изучению техники, настройке и ремонту аппаратуры.

Когда Василь увидел все эти механизмы, начиная от проводной телефонной станции и кончая аппаратурой спутниковой связи, его впервые в жизни охватило ощущение растерянности. Зато Курочкин чувствовал себя здесь, как рыба в воде. Он всё время что-то паял, читал и рисовал схемы. А Василь наводил организационный порядок. Он построил стеллажи для запасных частей, обустроил рабочие места для дежурного связиста и ремонта аппаратуры, организовал уголок отдыха с креслами, диваном и журнальным столиком. Вместе они заменили электропроводку в капони́ре так, что вся аппаратура и осветительные приборы приобрели свои источники питания, и по полу уже не тянулись шнуры и кабели.

Каждое утро после развода Курочкин шёл на дежурство, и Василь, отправив остальных солдат на работы или занятия, спешил на станцию. Там друзья проводили всё время, свободное от внутренней службы.

Костя оказался прекрасным рассказчиком. Он расписывал другу про своё студенчество, городские нравы, пересказывал то, что знал, о модных течениях в искусстве и литературе. Василь слушал его с большим интересом. Для него это был другой мир. Он открывал его, с жадностью

прочитывая всё, что предлагал Кот: Кафку, Амаду, Аксёнова, Солженицына, Булгакова, Бредбери, Лема...

Но вскоре их разговоры приняли совершенно иной характер. Василь заговорил о духовности. Котик, воспитанный в

семье советского офицера, категорически не воспринимал ничего, что было связано с понятиями, отличающимися от материалистических. Библию он знал на уровне памфлетов «Занимательная Библия» и «Письма с того света». Однако когда Василь продемонстрировал ему свои умения ясновидения, предсказания, заговоры от болей и закономерности в совпадениях, Константин очень серьезно задумался. Потом согласился исполнять упражнения, развивающие видение ауры. Вскоре он на себе убедился в правдивости Василя и стал искать научные объяснения этим феноменам.

«Игений, парадоксов друг», – процитировал Константин, перед тем как сделать судьбоносный для себя вывод. Как ни парадоксально, а марксистское определение материи: «объективная реальность, данная нам в ощущениях», – верно! Неверно то, что мы понимаем слово «ощущения», как предел возможностей наших чувств. На самом же деле реальность состоит в том, что мир не содержит пустот. Он непрерывен и бесконечен. Следовательно, непрерывны и бесконечны наши ощущения. Значит, надо создавать методики, которые развивают и совершенствуют эти самые ощущения. Когда мы сумеем обучать детей не только очевидным фактам, а непосредственному видению сути вещей и ощущению всех взаимосвязей между ними, человечество достигнет совершенства и будет способно творить на уровне Творца.

—

Мы и есть – Творец, – Константин посмотрел на Василя,

ожидая его реакции.

—

Да! — подтвердил друг.

Так они всё своё свободное время в течение оставшихся полутора лет провели в беседах, занятиях и чтении книг, которые Константину присылала его мать.

После демобилизации Константин Курочкин поступил в духовную академию. Для Василя общение с Котом тоже не прошло даром. Он понял, что без систематического образования, которое даёт высшая школа, серьёзных результатов, при всех его способностях, ему достичь не удастся.

Поразмыслив на эту тему, Василий Степанович решил поступить в медицинский на психиатрию.

С приходом весны Василь уходил в луга, леса и возвращался с полным лукошком зелёных побегов, почек, трав, веточек, листочков. Банки с настоями, мешочки с высохшими растениями и прочие заготовки заполняли все полки погребка, сарая, кухни и его комнаты. Уже почти десять лет в семье с терпением, пониманием и уважением относились к его затеям.

Василь видел в людях то, что никому другому видеть не дано. Его часто просили погадать, предсказать судьбу. От этих просьб он отказывался, но легко определял обречённость даже в здоровом и весёлом человеке. В нём обнаружился дар целителя. Василь лечил многие болезни и непо-

нятным своим воздействием, и препаратами, которые сам составлял.

В средней части России и на Украине весенние заморозки, как последний аккорд зимы, совпадают с Пейсахом – еврейской пасхой, за что этот период в народе зовется «жидовскими кучками».

В канун «кучек» Василь с утра отправился на свои заготовки. Когда стемнело, он вышел из лесу на кручу Днепра и спустился к реке. За поворот кручи не задувал ветер. Василь разжёг костёр, заварил в кружке чай и, укутавшись в свитку, забылся.

Это не было ни состоянием задумчивости, ни бездумным отдыхом, ни сном. Просто исчезает важность ощущения реальности. Словно не существует ни места, ни времени, ни окружающего. Это не было сном, поскольку всё, что происходило в мозгу и теле, чётко фиксировалось, понималось и запоминалось. Он всегда с удовольствием погружался в это состояние, в котором его жизнь становилась гораздо более насыщенной явлениями, переживаниями и событиями. Он путешествовал в пространстве и во времени, встречался с людьми, наблюдал, познавал, понимал.

На этот раз, поднявшись над рекой и оглядевшись, Василий был очарован веером разноцветных облаков, над которыми спиралью закрученная радуга вела далеко за горизонт.

И везде – от собственного пупка

до беспредельной дали -

было начало, и был конец,

свет породил тьму,

*тьма тут же взрывалась фейерверком света, точки сли-
вались в образы, образы переплетались, создавая сложные
конструкции,*

конструкции разметались в пыль,

порождали свет и тьму,

начало и конец...

Всегда и никогда

всё менялось, оставаясь неизменным,

зарождалось и умирало в вечном своём бессмертии.

Насладившись этим неземным зрелищем, осознав яр-
кость красок и упорядоченность перспективы, он нырнул в
тёмный тоннель между веером облаков и радугой...

Каждое такое путешествие Василь начинает с попытки об-
щения со своим подопечным. До сих пор он мог только на-
блюдать за этим мальчиком. Надо постоянно навещать того,
который вырастает самостоятельно...

На Святой Земле сегодня суббота. Так положено! А коль скоро на Святой Земле суббота, то чудес долго ждать не приходится! Здесь они – дело житейское. Как только появляются проблемы, свершается чудо. Нет, это не «так кажется», а на самом деле так. Иначе эта земля не называлась бы Святой Землей.

–

Вот, как сейчас помню, – лениво шевелил мозгами Деми, – появлялись проблемы у советского народа – созывался съезд Советов, и все проблемы решал. Там была Советская Земля, а здесь – Святая. Поэтому здесь все проблемы решаются на Самом Высоком Уровне – куда там Съезду Советов! Здесь, в случае какой жизненной необходимости, к народу является не какой-то там секретарь ЦК, а, как минимум, ангел либо архангел. Были даже случаи, когда и сам Господь принимал непосредственное участие в решении жизненно важных проблем Своего Народа.

–

Истину молвишь! – услышал он голос.

Смотрит, – стоит такой, весь сияющий неведомым сиянием, в рубище, а над головой, вместо шляпы, кольцо белым светом светится.

–

Неужто, – думает Демиург, – нимб?

–

Однако какой ты неверующий! Видишь нимб, а сомневаешься!

—
Господи!!!

—
Ох! Не произноси всуе того, что не постигаешь. Чего это Ему к тебе являться? Достаточно и того, что меня послали. А я — не Он. Я далеко от Него. Моё место — у Врат стоять.

—
Архангел Гавриил!

—
Однако ж, гордыня в тебе великая! Негоже это. Ну, кто ты есть, чтобы к тебе моего хозяина прислали? Был бы ты какой-никакой пророк либо, на худой конец, премьер—министр, которому поручены судьбы Народа Божьего. А ты смерд неверующий. Воду в колодце мутящий. Истины не ведающий. Сомнениями обуреваемый. Грешными помыслами одолеваемый. Вот и прислали меня, младшего служку возле Врат, вразумить тебя. Очень ты мешаешь своими сомнениями. Докучаешь. Отвлекаешь от дел праведных. Выкладывай сомненья! Я дам тебе ответы. И чтоб более не мешал Творящим на Небеси.

—
Так ты охранник Врат Небесных?

—

Правда твоя.

—

А откуда ведомы тебе помыслы Творца? Как ты сможешь дать мне ответы на вопросы, если так же, как и я, не ведаешь помыслов Его? Мы с тобой по эту сторону Врат. А на ту сторону нас, возможно, никогда и не пустят.

—

Истину глаголишь! Мне вовек не быть по ту сторону. Я вечен. А ты, ежели уверуешь и перестанешь сомневаться, можешь войти в Царство Божие. Я не собираюсь рассказывать тебе о Его планах и помыслах. Неисповедимы Пути Господни! Но, как по-твоему, почему именно я стою у Врат? Почему не кто-нибудь другой?

—

Тебя назначили, — без тени сомнения ответил совслужащий на абсолютно, по его мнению, дурацкий вопрос.*

—

Расскажи, будь добр, как это тебе представляется. Деми вдруг чуть было не поперхнулся со смеху. Ему представилась огромная Небесная Канцелярия, по коридорам которой благодетель водит несмышленного ангелочка

**Совслужащий — служащий государственного учреждения СССР.*

Все СМИ принадлежали государству.

за руку, рекомендуя каждому встречному клерку.

—
Смешно?! Сам в такое поверить не можешь?

—
Но тогда как же? — в искреннем недоумении спросил гость Иерусалима.

—
А кто назначал Платона, Аристотеля, да Винчи, Моцарта, Канта, Байрона, Пушкина, Эйнштейна?..

—
Но они ведь — гении!.. — советский журналист осёкся. Что за чушь! Перед ним стоит гений охранных дел?

—
Да, — услышал он спокойный голос, — мы верим в то, что творим. Поэтому нас никто не назначает.

—
У-у-у! Приехали. Наполеон в палате дурдома тоже верит.

—
Воистину! Но он при деле? Дела его видны? А наши? Мои, Галилея, Ван Гога? Да и того же Бонапарта?

—
Что ты хочешь сказать? — у Деми совсем заклинило мозги.

—
Ничего. Просто мы творим согласно Его воле. Нам не надо инструкций, распоряжений, письменных указаний. Мы

никогда не нарушаем законов Божьих. Мы не учимся гармонии. – Мы всегда поступаем согласно её законам, потому что мы веруем и движимы верой.

–
А политики?

–
Вот куда тебя занесло! А как ты думаешь? Политики движимы верой?

–
Конечно. Их вера – счастье народа.

–
Однако путаник ты великий. Это заявленная политиками цель. О ней они красиво рассуждают, всякий раз предавая и продавая её. На их языке это называется «искусством компромисса». Верят они в своё, а не в Его величие. Если бы ими двигала вера, мир уже давно управлялся бы не политиками, а законами гармонии.

–
Но почему же тогда Он допускает...

–
А вот этого не надо! – прервал гений охранных дел наглеца. – Бог ничего бы не допускал, если бы человек не пожелал сам вершить свою судьбу. Ты мог бы не допустить беременность дочери, но так, чтобы она этого пожелала сама и оказалась при этом счастливой? Бог породил человечество. Ты породил дочь. Ты не можешь управлять поступками до-

чери, но ощущаешь ответственность за её судьбу.

—

Что толку в этом «ощущении ответственности»? Я уже не могу ничего решать в её судьбе. Я ей не нужен. Так же — и Бог человечеству.

—

Совсем неразумный ты! Амбициозен настолько, что сомнениями своими да вопросами и воплями смущаешь Создателя. Был бы ты умён, то уразумел бы... Ты не нужен детям своим, пока они сами справляются со своей судьбой. Бросил ли тебя Господь, когда ты погибал? Не указал ли Он тебе путь к спасению? Не создал ли спасительной ситуации? Не озарил ли мозг твой, дабы ты ею воспользовался? Вот и ты стоишь стражем судеб твоих детей. Уйдёшь ты, у них останется только один хранитель — Сам Создатель. А чтобы не грешить, а жить в согласии с Его волей — верь! Если ты способен творить много, не утомляться, а получать удовольствие от содеянного, — значит, это дело твоё. Если оно тебя тяготит, ты никак не можешь понять его смысла, — брось, не занимай чужое место, не убивай себя трудом ради хлеба насущного. Тленно это! Прощай и помни: «Будет день, и будет пища!»

—

Какое счастье, что мы на Святой Земле, — есть, кому направить на путь истинный! — Деми открыл глаза. Пти-

чий щебет подтверждал скорое доброе утро.

ЧУДЕСА НАЧИНАЮТСЯ

Комната была освещена семью свечами, горящими в подсвечнике, стоящем посреди небольшого стола. Кроме подсвечника, на столе были бутылка «Хванчкары» специального разлива*, медовые сладости, низкая хрустальная ваза с фруктами, тарелка с мацой, винные бокалы, салфетки, цветы. Вокруг стола расположились трое очень разных человек; среди них выделялся здоровьем и молодостью худощавый кудрявый юноша. Стол был придвинут к кровати, на которой лежало измождённое тело ангелочка. На исхудавшем маленьком фаянсовом личике ярко горели лазурно-голубым светом отчаянно уставшие глаза. Кроткий, удивлённый и всепрощающий взгляд был устремлён на даму солидного

**Продукты повышенного качества и ограниченного ассортимента в «стране всеобщего равенства» продавались только в спецраспределителях для «более равных среди равных».*

возраста, статью своей походившую на императрицу, которую все собравшиеся слушали со смиренным вниманием:

—

Ты задала хороший вопрос. Пейсах, пасха – это праздники во спасенье. Пейсах отмечает день исхода евреев из Египта, освобождение от рабства. Пасха отмечает день воскрешения

Христа, освобождение человечества от первородного греха, который Христос искупил своими муками на распяты.

–

Тогда почему евреи не справляют пасху? Ведь это искупление совершено Христом за всех людей?

–

Леночка! Ты чудо-девочка! – воскликнула Натали Арье и задумалась.

–

Евреи не признали Иисуса Христа как искупителя, – Лев решил взять на себя продолжение диалога. – Наш народ всё ещё ждёт его прихода.

–

Почему?

–

Скажи, пожалуйста, Леночка, может ли царь быть без войска, без золота?

–

Конечно, нет! – не моргнув, ответила Леночка.

–

Вот, видишь! А Христос был бедным евреем, ходил в рубище, жил, где придётся, называл себя Царём Иудейским и призывал изменить не нравившиеся ему законы. – Лев вопросительно посмотрел на девочку и задал очередной вопрос: – Как ты думаешь, за кого приняли Христа правители Израиля?

–

За бунтовщика? – Леночка даже забыла про боль, сделав это удивительное открытие.

–

Вот, его и казнили, как бунтовщика, – обрадовался её непосредственности Лёвушка. – Как видишь, еврейские власти отдали на казнь своего бунтовщика, а не Сына Божьего христиан.

–

А как же тогда он стал Сыном Божьим? – Леночка даже приподнялась в постели.

В голове Левана мысли стали толпиться и вытеснять друг друга. С одной стороны, он мог сказать, что еврейские хулиганы создали миф, а христиане в него поверили. С другой, – он мог признать ошибку израильтян, обвинив их в амбициозной близорукости. Кроме этих двух, были ещё и промежуточные версии. Что выбрать? Как бы не погрешить

против справедливости, не нарушить душевный покой этого страдающего ангелочка?

–

До Христа, – Има вовремя очнулась от задумчивости,

–

общепринятой была мораль, основанная на принципах прагматизма... – Она увидела вопросительный взгляд Леночки, улыбнулась и пояснила, – выгоды. Если человек по-

ступал так, как ему выгодно, то считалось, что он поступает правильно. Христианство ввело мораль, основанную на понятиях гуманности. Сегодня существует одна общечеловеческая мораль, записанная в «Билле о правах человека». Если учесть, что у христиан и у иудеев один Бог, то что остаётся?

—

Традиции! Вся разница между христианами и иудеями сегодня состоит только в разности национальных традиций, сложившихся веками.

—

И ещё! – вдруг оживился Лёвушка. – Христиане, приняв Христа как Сына Божьего, считают, что они свободны от первородного греха. Евреи, отвергнув Иисуса из Назарета, считают себя носителями этого греха. И когда евреев обвиняют в том, что они всему виной, – евреи не особенно оправдываются. На них грех Адама и Евы! – Ехидная улыбка вдруг покинула лицо Лёвушки. – За что же не любить людей, которые добровольно взяли на себя грехи всего мира? Либо в лице одного Иешуа Ха-Ноцри, либо целиком, всей нацией?

—

О, Господи! – воскликнула Има. Леночка закусила губу, откинулась на подушку, ухватилась за спинку кровати и сжала веки.

—

Спокойно! – скомандовала молчавшая до сих пор Шела

Моисеевна. Она наложила жгут на руку больной и проворным движением вогнула иглу в вену. Леночка разжала веки, руки, размякла, и дыхание её стало ровным и спокойным. – Тихо, девочка. Отдыхай. – Она стала собирать инструменты. – Спасибо тебе, дорогая Ната. Я и не надеялась так хорошо отметить Пейсах. Кому скажешь, что у тебя праздник? В первый раз Пейсах на дежурстве. Всю жизнь помнить буду. Ну, а Лёвушка – философ, – улыбнулась доктор доброй материнской улыбкой. – Не хуже своей тети. Я сегодня впервые задумалась над глубокой связью между религиями. Тут если с вами поселиться, можно забыть своё атеистическое прошлое и всерьёз стать верующей. Мне пора. Пойдём со мной, – обратилась она ко Льву, – дам тебе препараты для Леночки. А мне пора обойти отделение.

Когда они вошли в ординаторскую, доктор Шела позвала дежурную сестру и распорядилась выдать для Леночки шприц и дозу морфия.

–

Мы с доктором Сашей, – она улыбнулась, – это только я его так называю, – понял?

–

Обижаете, Шела Моисеевна!

–

Так вот. Он мне рассказал про твои идеи. – Лев наострил уши. – Я не знаю целителя (гомеопата, экстрасенса или про-

сто шамана), который посмел бы взять на себя ответственность на такой стадии заболевания. Жалко, конечно. Но её спасти нельзя. Успокойся, успокой свою совесть и остуди энтузиазм. Если бы я не была профессиональным врачом и могла что-либо сделать, – я бы ускорила её уход. Мне больно смотреть на муки этого ребёнка.

–

Я очень много думаю, говорю, советуюсь, слушаю. Все, включая мой здравый смысл, согласны с Вами. А наедине с собой во мне живёт какая-то абсолютная уверенность, что Лена будет здорова. Как это объяснить, – я не знаю.

Дежурная сестра принесла всё, что ей было велено.

–

Положи это на тумбочку Лены и иди домой.

–

Можно, я сегодня останусь с ними? Има устала от праздника, а я подежурю. В палате есть удобное кресло. Завтра мне уезжать.

–

Ладно. Только сам инъекции не делай. Позовёшь сестру.

–

Спасибо.

Когда Лев вернулся в палату, на столе горели свечи, еда была прикрыта салфетками, а посуда вымыта.

–

Поставь стол на место и иди домой, – сказала Има. – Зав-

тра придёшь попроситься.

–

Мне разрешили эту ночь провести здесь с вами, – ответил Лёвушка, выполняя распоряжение своей Имы. – Я буду в этом кресле. Посажу, подежурю, почитаю. А ты спи.

–

Раз ты так решил, – оставайся. Спокойной ночи!

Лев сел в кресло так, чтобы свет от коридора падал слева, взял свою книгу, положил её на колени, посмотрел на Леночку и задумался.

Всю неделю он наблюдал за её состоянием, поведением, муками. Она была истощена болью. Её приходилось держать на наркотиках. Все анализы показывали постоянное ухудшение общего состояния. Врачи были уверены, что метастазы в какой-то уже близкий момент могут привести

к фатальному концу. А он задавал себе только один вопрос, который врачи никогда себе не задают, поскольку верят только анализам:

–

В чём проявляется её готовность к смерти? Где печать Судьбы?

Нет! В ней было всё – болезнь, прогрессирующее ухудшение показателей, истощение организма, невероятные боли, – но когда болей не было, и она бодрствовала, то это был живой ребёнок, энергичный, задорный, умный. Понятие смер-

ти с ней не вязалось.

—

Ты прав. Она не умрёт, если срочно покинет эту больницу. Здесь больная среда. Она её затянет.

—

Но как увезти её? Она не сможет жить без наркотиков. Боли убьют её.

—

Не давай колоть её наркотиками. Попробуй, когда она проснётся, ещё до наступления приступа, смазать медом вокруг опухоли и сказать, что боли больше не будет. Заставь её закрыть глаза, расслабиться и прочти над ней молитву. Читай молитву до тех пор, пока она не заснёт, и на щеках не выступит румянец.

—

А если она будет плакать и грызть губы от боли?

—

Поставь перед ней свечи и читай молитву. Не отвлекайся. Молись.

—

Я сделаю это. Господи, помоги мне!

—

Не волнуйся. Господь с тобой. Иначе я не мог бы тебе советовать. Ты не слышал бы меня.

—

Кто ты? Откуда?

—

Я крещён Василием. Мы с тобой едины духом. Я всегда буду рядом. Не сомневайся.

—

А как мне тебя искать? Как позвать, если мне будет нужна твоя помощь?

—

Молись. После молитвы зови. Заклинай Создателем и зови. Верь и зови. Пока не разуверишься, – всегда дозовёшься.

—

Ты где?

—

Я сейчас здесь. Но лежу я на берегу Днепра. Я там живу. Мы с тобой всегда вместе. Сегодня я был на вашем празднике. Я давно уже рядом с тобой, но стараюсь быть незамеченным. Ты пока не был готов понять.

—

Если я понимаю правильно, то ты открылся мне сейчас, потому что мои представления и намерения верны, и

ты хочешь мне помочь?

—

Да. Я верю, что ты способен не допустить, чтобы воля к жизни покинула её, а судьба наложила руку смерти на эту ещё не прожитую жизнь. Но важнее другое. Ты – один из тех немногих, чей дух близок моему. Когда люди говорят,

что они встретили родственную душу, то обычно имеют в виду встречу с человеком, чья судьба, условия жизни, воспитание подобны их образу жизни, целям, мыслям. А у нас с тобой настоящая общность душ. Наши души одного уровня, дома, клана. Сейчас, сопереживая этой трагедии, твоя душа возмужала, и встреча со мной её не пугает. Мы с тобой, пока единственные, обладаем способностью выходить на этот уровень общения. Поэтому не удивляйся, что с другими у тебя не будет получаться такой контакт.

—

Понял. Скажи, что дальше делать?

—

Увезти её надо из больницы. Посели в таком месте, где почувствуешь присутствие духовной благодати. Создай атмосферу доброжелательства, духовного общения. Утверди её в вере в Создателя, в его любви к ней, в желании дать ей жизнь.

—

Я заставлю родителей взять её домой.

—

Нет. Мы с тобой знаем, что болезнь её духовна. Возможно, в семье нездоровый духовный климат. Она ведь там заболела.

—

Я знаю, что родители живут в любви и согласии. Крещены, венчаны, и отец поёт в приходе.

—

Значит, её душа не приемлет самого родительского дома. Ей нужно поменять обстановку.

—

Но как мне это сделать?

—

Не знаю. Это вы решайте сами. А когда она будет в здоровой атмосфере, мы начнём лечить опухоль.

—

Как?

—

Всему своё время. Я научу тебя. Смотри! Она проснулась. Открой глаза. Ну!

—

Хорошо. Только не покидай меня сейчас. Подожди. Может, ты мне понадобишься, ведь я этого никогда не делал.

—

Смелей. Я здесь.

Лена лежала на спине с открытыми глазами и спокойно рассматривала потолок.

—

Ты проснулась рано, — обратился к ней Лёва, — ещё темно.

—

А который час? — ей почему-то становилось спокойно, когда она слышала его голос.

—

Ещё нет трёх часов.

—

А мне сделали укол в десять?

—

Да. В начале одиннадцатого.

—

Жаль.

—

Чего?

—

Много проспала. Скоро наступят боли. Обидно спать, когда нет болей и можно радоваться, говорить, думать, смеяться.

—

Ты хочешь жить?

—

Очень!

—

Хочешь радоваться жизни?

—

Хочу!

—

Повторяй за мной. — Он убедился, что Лена слушает его: — Боже мой, Всеблагий и Всемогущий! Услышь меня, грешную дочь твою.

Лев уловил эхо — её слова и успокоился: она его слуша-

лась!

—

Прости, Господи, все прегрешения мои. По природе своей человеческой я плохо понимаю разницу между добром и злом. Возможно, я грешил в жизни своей, возможно, сотворил бед греховных немало. Но — клянусь именем Твоим, единственной жизнью своею! — грешил, не ведая греха. Грешил не по злему умыслу. Грешил по своей природе человеческой. Не предай злым силам. Дай мне жизнь. Дай счастье уйти из жизни после того, как в муках и страданиях, подобно слепому в пустыне, найду путь к Тебе, Создатель. Ты осветил разум мой верой. Ты указываешь мне путь к исцелению. Верую в животворящую силу добра Твоего! — Он шестым чувством следил за тем, как больная повторяла за ним слова молитвы. Лев сам почти целиком отдался молитве, но памятуя о своём долге целителя, не мог оборвать нить, связывающую с ней. Он должен был следить и за её состоянием.

С первых слов молитвы Лена отдалась тому безгранично доверительному состоянию, которому может отдаться только женщина. Лев даже испугался, почувствовав такой уровень доверия. Страх сфальшивить развил в нем такую степень самоотдачи, при которой уже никто не осмелился бы оспаривать праведность совершаемых им поступков.

Всё! Он вёл, — она шла за ним без оглядки, доверившись мощи возникшего духовного контакта.

Он должен был, и он принял решение. Не будет он мазать её ногу мёдом. Не прервёт этого состояния её безграничного доверия. Он продолжит молитву и её силой заставит отступить боль!

—

Господи, – продолжил Лев, – не дай мне испытать боль! Сжался надо мной, Великий и Всемогущий! Устали чувства мои от этого испытания. Тебе не ведомы людские страдания, но Ты – всему начало. Ты знаешь, что силы зла противятся Твоим силам добра и любви. Услышь нас, Господи! Не допусти их. Помоги нам остаток сил наших использовать для возвращения к жизни, а не тратить их на борьбу с болью. Ты волен ввергнуть нас в мир страданий, послать покой и здоровье, либо прервать земное бытие наших душ.

Произнося эти слова, Лев взял подсвечник, встал за кроватью больной девочки, поставил подсвечник на спинку кровати так, чтобы огонь не дрожал от движения его рук, и продолжил:

—

Огонь этих свечей очищает нас от злых сил. Смотри на огонь и будь спокойна. Господь с нами! Повторяй про себя: Господь со мной, он дарит мне покой и сон, я засыпаю в радости.

Лев стоял неподвижно и наблюдал за тем, как она постепенно расслабляется, веки её закрылись, дыхание стало ровным и еле уловимым.

Прошло минут десять и, к великой своей радости, Лев увидел бледный румянец на матовых щеках уснувшей больной.

—

Хвала Тебе, Господи. Если она не проснётся до утра, я возьму её домой и вырву из бездны, к которой её приговорили. Василий, если ты это видел, возрадуйся! Спасибо тебе за науку и доверие. Я твой ученик и должник. Всегда и во всём я буду следовать за тобой.

Он не смел сдвинуться с места. Страх прервать чудодействие сковал его. Лев стоял у кровати и сжимал в руках подсвечник с догоревшими свечами.

Старая женщина глубоко вздохнула, высунула руку из-под одеяла, приоткрыла глаза. Увидев своего воспитанника возле кровати бедной Леночки, она улыбнулась и удовлетворённо снова закрыла глаза.

—

Наше поколение прожило жестокую жизнь и, если мы

смогли воспитать наследников, не испытавших боли и лишений, но способных сострадать, — ай да молодцы мы! — подумала больная. — Ты что, прилип к кровати беспомощной девочки? Бесстыдник!

—

Ты проснулась?

—

Нет, это я во сне вижу, как ты пристаёшь к молодой, несовершеннoлетней красавице. Сейчас встану. Молодые могут так проспaть всю ночь, чтобы ни разу никакой нужды не испытать. – Натали Арье села на кровати и стала искать свои шлёпанцы, шаря ногой под кроватью. – Ты не поможешь мне найти левую тапку?

–

Нет, – вдруг услышала она совершенно неожиданный ответ. Има подняла голову и внимательно всмотрелась в лицо Леванчика. Ничего особенного она не нашла ни в выражении лица, ни в позе, но необъяснимая тревога всё-таки потеснила беспечную утреннюю истому.

–

Ра мохда*, швило? – спросила она, пытаясь понять причину такого поведения своего любимца. – Ты что стоишь как вкопанный?

–

Руки не могу оторвать. Затекли. – В его голосе угадывались боль и усталость.

–

Вай мэ**, швило!.. – засуетилась тётка. Она буквально вскочила с кровати и вцепилась в его запястье, пытаясь отдрать руку от спинки кровати. Когда это не удалось, она разогнула по одному пальчику, отняла подсвечник с догоревшей свечой и стала массировать онемевшие кисти его рук. Леван, стискивая зубы, терпел боль, нараставшую, по

мере того как сухожилия и мышцы вновь приобретали подвижность.

–

Пододвинь стул, – попросил он.

Старая дама, поняв, что с ногами у него та же беда, с удовольствием плюхнулась бы в обморок.

Однако сознание необходимости действовать во имя самого дорогого существа не позволило ей расслабиться и получить это чисто женское удовольствие.

Когда, пододвинув стул, несмотря на все усилия, она не смогла согнуть ноги и спину Левана, её охватила паника.

–

Вай мэ!.. Вай мэ!.. Вай мэ!.. – запричитала Има,

**Ра мохда – что случилось? (грузинский).*

***Вай мэ – восклицание неожиданности, типа «ой!».*

начав уже бессмысленно суетиться вокруг дорогого истукана. – Может, врача позвать? – умоляющим взглядом глядя в его усталые глаза, спросила старая матрона.

–

Я постараюсь сесть, а ты пододвинь под меня стул, – сказал Лев и, схватившись снова за спинку кровати, постарался расслабить ноги. Натали с комсомольским энтузиазмом выполнила доверенную ей операцию, и... её любимчик плюхнулся на стул, как подкошенный. Падая, он невольно дёрнул Леночкину кровать и в страхе, что разбудит её, разжал руки.

Стул пришёлся на половину правой ягодицы, которая тут же соскользнула... Леванчик оказался на полу.

Бедная Натали от ужаса, что «убила мальчика», рухнула перед ним на колени. Он, из страха, что шум выскочившего из-под него стула потревожит больную девочку, застыл в полулежачем положении, опираясь на левую руку. Има в порыве искреннего раскаянья обхватила его голову и прижала к груди... Застывшая композиция для постороннего взгляда повторила сцену картины «Иван Грозный убивает своего сына».

—

Она не проснулась? – высвобождая голову из объятий тётки, прошептал Лев.

—

Что? – приходя в себя, переспросила спасительница. Лев посмотрел на кровать и остолбенел: Леночка, поменяв позу, лежала на спине с вытянутыми вдоль тела руками.

—

Има!.. Что с ней?

Бедная старая женщина, ещё не до конца осознавшая, что с её мальчиком ничего дурного не случилось, посмотрев на девочку, сама оказалась без чувств на полу.

Лев заметался между двумя дамами, не проявляющими желания хоть какими-либо движениями развеять его страхи.

—

Има! Има! – тормошил он старуху. Наконец, та открыла глаза и огляделась.

–

Как ты? – она впилась испуганным взглядом в его лицо.

–

Нормально, – успокоил её он, и оба посмотрели на Леночку. Та, как будто ждала, когда на неё обратят внимание, снова повернулась на бок и подложила ладошку под щёчку.

Придя в себя, Лев встал, поднял на ноги Иму, усадил её на кровать, нашёл и надел ей на ногу вторую тапочку, а затем уселся рядом.

-

Что ж это было? – услышал Леван усталый голос Имы. – Что это ты остолбенел? С Леночкой всё в порядке?

–

Мы с ней молились.

–

Когда?

–

Когда она проснулась,.. – и Лев рассказал бабушке обо всём, что произошло с ним этой ночью, включая и голос Учителя. – Ведь никому этого не расскажешь. Сочтут сдвинутым.

–

Так она проснулась потому, что почувствовала боли, а после вашей молитвы заснула без лекарств?

—

Да. И спит до сих пор.

—

Ей регулярно колют наркотики и, как мне казалось, — всё чаще.

—

А теперь будут реже.

—

Почему? — она всю жизнь старалась понять верующих людей; всегда поощряла ревностное отношение своего кумира к религии. — Потому что помолились?

—

Да!

Има считала себя «достаточно верующим человеком», но поверить в чудо, которое происходит в её присутствии? — Это слишком!

—

Ты в своём уме?

—

Вот, видишь: если ты не веришь, — кто поверит?

—

Ты чего-то не договариваешь, — она искала «вразумительный ответ» на возникшие вопросы. — Может, ты её чем-нибудь напоил?

–

Ах, – вдруг воскликнула Има, решив, что, наконец, нашла правильный ответ на все вопросы, – как я могла не понять? Ведь ты её загипнотизировал. Она под гипнозом! Это не опасно? Ты сможешь её разбудить?

–

Имуля, ты думаешь, о чём говоришь? Я никогда не занимался гипнозом. Для овладения техникой гипноза нужен долгий и серьёзный тренинг. Да и не внушал я ей ничего. Мы помолились, и я предложил ей спокойно заснуть.

–

Ладно, – старая женщина встала, взяла руку своего воспитанника, прижала к щеке и, проговорив с закрытыми глазами, – Аминь! – направилась к двери.

Лев пересел в кресло и закрыл глаза.

Леночку разбудила медсестра, которая перед обходом врачей мерила у больных температуру.

–

Доброе утро, девочка! – поздоровалась Натали

Арье. – Как спалось? – спросила она, обрадовавшись давно покинувшему это прекрасное личико еле заметному свежему румянцу.

–

Я проспала всю ночь в очень красивом саду! – улыбнулась в ответ Леночка. – Там были высокие горы. Никогда таких не

видела. Я легко, как на лифте, поднималась по ним и выглядывала за облака. – Она оглядела комнату. К горлу подкатил комок, и дыхание сдавил спазм. – Я не хочу быть здесь... – Ребёнок насупился. На глаза навернулись слёзы.

Натали Арье машинально растолкала спящего Левана. Тот спросонья решил, что у Леночки снова начались боли. Он подошёл к её кровати, взглянул в плачущие глазки и увидел в них такое, что вместо заготовленного сострадательно-го: «Очень больно?» – у него вырвалось:

–

Чего плачешь?

–

Я не хочу быть здесь! – кричала больная девочка. – Я хочу, чтобы меня увезли отсюда. Я не хочу... – плач стал переходить в истерику. – Мне страшно! – Она схватилась за подол халата бабы Наты. – Страшно мне! Страшно!

–

Успокойся, – тихим, но твёрдым голосом заговорил Лев. – Посмотри на нас. Вот! Мы здесь, с тобой. Ты ничего не бойся.

–

Увезите меня отсюда!

–

Увезу.

–

Позвоните маме. Пусть они приедут и заберут меня.

–

Не плачь. Ну, чего ты, как маленькая! Я ведь сказал - увезу.

Леночка вдруг перестала плакать и уставилась на Леванчика:

–

Куда увезёшь?!

Ната, «пришвартованная» к кровати цепкой рукой испуганной девочки, изумлённо наблюдала, как спокойно и естественно её внук перехватил инициативу.

–

Ты что, не помнишь? Кто я?

–

Лёва.

–

Э!.. Женщины нычэго нэ помнат! – утрируя свой и без того довольно ярко выраженный грузинский акцент и разглаживая несуществующий ус джигита, воскликнул он. – В горы увезу! В высокий башня посажу! Бусы, сэрьги одэну! Ныкому нэ покажу!

У Леночки лицо изменилось до неузнаваемости. Сейчас

в кровати лежал ребёнок с выражением лица шаловливого амурчика. Она приняла условия игры, вспомнив все слышанные в детстве сказки и прочитанные истории:

–

И я буду кавказской пленницей? – улыбнулась девочка. –
И поднимусь выше облаков?!

–

Ну канэшно!

–

А я оттуда убегу...

–

От джигита, – он подбоченился и выпятил грудь колесом, – ещё никто нэ бэгал!

–

А я сяду на облако и улечу! – она улыбалась. Глаза её искрились.

–

Твоё облако похоже на черепаху, а моё на скакуна. Кто быстрее? Я осёдлаю скакуна. Выпью на дорогу вина. Одэну дорожную чоху*. И догоню... тэбя... – последние слова он произнёс медленно и неуверенно.

–

Уйди! – взгляд её потух. Она не прикрыла веки, но было понятно, что эти глаза никого больше не видят, – они повернуты внутрь, и сейчас девочка видела и слышала только себя.

Лев встал на колени перед кроватью больной:

–

Сегодня ты молилась с искренней верой, – начал он, сложив молитвенно ладони. – Мы молитвой победили боль. Поверь мне. Пожалуйста! Поверь, что Господь с тобой. Он не

оставит тебя до тех пор, пока будет в тебе вера. Прими и от меня клятву: я, Лев Арье, перед Твоим лицом, Господи, клянусь, что никогда, ни при каких обстоятельствах не оставлю блаженную дочь Твою, Елену, в беде и болезни. Клянусь всегда и везде, где потребуется ей моя помощь, быть рядом. Если я нарушу эту клятву, то пусть меня постигнет кара Твоя! Аминь!

Лев поднял голову и открыл глаза. На него смотрели два больших синих огонька, полных веры и преданности. Он бережно взял её маленькую руку и поцеловал.

—

Хочешь в горы? – улыбнулся Леван. Она кивнула. – Подем. Только больше не обижай меня недоверием. Ладно? – Леночка потупила взор и стала похожа на нашкодившего шалуна.

**Чоха – национальный грузинский костюм.*

Леван встал. Появилась сестра, чтобы собрать термометры. Натали нашла свой термометр возле пояса халата, а Леночкин, не без труда, нашли в складках постели.

Люди, даже очень почтенного возраста, что дети малые. Достаточно было небольшого отвлечения – и от напряжённости, которая до этого царила в комнате, не осталось и следа.

Они сидели в ординаторской. Сильный здоровый мужчина с крупными волосатыми руками и седеющей шевелю-

рой и юноша, почти мальчик, с непослушной кудрявой копной смолисто-черных волос на голове и еле пробивающимся светлым пушком над верхней губой.

Оба были озадачены. Их отношения к проблемной ситуации тоже были противоположны. Чувствовалось, что мужчина явно ошеломлён, не владеет ситуацией. Юноша сидел чинно, однако реакция и блеск глаз выдавали в нём состояние еле сдерживаемого триумфа. Это доктор Саша и Леван старались разобраться в событиях минувшего дня.

Что могло заставить заведующего отделением Центра онкологических заболеваний, доктора медицинских наук, профессора запереться в ординаторской с юнцом, да ещё и вести с ним диалог в сфере своих профессиональных знаний?

Очередной анализ крови, взятый утром у больной Чадовой Елены Ивановны, дал неожиданный результат. Вместо ухудшения, в лучшем случае стабилизации процесса, анализ показал резкое улучшение состояния организма. Попытка анализа возможных причин получения подобного результата привела к выявлению их полного отсутствия. Тем более удивляло моральное состояние больной, а также почти полное исчезновение у неё болевых ощущений. Двадцатилетняя практика Александра Петровича не знала подобного. Ситуация, которую описала старший ординатор, доцент Вельбицкая Шела Моисеевна, показалась ему смешной и маловероятной. Даже теперь, сидя напротив этого парня, видя его умные, с характерной врождённой грустинкой глаза и

явно ощущая силу его личности и зрелость мышления, доктор Саша не мог заставить себя поверить в реальность происшедшей метаморфозы.

– Нет, – спокойно, но настойчиво гнул свою логику Лев, – нет здесь никакой мистики. Давайте по-другому! Скажите, если бы резервы организма были полностью истощены, наступила бы смерть?

–

Конечно.

–

Тогда, если организм не прекратил функционировать, значит, в нём ещё есть жизненные силы? Виноват, – он улыбнулся про себя, – материальные ресурсы? – Доктор тоже улыбнулся и кивнул в знак согласия. – Вот, – продолжал юноша, – мозг, усилием его пробудившейся воли, получил команду направить этот рассредоточенный резерв для решения одной задачи.

–

Какой?

–

А кто может знать? Про эту задачу может знать только, – он хотел сказать «Бог», но сдержался, – сам мозг.

–

Так! Если мозг знает, как он себя должен вести, как распределять ресурсы и какие задачи решать, почему он этого

не делает? Значит, есть существенные препятствия, и мозг не способен направить процессы так, чтобы спасти гибнущий организм. Существуют не только функциональные, но и физиологические, и анатомические изменения, возродить которые внутренними ресурсами организм уже не способен.

—

Кто знает? — заметил Лев. Ему очень хотелось убедить врача в том, что в организме Леночки всего достаточно для здоровой и полноценной жизни. Не хватает только благодати и веры. Но после реакции Имы он твёрдо знал, что так говорить с последователями материализма нельзя. «Тогда то же самое, но в их терминах», — подумал он и продолжил диалог. — Даже когда орган потерян физически, мозг в состоянии его реставрировать. Ну, на примере хвоста ящерицы. Человеческий мозг просто не решал подобных задач. Если их решает мозг ящерицы, значит, подобное решение существует. И при этом ящерице не требуется никаких внешних воздействий. Человеческий мозг умеет справляться с функциональными нарушениями. Значит, достаточно направить усилия мозга на решение нужной задачи, и организм станет функционировать в режиме восстановления нарушенных функций.

—

Сильный довод, — оценил доктор приведённый пример, — однако здесь мы наблюдали процесс физического перерождения тканей. Восстановить эту повреждённую ткань прак-

тически невозможно. Даже внешними воздействиями мы способны только приостановить процесс. О том чтобы возродить разрушенные клетки, даже речи не может быть.

Это необратимый процесс.

—

Кто знает? — снова заметил юноша, а сам всерьёз задумался над тем, в каком направлении пойдёт процесс выздоровления. Если, действительно, раковые клетки не могут снова превратиться в клетки здорового организма, значит, реальной возможности выздоровления Леночки не существует.

—

Я знаю, и абсолютно точно. Это то же самое, что из древесных углей восстановить дерево. Есть в природе необратимые процессы. Раковая ткань — необратима.

—

Так значит, это только остановка процесса распространения метастаз? — спросил Леван, продолжая усиленно думать над возникшей проблемой.

—

Да! Как ни обидно, но это так, — констатировал Александр Петрович и грустно улыбнулся. — Спасибо тебе за беседу. Редко в наше время найдётся человек, с которым можно было бы так красиво поразмышлять

—

Вам спасибо! — Леван был озадачен, но искренне побла-

годарил профессора. Теперь ему есть над чем подумать.

Има сидела в кресле холла и ждала своего воспитанника с победой. Лев сел в кресло напротив. Она терпеливо наблюдала. Ждала, когда он захочет поделиться.

–

Я сейчас! – извинился он, встал и снова пошёл в ординаторскую.

–

Доктор! Разрешите один вопрос? – профессор посмотрел на него с явным интересом. Он ждал новых каверзных умных вопросов. Ждал из врождённого любопытства учёного. – Если я правильно понял, болезнь находится в той стадии, когда говорить о выздоровлении уже поздно?

–

Как ни жаль.

–

Значит, её можно только поддерживать как хронического больного, а лечить бесполезно? – тут Лев немного замешкался, стараясь правильно подобрать слова. – Ведь предмета лечения нет?

–

Если есть организм, значит, есть предмет лечения, – улыбнулся доктор Саша. – Колись, Лёвушка! К чему клонишь?

–

Можно её забрать?

–

Зачем?

—

Она здесь долго не протянет.

—

А без постоянного надзора, без всех технических и

научных ресурсов, которые здесь имеются, — протянет? —

он сделал паузу. — Девочка сможет покинуть больницу только по решению своему и родителей. Всё!

—

Спасибо! — Леван вышел. Здесь уже все вопросы были решены.

В тот же день, за несколько часов до вылета, Лев заком-постировал билет на конец следующей недели. Кроме того, он забронировал ещё два билета, переговорил с Тбилиси и заказал разговор с родителями Лены по коридорному телефону больницы.

Наш интеллигентный читатель наверняка в течение всего хода повествования не может понять, как это случилось, что девочка, находящаяся на грани жизни и смерти, лежит одна за много километров от родительского дома, полного родных и близких людей. Фантазия нашего совестливого читателя, возвращённого на житейских примерах, сразу рисует мрачную картину семьи хронических алкоголиков, которые только в короткие минуты трезвости могут, поднатужившись, вспомнить про бедную больную дочь, выпить со слезами на глазах

за её здоровье и снова забыть до следующего похмелья.

Если бы это было так, то мы вряд ли упомянули бы о них вообще. Все обстояло совсем иначе.

Иван и Людмила Чадовы вместе окончили сельскую школу и поступили в сельскохозяйственный техникум своего областного центра. Он освоил специальность механизатора, она – агронома. Вопрос их возможного супружества никогда не возникал, потому что росли они вместе (между усадьбами их родителей был не забор, не лаз, а всего-навсего цветочная клумба). Просто в один прекрасный день осени была назначена свадьба.

Чадовы жили так же естественно, как и поженились. Родили дочь и сына. Построили дом. Растили детей. Купили мотоцикл. Болели, выздоравливали. Купили машину. Их родители поочередно умирали. Они работали. Жили, как все...

Достойная чета пришла на почту ровно к семи часам. Через десять минут Иван пригрозил, что уйдёт, поскольку не намерен терпеть это безобразие:

—

Вызывают к семи, так пусть звонят в семь, а то, вишь, барыни столичные – жди их!

Когда вошли в кабину, он поднял трубку:

-

Ну! Да! Кто? Куда? Что, у неё дома нет? Никаких грузин! Пусть едет домой! Что не может? Ты соображаешь, что гово-

ришь? К грузинам ехать может, а домой не может? Это почему? Ты её увезёшь, если я позволю? Это она хочет? Вертихвостка! Её здесь Дима ждёт, а она к грузинам собралась! – он отдал Людмиле трубку. – Сама говори со своей дочкой. Дурь бабья!

–

Леночка! Нет? А кто? Как зовут? Ната? Это что, имя такое? Ну? Да! Да, да... Ой, Господи! Это доктор говорит? Да! Я...я слушаю...слушаю. Так что же делать? Боже мой! Да...да...это так надо? Ну, конечно...конечно...конечно приеду. Хорошо. – Она положила трубку. – До свидания... – произнесла мать Леночки, посмотрела на курящего в зале возле печи мужа и вышла из кабины.

–

Завтра поеду в Москву. Там с Ленкой чего-то неладное творится.

Как это страшно, когда душа, не разбуженная в юности размышлениями, страстями, противоречиями, привязанностями, потерями и поисками, спит!

В конце недели карета скорой помощи привезла Леночку в аэропорт. Улучшение здоровья Имы последовало сразу, как только Леночкина мать дала добро на то, чтобы Лев Арье увёз её дочь в Грузию. Доктор Саша переговорил со своим однокурсником Гурамом Гогитидзе, дал Натали Арье все необходимые документы и отправил их в Тбилисскую онкологическую больницу. Таким образом, они втроём оказа-

лись на борту самолёта, совершающего рейс Москва (Домодедово) – Тбилиси.

Из года в год каждое утро Деми уходил на работу. Так он обеспечивал независимость существования семьи и право на свободу творчества.

Каждый день, возвращаясь с работы, он садился за письменный стол. Образы приходили сами. Они будоражили мысль. Складывались фразы, описывались события, люди.

С того момента, как Деми впервые задался вопросом, куда девается свобода в земном бытии, и взял в руки перо, прошло несколько лет. В каждом новом рассказе он задавал или раскрывал вопросы, ответы на которые искренне желала познать его душа. С каждым рассказом вопросов появлялось

всё больше, перо становилось всё послушнее, удовольствие от творчества наполняло душу.

Любовь придавала Рите сил, для того чтобы полностью оградить Деми от всех бытовых проблем. Им было не скучно и не трудно жить в обществе, охваченном вакханалией толкучки. Им не приходили в голову проблемы поиска лучшей доли, большего куска пирога и престижных предметов роскоши. Их поглощала жажда творчества, и оберегала любовь. Они были свободны.

Вечером после семейного ужина Деми, как обычно, вошёл в свой кабинет, взял ручку, положил перед собой лист бу-

маги и...

«Мысли, порождая друг друга, текут спокойно. Это, наверное, и есть исповедь!»

А попробуй быть таким же честным лицом к лицу с другим человеком или аудиторией... Нет уж! Быть до конца честным можно только в своих мыслях, если ты, по природе, смелый и добрый человек. Смелость нужна, чтобы оставаться честным, даже когда становится нестерпимо больно. А доброта, – чтобы не замыкаться на себе, чтобы, думая о своем, ты ощущал лезвие правды и понимал позицию других людей.

Ох, как интересно получается! Я где-то, уже даже не помню когда, вычитал подобную мысль. Она звучала примерно так: «доброта – это зрение души». А сейчас я её открыл сам, и она стала моей. Я её сейчас не просто понимаю – я её вывел в момент откровения. Я её чувствую. И это чувство вдруг породило новую мысль (а мысль всегда начинается с вопроса): кто же тот человек, который способен на гласную исповедь?

Это не только смелый и добрый человек. Он должен ещё обладать такой сильной волей, которая позволила бы удержаться от всякой лжи. Способный на такое человек – святой!

И вот этот святой человек исповедуется. Он никого не старается убедить. Он просто излагает свои мысли. А слушатели не верят. Не смог он достучаться до их сердец.

Неэффективно выступил.

Выходит, что святой пусть лучше молчит, поскольку убедить в своей святости и улучшить человеческую мораль

ему всё равно не удастся. Его голос – глас вопиющего в пустыне.

Так в своё время не услышали Христа. А поскольку он был уж очень свят, – его распяли...»

Только Демиург поставил последнюю из этих трёх точек, как Рита ввела в комнату гостя. Деми поднял голову, и в его сознании мгновенно всколыхнулись в бескомпромиссном противоречии самые сильные чувства. Он в единое мгновение пережил острую боль от столкновения всех парадоксальных ощущений земного бытия, рождённых опытом прожитых жизней.

Но врождённое благородство заставило поклоном приветствовать гостя. Перед ним в парчовом домашнем халате, опираясь на трость в виде большой чёрной змеи с изумрудными глазами, стоял Адамбек.

–

Постоянство – великая штука, – заметил гость в ответ на поклон хозяина дома. – Стоит только появиться искренней душе в пределах моих владений, как она начинает анатомировать природу этого праведника. Уж Вам-то, маэстро, прочувствовавшему истоки мироздания, однажды прошедшему с ним по Виа Долоросса, зачем Вам вновь копатья в*

Его путаных притчах?

—

А почему величайший из магов Земли меняет свой лик при каждой встрече?

—

*«Всё в мире изменил прогресс, — усмехнулся гость. — Как быть? Меняется и Бес»**, — это справедливо заметил Гёте. Теперь мне надо поддержать последователей пророка Мухаммеда. Они находятся в той стадии, когда творят на благо моих целей.*

—

*Мудрейший, — Демиург присел на стул против кресла — качалки, в которую погрузил себя гость, и склонил в задумчивости голову. — То чувство благодарности, которое я испытываю к Вам, не позволяет мне поверить в приписываемое Вам воплощённое зло. Точно так же я волен сомневаться в воплощённой добродетели Ёшуа из Назарета***. Вот тут и возникает вопрос: почему абсолютная гармония*

**Виа Долоросса — дорога на Голгофу; по ней Христос пронёс крест, на котором его распяли.*

***Из «Фауста» Гёте.*

****Ёшуа из Назарета — так звали Иисуса Христа.*

и беспредельная свобода, которые душа пережила в своём вечном доме, вдруг оборачиваются на Земле в непреодолимые тюремные стены противоречий, парадоксов и заблуж-

дений? Как преодолеть их? Где путь к той свободе, которая была дарована Создателем?

—

Я мог бы ответить Вам на этот вопрос, — зевнул гость и удобнее устроился в кресле, — но тогда Вы будете лишены возможности самостоятельно дойти до истины. Значит, в таком случае, я лишу Вас этой самой свободы.

Вы, осознав сей факт, придёте к выводу, что я сковал Вашу свободу и признаете меня тюремщиком.

Демидург кивнул в знак согласия и с прежним вниманием продолжал слушать гостя.

Мне очень интересно проследить за тем, как ... ты будешь искать ответы на эти вопросы. — Адамбек облокотился на спинку, и кресло закачалось. — С Вашего позволения, — он посмотрел на Риту, которая ставила на стол вазу с фруктами, — я погощу у вас и наблюдаю за вашим творческим процессом.

—

Прекрасно! — воскликнула Рита и посмотрела на мужа.

—

Действительно, неплохая мысль, — неуверенно согласился Демидург. — Рита всегда участвует в обсуждении моих мыслей и наблюдений. Я очень хотел написать философский трактат, но она сказала, что это будет мёртвая книга, которую прочтут единицы. Прочтут и не поймут. Прочтут и перевернут. А образное произведение останется в сердцах

миллионов.

—

Угу, — утомлённо прошептал Адамбек. — Его не переврут. Ждите! Наивные романтики. Пишите. А я отдохну у вас.

ВОСКРЕШЕНИЕ ИЗ МЕРТВЫХ

Между двумя соседними сёлами рос, жил и множился веками прекрасный лес, не тронутый ни огнём, ни топорами. Этот лесной массив потому и остался заповедным, что стоял на песчаном неплодородном участке, изрезанном балками, холмами и впадинами. Лесистый склон нависал вздыбленной кручей над Днепром. Огромные деревья своими мощными корнями так цепко связали песчаный берег, что многие деревья

хотя и склонились уже над водой, но держались надёжно. Кроны их сплетались на большой высоте в почти сплошную крышу, под которой крепились новые деревца, сновали белочки, зайчата, охотились лисы и волчата, копошились ежи, кроты и дождевые черви.

В этот день Василь недолго ходил по лесу. Что-то гнало его до дому, в село. Пройдя немного вглубь леса, он повернул назад и уже долго бродил по опушке, непроизвольно поглядывая в сторону села. Неохота возвращаться в такую рань домой. Здесь хорошо! Здесь он сам с собой!..

—

Нет сегодня покоя, — подумал он, наконец, и в самое пек-

ло, когда солнце стояло в зените, вышел из лесу и, уже полностью осознав, откуда происходит охватившее его беспокойство, решительной походкой направился к дому. Не успел он пройти и половину пути, глядь, – по дороге из села скачет по кочкам, сломя голову, на велосипеде Петро, сынок Татьяны, сельского фельдшера.

–

Беда! – встрепенулся Василь и бегом кинулся напрямки к селу.

На улицах ни души. Вот уже и майдан. Выйдя на середину, он остановился, огляделся. В глубине одной из улиц напротив дома собрался гурт селян. Переведя дух, Василь быстрой походкой направился к ним.

Заметив его приближение, люди расступились. Проходя мимо своих сельчан, Василь узнал, что мальчик, играя у колодца, свалился в него. Говорят, когда его достали, сердчишко ещё билось. Стали откачивать, а он и ... помер. Положили его в гостиной на лавку. Родители в обморочном состоянии. Послали сынка фельдшерицы за врачом.

Василь уже в хате. Подходит, наклоняется над мальчонкой, берёт его с лавки и перекладывает на кровать.

–

Окропу, рушныкы, декилько грэлок, – почувствовав скопление любопытных, Василь рассердился: Все геть з хаты!

Ужас, недоумение, страх, ощущение совершаемого святотатства, осквернения святых чувств скорби – заставили

остолбенеть убитых горем родителей.

—

Швыдко! — обернувшись, скомандовал Василь. Взял за руку стоявшую ближе всех соседскую девчушку и объяснил, что нужно принести из его дома. Девчушка мгновенно упорхнула.

То ли надежда, то ли безысходность, то ли приказ, но какая-то сила вдруг заставила всех действовать. В абсолютной благоговейной тишине появились вода в тазах и чайниках, полотенца, грелки, — а в углу комнаты застыли онемевшие родители.

Прошло время. На пороге вновь появились родственники, соседи. В хате стояло благоухание заваренных трав, восковой свечи. Шушукались. Но никто не посмел приблизиться к постели, на которой лежал Иванко. Василь сидел рядом, что-то шептал и смачивал губы мальчика настоем.

Когда Иванко глубоко вздохнул и открыл глаза, Василь залпом выпил большую чашку воды и подозвал родителей:

— Несколько часов не кормите его, можно понемножку поить этим настоем. — Он подержал руку Иванко, кивнул, как бы соглашаясь со своими мыслями, и вышел из хаты.

МОСКОВСКИЕ ПОТОМКИ

ПОЛТАВСКОЙ СОЛОХИ

Кудрявый праправнук небезызвестной на Полтавщине

Солохи, поддерживавшей в своё время дружеские отношения с нечистой силой, был коренным москвичом. Его прадед, внук Солохи, дезертировал из окопа германского фронта и не успел добраться до своего «хутора близ Диканьки», как попал в красноармейцы. Поскольку он, единственный в полку, владел украинской грамотой, его назначили сначала писарем, а потом и красным агитатором. В Москву он был командирован уже в чине комиссара, женился и остался работать в одном из издательств.

На пятилетний юбилей пролетарской революции в семье красного агитатора, как и положено, родилась дочь, и её, тоже как положено, назвали Октябриной. Эта бабка Вадима была достойной правнучкой легендарной Солохи с той лишь разницей, что её «гостями» были не дьяк да голова, а верные ленинцы – слуги народа. Коль скоро маленький с рожками да с копытцами навевывался и к ней, как к подруге детства, то и рассаживала она своих гостей не по мешкам да комодам, а по «местам, не столь отдалённым» и на долгие годы. И первым «посаженым» был сам родной дед Вадима Владимир Чудра, который осмелился вернуться целым и не

вредимым не только с Финской и Отечественной, но и из фашистского плена в самый канун создания новой семьи Октябрины.

Теперь избранником бесовой подружки оказался всеми любимый Василий Тёркин, с которым она познакомилась на

банкете, устроенном властями в честь легендарного героя. То, как закончил жизнеописание этого персонажа Твардовский, является художественным вымыслом. На самом деле Василий вернулся с войны, получил звание Героя, стал почетным членом всех мыслимых и немыслимых советских обществ, депутатом Верховного Совета. Всё его время было заполнено общественной деятельностью: выступлениями, встречами, собраниями, пленумами, чествованиями.

Первые годы семья жила «жизнью страны и народа». Затем эйфория от победы улеглась. Тёркин заскучал. Жена, привыкшая к представительской светской жизни, стала критически посматривать на своего «бравого мужлана», а Тёркин решил продолжить героическую биографию. В один прекрасный вечер он сообщил жене, что, согласно сталинскому призыву, едет в Тамбовскую область поднимать отстающий колхоз. Пока Вася не обустроится на новом месте, Октябрина с сыном будут жить в его квартире на Кутузовском проспекте.

Судя по результатам, Тёркин и по сей день не обустроился. А в конце пятидесятых возвратился из Сибири реабилитированный Чудра. Ему вернули все ордена и назначили персональную пенсию. Теперь Октябрина стала женой правозащитника и выступала от его имени на конференциях и съездах жертв репрессий.

Их сын, отец нашего героя, Сергей Владимирович Чудра рос, как все столичные мальчишки. Пяти-семи лет от роду, по-

ка шла война, а мать вела жизнь молодой соломенной вдовы, он жил жизнью улиц, учился драться, воровать, курить, материться и верить в дружбу. Ни отец, ни отчим никак не влияли на жизнь Сергея. Он с младенчества усвоил для себя истину, что мужчины в их доме – это временные одомашненные животные, которым не стоит попадаться на глаза. Поэтому ни звание «сына врага народа», ни почести пасынка «легендарного героя» его никак не задевали. Он жил, как все дети войны, и идеалами его жизни были независимость, престиж, достаток. Во время «оттепели» он

фарцевал, пижонил и слыл самым заядлым стилиягой Москвы. Между ним и вернувшимся отцом, ошарашенным его яркими галстуками на шее и «буги-вуги» в ногах, установились антагонистические отношения «классовой вражды».

Когда родился Вадим, его дед Владимир Чудра уехал в Читу к своей «ссылной семье», а бабка Октя вдруг присмирела, стала тайком посещать церковь и занялась воспитанием внука.

Что получилось в результате усердных трудов набожной правнучки Солохи на ниве воспитания?

Вадим учился в Академии Народного Хозяйства имени Плеханова на факультете товароведения, чем и завоевал симпатию родителей Филькенштейночки. В прошлом году, не дожидаясь, пока Роза закончит школу, деток расписали. Спешили и Финкельштейны (как бы детка не дотёрлась об

красавчика до позора), и Вадим (не упустить бы возможность эмиграции). Сейчас детки жили на Кутузовском проспекте и писали дипломный проект Вади.

Прозвучал звонок. Роза вышла в прихожую и открыла дверь.

—

Здравствуйте, папа! – пропуская Сергея Владимировича в прихожую, пропела Роза.

—

Здравствуй, Розочка! Здравствуй, Бутончик! – свёкор поцеловал невестку, снял плащ, привычно заглянул в зеркало, приглаживая чуть подёрнутую сединой шевелюру, и вошёл в гостиную.

По всей комнате были разложены книги, бумаги, чертёжные и пишущие принадлежности. Создание дипломного проекта подходило к концу.

—

Так! Вот как начинают самостоятельную жизнь советские интеллигенты, – выдал тираду Чудра-старший, одобрительно осмотрев комнату и усаживаясь в кресло, на котором вольготно развалился старый кот, оставленный сыну в наследство вместе с квартирой.

—

Будете есть? – спросила Роза. – Вы, наверное, прямо с работы?

—

Не, не совсем, – довольно чмокнув губами «по-брежневски» и подумав о чём-то приятном, ответил свекор, – но хорошим чайком с пряником ты можешь меня побаловать. – Когда невестка вышла на кухню, он обратился к сыну: Чего молчишь?

–

От тебя Кларой за версту несёт.

–

А ты носом не шмыгай и от отца его не вороти. А я от неё не только запах принёс.

–

Неужто подхватил?

–

Пошляк же ты! Лучше закругляйся. Поедешь сейчас со мной. Кларка сети забросила. А водичка, по нынешним временам, мутная. Авось, и рыбку словим.

–

Что за рыбка?

–

По дороге поговорим. – В коридоре слышались шаги невестки. – Ох, и шустрая ж ты стряпуха! Когда заварить-то успела?

–

Как раз перед Вашим приходом мы решили, что пора перекусить. Я заварила чай и стала накрывать, – ответила Роза,

толкая перед собой столик на колёсиках.

–

Я вот смотрю на этот маленький столик и ду маю: а чем всё-таки недоволен наш народ? Чего ему не хватает? Зачем нужны эти перестройки и ускорения, если студенты могут накрыть такой стол для лёгкого закуса? Сервелат, балык, сулугуни, «Наполеон». О конфетах и пряниках говорить уже не приходится! Как думаете? Будете вы так питаться в Израиле?

–

Думаю, что будем. Там хорошие менеджеры свои фирмы открывают. Вадя станет капиталистом, а я буду ему подавать кофе с бананами в постельку и буржуинчиков растить.

–

В кипе и с пейсами, – уточнил Вадим, укладывая на кусок хлеба с сулугуни кружочки сервелата.

–

Боюсь, что при такой кошерности отца семейства мои дети останутся материалистами даже на Святой земле. – Роза парировала остроту мужа весело и с доброй интонацией в голосе, однако глаза отвела.

–

Не переживай, Бутончик, – отхлёбывая чай, произнёс ещё несостоявшийся дед. – Если будет выгодно, этот кандидат в капиталисты не только своему сыну, но и мне обрежет всё необходимое.

Роза дрожащей рукой поставила чашку на стол и залилась неудержимым смехом, поперхнулась, откашлялась, вытерла слёзы и замахала руками на свёкра:

–

Я представила, как Вас перед обрезанием спросят: «Веришь в Бога единого, в Создателя?» А вы ответите: «С детства в юных ленинцах хожу!» – и представите раввину свой партбилет.

–

Точно! – поддержал жену Вадим. – Раввин посмотрит,

сколько ты платил членских взносов и скажет: «За такие членские пожертвования, (Роза, свернувшись в клубок, каталась по дивану) этот достойный член надо обрезать на всю сумму».

–

И я стану самым обрезанным евреем в мире и попаду в «Книгу Гиннеса», – невозмутимо продолжил «верный ленинец».

Роза скатилась с дивана и выбежала из комнаты.

Мужчины спокойно допивали чай.

–

Завтра поедешь в распределитель, – Сергей Владимирович протянул сыну талон, – отоваришься. Нам, я думаю, ничего не надо, но ты у матери спроси.

–

Ладно, – талон исчез в кармане Вадима. – Отец заехал за мной, – обратился он к вошедшей жене. – Я думаю, мы ненадолго.

Отец водил машину хуже. Он научился вождению и сдал на права уже после тридцати, а Вадим сидел за рулём с десяти лет. Поэтому, когда едут вместе, водит сын.

–

Вот так, так!.. Мы ехали, ехали и, наконец,.. поняли, что надо спрыгивать с паровоза, – обдумывал отцовские новости, сидя в машине возле Кларинового подъезда, Вадим, – а он пусть кубарем летит к своей последней остановке,.. но без нас. А жаль! Хороший был паровозик. Может, тот, встречный, на который надо перескочить, комфортабельней и идти будет по расписанию, а не с опережением – «пятилетку за четыре года», а потом – назад, «не по той колее пёрли!»

Тут Вадим зримо представил себе прыжок на встречный:

–

Как говорил Жванецкий, «многие не долетали и до середины, пропадали к чёртовой матери!» В капитализме – нет, лучше в железнодорожных терминах, образней, – в том паровозе, конечно, комфортней. Но нам придётся не ехать на нём, а перепрыгивать в него на полном ходу. А это значит, как сказал другой «юморист» более ста лет назад, – «жаль, только жить в эту пору прекрасную уж не придётся ...».

–

Так. Хочешь играть в смертельные игры? Играй! Пере-

прыгивай на встречный. А меня – уволь! Я лучше на ближайшей капиталистической станции («на дальней станции...») сойду.

Задняя дверца отворилась и своим основным достоинством вперёд Клара влезла в машину.

–

Поехали в «Прагу», – скомандовал Сергей Владимиро

вич, усаживаясь рядом с одетой соответственно объявленному маршруту дамой.

–

Привет, красавчик! – обратилась дама к Вадиму. – Молчишь в задумчивости или в обиде за несправедливо прожитые годы?

–

В обиде за Державу.

–

Ах! Вот так. И не меньше! – оценила ответ Клара. – Теперь я спокойна. С такой молодёжью Россия не пропадёт.

–

Кончайте балагурить, – прервал их диалог Сергей Владимирович. – Ты бы лучше, пока едем, рассказала Ваде суть своего грандиозного замысла.

–

А ты что, сам не можешь?

–

Замысел твой. А я хотел бы ещё раз послушать.

—

Ладно, — Клара сделала паузу, перестраиваясь с шутиwego тона на деловой. — Вводная часть. Для того чтобы не было ненужных вопросов к докладчику, — пояснила она. — Как следует из последних постановлений партии и правительства, экономика страны переходит на освоение методов рыночного регулирования. Следовательно, весь экономический потенциал, полностью или частично, со временем будет переведён из государственного владения в частное. Я толково излагаю?

—

Дальше, — явно довольным тоном ответил Сергей Владимирович.

—

Соответственно будут распределяться и финансовые ресурсы страны и партии. Но за всеми этими ресурсами стоят живые люди, которые отдавать их в чужие руки не собираются.

—

«Короче, Склихасовский!» — не представляя, какое отношение это всё может иметь к нему, и теряя терпение, прервал её Вадим.

—

Суть, — объявила докладчица. — В ЦК есть мнение запустить в рынок молодёжь. Комсомол, как всегда, впереди. —

Она сделала паузу, ожидая восторженного озарения со стороны Вадима. Поняв, что её ожидания тщетны, Клара продолжила со вздохом: – Иван Павлович, вы о нём знаете, сын знаменитого Павлика Морозова, сейчас возглавляет Комитет по делам молодёжи. Я хочу представить тебя в качестве кандидата на должность президента первого комсомольско-молодёжного кооператива.

–

Я уезжать собрался.

–

Ты не подал документов. Так что об этом ещё никому ничего неизвестно. Да и ты, до поры, помолчи.

–

Зачем?

–

Давай на сегодня договоримся так, – вмешался Сергей Владимирович, – ты выкажешь в разговоре все свои лучшие качества, заинтересованность творческой перспективой. При этом ненавязчиво проявишь верность идеалам и понимание «карающей силы партии». Всё!

–

Зачем?

–

Затем, мой милый мальчик, – Клара остановила взглядом всплывшего было отца, – что ещё никому и никогда не ме-

шало положительное мнение власть имущих. Да и в любом случае, неплохо бы знать, что на уме у этих самых «имущих». Ведь мы под ними ходим.

—

Пить можно?

—

Нет. Пить буду я, а ты за рулём.

ОЛЬГА НЕЧАЕВА

В каждой газете был отдел пропаганды и агитации марксистско-ленинской теории. Последний съезд единственной и руководящей партии впервые подверг сомнению незыблемость Великой Вдохновляющей Идеи. Это оказалось такой неожиданностью для огромной массы служителей атеистического культа, что у сотрудников отделов, ранее заполнявших своими статьями первые полосы газет, перья выпали из рук. Они не умели сомневаться и жить без Вдохновляющей Идеи. Табунами и косяками бродили по коридорам партийных учреждений и редакций акулы пропаганды в надежде найти утерянную точку опоры. А без их вдохновенного труда Союз Советских Социалистических Республик затрещал по всем швам.

Этот самый, теперь трещащий по всем швам Союз всё еще состоял из пятнадцати стран, между которыми не было ни физических, ни финансовых границ. Каждая из этих стран имела прекрасную самобытную культуру, лучшую в мире систему образования и самую развитую социальную структуру.

По территории Союз занимал большую часть Евразии. Ни много, ни мало – шестую часть всей суши планеты. Подземные кладовые были самыми богатыми в мире.

А руководила Союзом «самобытная» общность людей, которых допустили к руководству и обозвали «номенклатурой». Это не были представители аристократии нации, они не отличались ни образованностью, ни талантами. Это были аккуратные и преданные своей кормушке клерки. Поскольку кроме преданности от них ничего не требовалось, то и винить эту самую номенклатуру в начавшемся процессе развала Союза не имеет смысла.

В редакциях, как и в любом советском учреждении, существовало штатное расписание, и его никто не смел нарушать. Поэтому армия «глашатаев партийной идеологии» продолжала исправно ходить на работу, получать зарплату и искать идею, оседлав которую, можно было бы снова заговорить «шершавым языком плаката». Особенно страдала газета «Правда». Штат её сотрудников полностью состоял из идеологических работников.

По маршруту, известному одному только провидению, весть о чудесном воскрешении ребёнка достигла столицы. Редакция быстренько командировала в деревню на добычу новой темы, а может быть и идеи, самую молодую сотрудницу отдела «Пропаганды».

Чем чёрт не шутит? – подумал ответственный секретарь редакции, почесал лысину и подписал командировочное удостоверение.

Ольга Нечаева недавно по лимиту редакции окончила Высшую партийную школу и только что была переведена из отдела науки в отдел пропаганды. Эта коренная москвичка была музой всех бардовских тусовок. Про такую пел Визбор – «солнышко лесное», а Высоцкий – об «альпинистке гуттаперчевой». Легкая на подъём и смену интересов, Ольга быстро входила в контакт с людьми, легко улавливала их настрой и идеи, мгновенно находила ассоциативные образы и умела точно оценивать полученную информацию.

–

Журналист от Бога! – сказал о её способностях главный редактор, когда давал рекомендацию в эту самую партшколу.

ВЕРШИТЕЛИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕМЕН

Зал зимнего сада на верхнем этаже ресторана «Прага» был полон, звучала музыка, и только в уютном уголке верхнего яруса, чуть прикрытый пальмовой веткой так, чтобы не бросаться в глаза, стоял свободный стол.

Они вошли в фойе, посмотрелись в зеркала, привели себя в порядок и встретили Иван Палыча, который не заставил себя долго ждать. Через десять минут вся компания расположилась за тем самым прикрытым пальмовой веткой столиком.

–

Вот я думаю, – обратился Морозов к даме, – где учат женщин искусству жизнелюбия? Для меня встреча с такой женщиной подобна озарению. Вы – обратился он к мужчинам, – представить себе не можете, сколько наша Клара Лукинична трудилась сегодня по обеспечению совещания при своём шефе. Я думал, что встречу здесь понурую от усталости даму. А она полна энергии. Весела, шустра и обворожительна.

–

А я специально так себя веду, чтобы заслужить Ваши комплименты. Это и есть наша женская хитрость, – весело ответила Клара Лукинична.

–

Давайте начнём с приятного, – подхватил тему Сергей Владимирович, разливая по бокалам шампанское, которое стояло во льду. – Выпьем первый бокал за прекрасную даму, которая собрала нас на этот вечер и украшает его!

–

С великим удовольствием! – Иван Павлович подал бокал даме, взял свой, встал, поднял руку Клары и, глядя на неё с «добрым ленинским прищуром», продолжил: – Эти руки – смысл человечества! Это руки матери, сестры, жены, любовницы. Ради того, чтобы завоевать ласку...

Вадим сидел, откинувшись на спинку стула, внимательно всматриваясь в лицо Морозова:

–

Профессионал! Трёп доведён до полного автоматизма. Он вообще создан из частей. Каждая живёт своей жизнью: рот треплется, глаза наблюдают, под черепом... У-у-у! Как интересно! Боишься? Все боитесь? И смех, и грех. Государственные мужи... Фу! Мерзость какая! Накрутили, навертели, накуролесили, а теперь боятся. Может, и впрямь пришло моё время? Ох, и устрою же я весёлые показательные выступления! Это ж ведь «от Москвы до самых до окраин»

струхнувшие «слуги народа» будут сдавать свои позиции. Раньше у них ничего не было: ни бога, ни черта, ни веры, ни знаний. Была только надежда на «светлое будущее», которое всё оправдает. Теперь пропала эта надежда. Осталось: чтобы избежать позорной гибели, надо объявить «революцию сверху» и под шумок «революционных перемен» растащить подконтрольные богатства страны по своим кладовым...

—

Так! А что думает по этому поводу молодёжь?

Вадим не ожидал обращения к себе, но отреагировал спокойно. Потянулся за бутылкой «Боржоми», налил в свой бокал, пригубил, сделал очень серьёзное выражение лица и провозгласил:

—

Молодёжь об этом ещё подумать не успела. Но если старшие подумают да нам прикажут, то мы – выполним. А набравшись опыта, потом накажем своим детям... – Вадим

поймал едкий недоверчивый взгляд Морозова.

—

Вы действительно так думаете? – в тоне вопроса звучала версия: «или издеваетесь надо мной!..»

—

Я на днях защищу диплом и перейду на третий курс института жизни. Но в бытность всего лишь на третьем курсе академии народного хозяйства мне показалось, что я уже профессионал. Сейчас же, напротив, боюсь, что мой проект похож на лепет младенца. Поэтому предпочту не повторять ошибки третьекурсника и не мнить себя «умудрённым старцем».

Чудра-старший мгновенно уловил, что его сын наладил верный тон общения. Поскольку с закусками покончено, то в ожидании горячих блюд недурно было потанцевать. Он подал руку, Клара с готовностью встала и пошла впереди.

—

Неужели вас, молодой человек, не воодушевляет тот факт, что грядут фундаментальные перемены в жизни страны и общества? Неужели вам, молодым, безразлично: жить в устоявшейся, мелкопроблемной, житейской ситуации или быть причастными к эпохе революционных перемен?

—

Я не «умудрённый старец», но и не слепой кутёнок-романтик. Есть такая наука, которой поверяют даже гармонию.

—

Так Вы алгебраист? – менторски улыбаясь, спросил Морозов.

–

Пока эта наука не даст рекомендаций, я никакую идею рассматривать не буду. Боюсь попасть в романтики, – спокойно и без эмоций ответил младший.

-

А если это проблема века, способная круто повернуть ход истории?

–

Проблема может быть мелкой, но если её разрекламировать, покажется эпохальной. Настоящие крупные проблемы свой самый сложный инкубационный период проводят в тиши кабинетов и бедности лабораторий. Я не хочу влипнуть в разрекламированную дурь, – тон Вадима был спокоен и жёсток, – но и нищета первооткрывателя в годы золотой юности меня мало прельщает.

–

Ну, а как насчёт абсолютных величин? – ехидно улыбнулся номенклатурный руководитель. Вадим вопросительно взглянул на собеседника. – Величин, выражающих размеры капитала?

–

Идея ограбления меня никогда не привлекала. Я собираюсь насладиться всеми периодами жизни: от золотой юно-

сти до серебряной старости. Мне очень нравится жить, – он вдруг широко улыбнулся, и глаза его загорелись азартом. – Хочу суметь прожить жизнь в своё удовольствие. А если получится, с размахом.

–

А так, как прожило наше поколение?

Вадим прервал Морозова, не желая вести дискуссию в этом направлении:

–

Вы – поколение героев и альтруистов. Я преклоняюсь перед вами. Но писать свою жизнь с Павки Корчагина или Вашего отца, как это делалось в Ваши годы, не желаю.

Музыка смолкла. Пары вернулись к столам. Принесли горячие блюда.

–

С подачи нашего молодого товарища родился тост, – провозгласил Иван Палыч, дожёвывая кусок парного мяса: – «За наше счастливое детство спасибо, родная страна!»

Жующие переглянулись, улыбнулись и потянулись к своим бокалам...

НА ВСТРЕЧУ С ЧУДОТВОРЦЕМ

Всё, как в поход, – рюкзак, ботинки, джинсы, – и на вокзал. Через сутки Ольга Нечаева уже шагала по просёлочной дороге к хутору, в котором жил Василий Степанович Славенко.

Она и не подозревала, что пузатенький дяденька в шляпе

и при галстукe возле старой чёрной «Победы», насмешивший

её на привокзальной площади районного городка своей многозначительностью, был секретарь парторганизации колхоза и ожидал именно её – посланницу Центра. Она не знала, что в хате Василия, вопреки его уговорам, были произведены экстренный ремонт и генеральная уборка всего подворья под руководством самого председателя колхоза. Ей было невдомёк, что, несмотря на посевную, все колхозники последние двое суток были заняты приведением в образцовый порядок улиц деревни и особенно здания правления.

Устав от назойливого внимания, Василь взял ружьё, не для охоты, а чтобы не приставали, отвязал Дружка и пошёл с ним в лес. Находившись в своё удовольствие, насобирав почек и трав, Василь с Дружком успели проголодаться и вышли из лесу. Ольга стояла на развилке просёлочных дорог и решала в отсутствие какой-либо информации чисто интуитивно задачу: как пройти в деревню.

–

Дяденька! – закричала она, увидев крестьянина с собакой. – Вы не подскажете, как пройти в деревню?

Василь спокойно, никак не отреагировав на её вопрос, продолжил движение в сторону развилки дорог.

–

Сельский увалень! – подумала Оля, склонив набок свою

головку с экзотически заплетёнными косичками, и осталась ждать.

–

Пошли, – поравнявшись с ней, сказал Василь и продолжил путь.

Ольга засемила за ним, стараясь в ответ на каждый его шаг успевать делать два своих. Долго идти молча рядом с живым человеком мастеру словесности было не вмоготу. Уже потеряв терпение, Ольга выдала:

–

Какая прекрасная погода! – Весенний, ещё прохладный ветер дул им в лицо. Василь посмотрел на небо, увидел зловещую тучу, нависающую над самой дорогой, ухмыльнулся про себя и промолчал. Оля начала нервничать:

–

Вы тоже в деревне живёте?

Василю стало смешно, он наклонился, подобрал ветку, сорвал с неё листочки и бросил голый стебель вдоль дороги. Дружок помчался за брошенной палочкой.

–

А посевная уже началась?

Василь еле сдерживал смех:

–

Вы спочатку в правлиння, чы куды? – спросил он, даже не обернувшись к спутнице.

Ольга опешила. То ли она не понимает украинского, то ли он ...

–

Наверное, – она решила стараться говорить на украинском, – спочатку в правлиння. Там, – она замялась, стараясь вспомнить что-нибудь подходящее из старославянского (учила ведь), – мабудь кажуть, куды топать.

–

Добре! – Василию стало весело и спокойно на душе. Они снова оказались на развилке, но теперь уже – улиц деревни.

–

Вам туды топать, – сказал он, указывая на центральную улицу. – На тий сторонни майдана будэ правлиння.

–

Спасибо! – она призадумалась, вспоминая уроки старославянского, ничего путного не вспомнив, встряхнула головой и попрощалась. – До свиданья.

–

До зустрічи! – ответил Василь, получая удовольствие от состояния собеседницы, в которое она себя вогнала, желая быть своей в этой чуждой среде.

Он повернулся и пошёл домой. Она продолжила путь по главной улице села. Через пару минут раздался гром, и весенний ливень хлынул на землю. Василь уже был дома, а Ольга привычным движением скинула рюкзак, водрузила его себе на голову и продолжила путь. Мимо на максималь-

но возможной для сельского большака скорости промчалась чёрная «Победа». Через метров десять машина резко затормозила и пошла задним ходом. Поравнявшись с путницей, «Победа» остановилась и, открыв дверцу, водитель крикнул:

–
Садитесь!

–
Ой, – закинув рюкзак на заднее сиденье, Ольга повернулась к водителю. – Спасибо! – сказала она и узнала «чучело в шляпе», которое видела на вокзале: – Здравствуйте! – смеясь собственным мыслям, не забыла поздороваться воспитанная горожанка.

–
Ты чья будешь? – спросило учтивое «чучело».

–
Я? – Оля улыбнулась. – Ничья. Я здесь приبلудная. Ищу правление колхоза.

–
Зачем?

–
Да вот, послали в командировку.

–
С Москвы?! – стал соображать партком.

–
Да!

Ой, як же ж гарно, шо я Вас встретил! А я ведь Вас ожидал на вокзале. Видно, не заметил. Говорили, корреспон

дент. Так я ж мужика ждал! Ой, нехорошо! Як же ж Вы добрались?

—

На автобусе.

—

Ой! А потим шо, пешком?

—

Ну, да!

—

Ой, выбачтэ, простите!

—

Да ничего! Нормально!

Машина остановилась возле двухэтажного здания, перед которым было развёрнуто красное полотнище плаката. На плакате крупным, несколько похлывшим от времени, шрифтом написано: «Зустринэмо ришення Партии новымы трудовыми перемогами!». А внизу, свежей краской, буквами, величиной, насколько позволял остаток полотнища, приписано: «Даёшь гласность и перестройку в этой пятилетке!» Прочитав плакат, Ольга, разинув рот, замерла в дверце машины. Придя в себя, она с серьёзным видом достала из рюкзака фотоаппарат, попросила парткома стать под навес, на котором красовался плакат, и, не выходя из машины, сделала

несколько снимков.

—

Наш колхоз, — воодушевлённый таким пристальным вниманием начал председатель парткома, — уже в десятый раз завоёвывает Передовое Красное Знамя. Нам и по общественной работе есть чем похвастаться. На конкурсах самодеятельности наш хор каждый год берёт призы. А в прошлом году даже участвовал во всеукраинском смотре талантов и стал лауреатом. У нас прекрасная библиотека и очень хороший клуб. Мы Вам всё покажем.

—

Да, конечно. А куда мы сейчас? — Ольга остановилась посреди холла. — У вас в колхозе есть гостиница?

—

По першее, мы до председателя. А по druhé, до готелю.

—

Куды?

—

В гостиницу. Есть у нас хата гостевая. Там обоснуетесь, отдохнёте.

—

Ладно.

Они вошли в дверь в конце коридора.

—

Здравствуйте! — ответила Ольга на приветствие тучного человека с игривым выражением глаз.

–

Очень, очень рады вашему приезду! – председатель колхоза решил представиться.– Скворода Пётр Наумович – председатель. Садитесь, пожалуйста! С чем пожаловали? Будем стараться Вам помочь!

–

Нечаева Ольга. Корреспондент газеты «Правда».

–

С Виталием Владимировичем Вы уже знакомы. Наш незаменимый партийный руководитель. Вот! Спрашивайте. Мы готовы!

–

Да вот, до столицы дошли слухи, что в вашей деревне живёт уникальный человек, который повторяет чудеса Иисуса. Нам сообщили, что он воскресил умершего ребёнка.

–

Та-а-а-к! Мы трудимся, даём стране экологически чистый продукт. Но нами никто не интересуется. Раньше было по-другому! Труд воспевался. Теперь песни складывают о чудесах. А о тружениках?!

–

Я постараюсь осветить и жизнь села, достижения трудового коллектива, – Ольге захотелось успокоить рачительного хозяйственника. – Ведь талант не растёт на пустом месте! Он вырос здесь, среди вас. Значит, в этой земле, этих людях

есть нечто такое, что способствует появлению таланта.

—

Во! Это Вы здорово, верно подметили! Но Вы с дороги. Сейчас Виталий Владимирович отвезёт Вас в нашу гостевую хату. Вы отдохните, пообедайте, а потом Виталий Владимирович Вам всё покажет, со всеми познакомит. — Он обратился к председателю парткома, который всё это время стоял посередине большого кабинета с радужно улыбающейся миной: — Я надеюсь, Вам тоже будет приятно пообщаться со столичным корреспондентом и красивой девушкой!

Председатель колхоза протянул Ольге руку. Она подала свою. Он помог ей встать. Проводил до дверей кабинета и попрощался: — До побаченя! Я надеюсь, мы ещё увидимся!

—

В любом случае, перед отъездом я обязательно зайду попрощаться.

Гостиница находилась на углу той развилки, где утром разошлись дороги Ольги и Василя. Белая хата с покрашенными в голубой цвет дверями и окнами, с ухоженным палисадником была единственной на весь посёлок, где туалет и ванная комната находились в самой хате, а вода подавалась насосом из колодца и подогревалась электричеством. В хате были три комнаты и кухня со столовым уголком.

—

Ласкаво просимо, гости дорогие! — раздался зычный голос хозяйки гостевого дома.

Мария Борисовна, – представил хозяйку Виталий Владимирович. – Она у нас очень гостеприимная. Вы отдохните, а потом она Вас проводит до Василия Степановича. Если я Вам понадобится, наша хозяйка меня позовет. А

с Василием вы уж сами постарайтесь. – Он положил Ольгин рюкзак в кресло в комнате, которую отвели для москвички: – До зустрічи! Дом Василя Степановича третий по этой улице.

Ольге не терпелось познакомиться с героем своего будущего материала, но дорога утомила её, а хозяйка была очень приветлива, и голод подал свой голос, – она решила «не гнать коней». Под весёлое щебетание Марии, которая успела ей рассказать все сельские новости, Ольга приняла душ, перекусила вкусными оладушками со сметаной и вареньем, запила всё это молоком, переделалась так, чтобы выглядеть посолонней, и в сопровождении весёлой хозяйки пошла на встречу с чудотворцем.

ПЕРВЫЕ КАПИТАЛИСТЫ

На следующей неделе Вадим защитил диплом и, на удивление легко, получил отличный балл. Сергей Владимирович заказал столик на шесть персон в «Новом Арбате», чтобы отметить это событие субботним вечером в кругу семьи. Филькенштейны распаковали три ящика своего багажа в поисках старинных часов с фамильной монограммой и золотой це-

пью весом в двадцать с лишним граммов в подарок виновнику торжества.

А на завтра Морозов назначил Вадиму встречу в летнем кафе на территории ВДНХ.

—

Не откажетесь пройти со мной по павильонам? — доев свою порцию мороженого, предложил Иван Палыч. — Я, честно говоря, не люблю говорить с друзьями на более чем интимные темы в присутствии свидетелей.

—

А я никогда не говорю на интимные темы. Даже с друзьями.

—

Похвально. Но эта интимность касается нас двоих.

—

Ну, нет. Я пас! Я вполне нормальный мужчина.

—

Я тоже, — весело ответил Палыч. — Жаль. Не получится у нас с Вами любви. Одна сермяжная дружба! Если Вы не против?

—

Нисколько.

—

Тогда к делу, — он внимательно посмотрел на своего молодого друга, оценил степень его готовности к серьёзному разговору, остался доволен, набрал в легкие воздух и выдал: —

Сейчас партия находится на этапе кардинальных

перемен. Без них нельзя. А с ними – хлопотно, могут происходить неожиданные ситуации. Тут, как на крутом вираже: впишешься, занесёт или перевернёт, – неизвестно.

–

Но, если руль в надёжных руках...

–

В том-то и беда, что у нас – власть советов. Каждый хватается за руль. Поэтому до сих пор мы к цели и не доехали. А на таком вираже – нечего и предсказывать.

Он снова оценил степень понятливости собеседника:

–

Что делает в подобных ситуациях рачительный хозяин? Он распределяет своё добро таким образом, чтобы при любых обстоятельствах иметь возможность сохранить и приумножить его.

Вадим улыбнулся.

–

Совсем как на вводной лекции по стратегиям финансовых инициатив. У нас был гениальный профессор Розенблат, – пояснил свою улыбку Вадим. – Он родом из Англии. Прямой потомок знаменитого Гобсека. Не знакомы?

–

Нет, – старший товарищ сначала было разозлился на неожиданно весёлую реакцию мальчишки, но потом, поняв,

что его мысли созвучны мыслям знаменитого профессора, остался доволен. – Короче. Принято решение о рассредоточении партийных активов. Часть из них решено направить на стимулирование предпринимательской деятельности активистов комсомола. – Вадим решил больше не проявлять своих реакций, и Иван Павлович продолжил.

–

Я очень давно знаю нашу общую знакомую, высоко ценю её деловые качества и умение разбираться в людях. Вы являетесь её протеже. Мы проверили, тем не менее, чего греха таить, всё, связанное с Вашей кандидатурой, и сейчас я уполномочен предложить Вам, молодой человек, участие в важном и ответственном предприятии.

Вадим напрягся до такой степени, что сохранять видимое деловое спокойствие стоило ему больших усилий. Он понимал, что впечатление, которое произведёт его реакция на этого опытнейшего мастера политических интриг, может оказаться судьбоносным.

–

Я, безусловно, готов служить. Но пока не очень представляю ни свою роль, ни саму задачу. Если Вам нетрудно, то будьте добры, пояснить, чтобы я мог представить себе эту задачу и способ её реализации.

–

Славно, – старший товарищ остался доволен. – Мне

большого и не надо. А Вам следует взять постановление о предпринимательской деятельности и разработать устав общества с ограниченной ответственностью, которое имело бы право заниматься любой, не запрещённой законом, деятельностью. Сколько Вам для этого надо?

–

В неотредактированном виде? Два дня.

–

Договорились. Через два дня передадите материалы Кларе. Остальное – потом.

–

Постараюсь.

Они прошли по павильону авиации и космонавтики, ведя праздный диалог обо всём, что не касалось темы их встречи. Вернулись к машинам, и через двадцать минут Вадим уже был дома.

ИНТЕРВЬЮ С ВОЛШЕБНИКОМ

Василий Степанович тоже успел подготовиться к посещению своей попутчицы. На нём были хорошо выглаженные серые брюки, белая сорочка, свитер с красивым украинским орнаментом.

–

Вы уж тут без меня, – сказала Мария, после того как представила гостью, – а я к обеду вернусь до хаты. Вы ж дорогу знаете, нэ заплутаетэ!

Ольга стояла с разинутым ртом и глядела на того молча-

ливого дядьку, который привёл её в деревню. Он оказался молодым и довольно привлекательным парнем. Все её представления о сказочном волшебнике, уже вжившемся в подсознание образе колдуна, развеялись до обидного просто. Василий пригласил гостью в дом. Стол был накрыт к чаю: сухарики, печенье, варенье, сахар и большой чайник. В комнате стоял запах свежести и аромат заваренных трав.

—

Вы живёте один? – садясь за стол и желая с чего-то начать разговор, спросила Ольга.

—

Ни, с батькамы! – ответил Василий Степанович, заливая кипятком керамический чайник.

—

С отцом? А где живёт мама?

—

«Батькы» на украинской мове – «родители».

—

А-а-а! Буду знать! – мягкий доброжелательный тон, которым был преподан этот урок украинского языка, понравился привередливой москвичке. – Вы не против, если я буду записывать нашу беседу на диктофон и делать снимки?

-

Если это Ваша работа!

Ольга понимала, что беседа будет не простой. Её собесед-

ник, по всей вероятности, человек не из трепливых. Это она почувствовала ещё при первой встрече на дороге.

—

Про Вас ходят слухи, что Вы можете исцелять болезни и даже воскрешать мёртвых.

—

Нет, — Василь расплылся в такой детской улыбке, что у Ольги сразу отлегло от сердца.

—

Видно, он не бука, — обрадовано подумала она, навела аппарат и запечатлела улыбку чудотворца.

—

Мёртвый есть мёртвый. Его не поднять. — Он придвинул к ней блюдо с колотыми кусками сахара и сел напротив: — Но, покуда душа ещё не покинула тело, есть возможность вернуть его к жизни.

—

А вот все уверяют, что ребёнок был мёртв уже больше часа, а то и двух.

—

Но он не был мёртв...

—

Говорят, что он не дышал, и сердце не билось. Пульса не было.

—

Так! Но он не был мёртв.

—
А как это может быть?

—
А вот как. Я сейчас помру на десять минут, а Вы увидите. — Василий встал, пересел в стоящее перед телевизором кресло, вытянул ноги и закрыл глаза.

Ольга сначала смотрела на него в оцепенении, не понимая, что происходит. Потом она вдруг увидела, как у хозяйина дома неестественно вытянулось и одеревенело тело, заострился нос. В кресле лежал покойник! Она усилием воли стряхнула с себя оцепенение, схватила камеру и, делая снимки, стала комментировать происходящее:

—
Целитель встал, спокойно сел в кресло, принял удобную позу, вытянул конечности и застыл. Потом я наблюдала, как каменеет его тело, дыхание останавливается, нос заострился, пульс не прощупывается. Я сижу и наблюдаю. Сейчас 13 часов 43 минуты. — Она всё больше ощущала внутренний холодок в груди. — Сидеть рядом с таким телом в одиночку — удовольствие не большое. Я уже не совсем верю, что это живой человек. Зря я согласилась на этот эксперимент. Боюсь, что когда он начнёт шевелиться, моя психика не вынесет. Боже мой! Помоги мне не свихнуться! Я специально не перестаю говорить. У меня всё больше ... чёрт

побери! Мне кажется, что я совершила преступление. Я

... я очень хочу убежать! .Скорей бы прошли эти злосчастные десять минут! Ой! Ой! Он, кажется, возвращается. Появился румянец. Отмёрз кончик носа. Он теперь не заострён ... Целитель открыл глаза.

Василь встал, улыбнулся своей растерянной гостье и подсел к столу.

—

Шо? Испугались? Напрасно! В этом состоянии можно быть долго. Это нормально. – Василь увидел, как побледнела его гостья. Гостеприимный хозяин почувствовал, что она может потерять сознание: – Спокойно! – Он поднял руку на уровень груди ладонью к гостье: – Тебе тепло. Легко, – слова звучали, как чёткие команды. – Который час? – спокойным голосом спросил он.

—

Без пяти два, – услышала Ольга свой голос и удивилась тому, как уверенно он звучал. – Да. Это меня потрясло. Вы, воистину, чудотворец.

—

Это может каждый человек. Но не каждый знает, как.

—

А вы могли бы научить?

—

Так.

—

Ну, так или по-другому, но научить входить в это состо-

яние?

—

«Так», — засмеялся Василь, — это «да» на русском.

—

А-а! — тоже засмеялась Ольга. — Буду знать. Так можете научить?

—

Так! — Повторил Василь.

—

А меня?

—

Будь ласка!

—

Буду! — с готовностью согласилась уже совсем успокоившаяся девушка.

—

Нет, — засмеялся в голос хозяин дома. — «Будь ласка» — это «пожалуйста» на русском.

—

О, Господи! — засмеялась гостья. — Придётся учить украинский!

—

Добре!

—

Ну, так учите!

—

Мове?

–

Ни, – вдруг выдала Ольга, – мову я сама выучу.

–

Дотроньтесь до чайника левой рукой.

–

Горячий! – воскликнула Ольга, отдернув руку.

–

Это для левой. А для правой – он прохладный.

Ольга медленно положила правую ладонь на чайник.

–

Правда, прохладный, – подтвердила она, держа ладонь на стенке чайника.

–

А так возможно?

–

Нет! – она попробовала дотронуться до чайника левой рукой. – Горячий! – воскликнула она и посмотрела на правую руку, которая спокойно лежала на стенке чайника. – Чудо!

–

Это не чудо, – спокойно, послав в рот кусочек сахара, отхлебнул чай Василь. – Не я чудотворец. Это вы слепы! Вы придумали себе мир и боитесь, что он может измениться. Но ведь он на самом деле меняется каждый миг, а воспринимается вами только таким, каким вы желаете его видеть.

–
Вы гипнотизёр!

–
Может быть. Я не знаю. Может, гипнотизёр, может, нет. Это просто слова. Они – не суть. Суть в том, что человек может понимать намного больше того, что он обычно чувствует.

Оля вдруг осознала, что дальше воспринимать то, что говорит чудотворец, уже не способна. У неё стало пропадать чувство реальности.

–
Я Вам очень благодарна. Честно говоря, я не надеялась на такую откровенность. Наверное, ждала чего-то другого. – Она задумалась. – Точно одно – такого я не ожидала. Большое спасибо! Но на сегодня этого мне вполне достаточно. Нужно всё осмыслить. Привести мысли в порядок. Если Вы позволите, я Вас завтра ещё раз побеспокою.

Василь проводил её до гостевой хаты.

Вся ещё под впечатлением от пережитого, Ольга вошла во двор и села на лавку, дожидаясь возвращения хозяйки. Через некоторое время ей стало прохладно, довольно зябкий ветер пронимал сквозь куртку и брюки. Она машинально подошла к двери, потянула. Дверь оказалась незапертой.

–
Прекрасно жить в селе, – подумала москвичка, – двери не запираются. Значит, здесь нет воровства.

Она вошла в дом, взяла диктофон и рассказала о деревне, природе, людях, которые её радушно встретили, о секретаре парткома и плакате, гарантировавшем гласность и перестройку в этой пятилетке, о хозяйке гостевой хаты, открытой, заботливой и тёплой, как кормящая мать, о не запирающихся дверях, об обыкновенном парне, который одним своим видом расстроил все её стереотипы. Рассказывая, она переделалась в спортивный костюм, разложила и развесила

в шкафу свои вещи, взяла туалетные принадлежности, выключила диктофон и пошла в ванную комнату.

—
О! Вы уже вернулись? – воскликнула Мария Борисовна, встретив в дверях выходящую из ванны Ольгу. – Чую, вы дуже гарно поговорилы?

—
Да. Ваш Василь Степанович великий чародей. Вам не страшно жить рядом с таким человеком?

—
Ой! Неужели он напугал Вас?

—
Да. Я сначала очень испугалась.

—
Ни. Он добрый, сильный, справжний! В сели вси ёго люблять. Шо вин сказав – то так и будэ.

—

Подождите секунду. Я сейчас... – Ольга поняла, что Мария тоже может рассказать много интересного. Она взяла диктофон, заменила кассету и вернулась к хозяйке. Та уже стряпала на кухне. Корреспондент села за стол и включила диктофон: – Ну, рассказывайте.

–

Шо рассказывать?

–

Ну, Вы сказали, что всё, что говорит Василь Степанович, сбывается.

–

Да. Всё, шо говорит, – всё правда.

–

А что же такого он говорит?

–

Ну, – Мария призадумалась, – вчера он сказал, что еще рано сеять.

–

А почему? Он объяснил, почему рано сеять?

–

А у него никто и не спросил. Он сказал, – значит, це так.

–

Но почему?

–

Это только он знает. Алэ, цэ правда. В прошлому году он

сказал убирать свеклу на десять дней раньше. Мы убрали. А соседи припозднились. Там были большие потери.

—
Ну, а ещё?

—
Багато шо! Олэси пришла похоронка из Афгана. Василь ей сказал, что сын вернётся домой. И в прошлом году Максим вернулся. Алэ дуже хворый. Да, шо говорить! Он главный ликарь. Любу хворобу лечит. Чи шо заболит, чи кости ломит — уси до нёго.

—
А чего он один живёт? Почему не женат?

—
Мечта всех девчат, не только села, всего району, за нёго замуж выйти. Вин нэ хоче.

Ольга выключила диктофон.

—
Пужинав, отдохнув и поразмыслив, она решила, что ответы на бесконечные вопросы, которые у неё возникают, могут быть у родителей Василя.

—
Если даже они ничего особенного собой не представляют, если и не подозревают, откуда у их сына такие способности, — думала журналистка, — знакомство с ними даст какую-нибудь зацепку для понимания этого феномена. Нужно обязательно пообщаться с ними.

НЕЧИСТАЯ СИЛА В ДЕЛЕ

—

Пойми меня правильно, – говорил в телефонную трубку Вадим, – тема «домашнего задания» – это всего лишь тема. Да, её нужно раскрыть под интересным, неожиданным, оригинальным углом зрения. Но я сейчас о другом. Я тебе талдычу о форме. В форму представления, если она сама по себе оригинальна, можно вплести тему. Подумай! Может, предложишь чего?.. Да. Да. Хорошо. Ну, вот, думай. Встретимся на репетиции. Пока!

Он положил трубку. Раздался звонок:

—

Алло! Да, я. Когда? Слушай, Клара! Тебе не кажется, что бегать по первому «кис-кис» на деловые встречи – несолидно? Вот он сейчас хочет, – сейчас ему и подавай! Скажи, что передала, и я, мол, сообщу, когда буду свободен. Ах! Ты уже сообщила, что я бездельничаю? Ну, молодец! Тогда, скажи ему, что я занят и не поверил тебе. Вырази своё мнение, что, если он сам позвонит, то я не смогу отказать. Да, я подыграю. Ладно!

—

Чёрта лысого, а не мальчика на побегушках, получит этот Иван Павлович! – в сердцах воскликнул Вадим и собрался встать с кресла, чтобы пойти на кухню, где Роза готовила завтрак.

—

Нет! Тут Вы не правы, – услышал он незнакомый голос с дивана напротив. – Нечего мне с ним делать. И не уговаривайте! Не получит он меня. Скорее всего, это мы с Вами приберём его к рукам. – На диване вольготно устроился чуточку лысый худощавый брюнет в великолепном черном костюме, кроваво-красной сорочке со стоячим воротником и «бабочкой» на голой шее. Маленькие усики и пенсне вкупе с орлиным носом создавали ему представительный имидж.

Вадим недоверчивым взглядом осматривал непрошенного гостя. Непонятно почему, но безукоризненно остро оттюженная складка брюк, блестяще лакированные штиблеты и носки точно под цвет сорочки возбудили его доверие к посетителю.

–

Вот видите, – продолжал гость, – не так уж всё невероятно. Или, всё не так уж невероятно. Вот за что я люблю русскую речь. Богатая, сочная, гибкая. Вы не находите?

–

Насчёт русской речи – вы абсолютно правы...

–

Вы, я надеюсь, оцените степень моей правдивости. Я вообще не приемлю лжи. Даже «во спасение». За это, в основном, меня и не любят. А то и побаиваются. И даже очень. Я не внушаю Вам подобных чувств?..

–

Нет. Но вот удивить меня – Вам удалось, – Вадиму стало забавно осознавать, что, несмотря на то, что происходит явно неординарное событие, оно его не обескураживает, а наоборот, всё больше нравится.

–

Самое удивительное, что мне тоже всё больше нравится наше знакомство. Чувствую, что в этот «исторический момент»... Несусветная глупость – считать какой-то момент «историческим». А все остальные как же? Они что? Вечные? Никогда не станут достоянием истории? Лжив язык человеческий. Даже русский. Жаль! Но придётся продолжать общаться на таком несовершенном уровне, как человеческий язык.

–

Да, – улыбнулся Вадим, почувствовав умиление от ощущения безгранично откровенного сожаления гостя по такому, парадоксальному на его взгляд, поводу, – другого ещё не изобрели!

–

Ой, ошибаетесь, дорогой мой! Язык потому и несовершенен, что является изобретением человека. А ведь людям был дарован другой способ общения. Более правдивый и совершенный. Я имею в виду духовный уровень. Но на этом уровне – не солжёшь. А человек слаб и не лгать не может. – Гость протянул руку. Старый кот, до сего момента мирно спавший на диване, проснулся, потянулся, посмотрел на гостя, кив-

нул, свернулся калачиком и снова заснул.

–

Вот, – сказал сидящий рядом гость, глядя на Вадима бесконечно наивным взглядом. – Я уверен, что мы с Вами, как две духовно близкие личности, выйдем на этот уровень общения.

Хозяин квартиры сидел, как замороженный. Впервые Вадим почувствовал безграничное уважение и абсолютное доверие.

–

Ну, – гость встал с дивана, – пора и честь знать. Надеюсь, что наша встреча была Вам не в тягость. Если понадобится, – звоните. Кто знает, в чём и когда может понадобиться бескорыстный друг, способный творить чудеса? Провожать не надо. Идите на кухню и приятного Вам аппетита.

–

А как звонить Вам? – вдогонку выходящему из гостиной задал вопрос Вадим.

–

Очень просто! Набираете свой номер телефона, а после гудка отбоя – ещё три шестёрки. Я всегда отвечаю сам. До встречи!

Вадим не слышал, как закрылась за гостем дверь. Должно быть, его внимание всецело было поглощено впечатлением от этой встречи. Он встал и пошёл на кухню завтракать.

—

Ты еду носом чуешь? Или, прости, перерыв решил устроить своим телефанатам?

—

Телефанаткам! – решил подразнить жену Вадим.

—

Телефоношлюхам!

—

Ну, бабоньки! Если и есть у женщин враги, то это сами женщины. За всю мою бурную студенческую жизнь...

—

Ах! Бурная? Ах! Студенческая? – Кухонным полотенцем Роза отхаживала своего мужа, стараясь не попасть по лицу.

—

Кушать дашь? – спросил муж перекинутую через плечо жену.

—

Ничего я тебе не дам!

—

Да?

—

Да!

—

Тогда... Сейчас посмотрим!

—

Звонит! – откуда-то из области своей грудной клетки Ва-

дим услышал томный голос жены. – Возьми трубку!

–

Да? Д-д-а! Да. Да, конечно! Нет. Не страдаю. Не тот возраст. Да! Ой-ёй-ёй! Вот чёрт. Одну секунду... – он закрыл трубку и, приподняв жену, поцеловал её. – Да! Да, тут без меня обойдутся. Буду.

–

Всё, родная. Я под душ. Ты на кухню. Через десять минут меня здесь не должно быть.

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Утро в деревне начинается с потягушек. Открыв глаза, крестьянин осматривается. Убедившись, что всё прекрасно, он – дома, дом – родной, мужик улыбается, ему становится хорошо, и с этим выражением лица он вытягивается в своей постели так, что трещат все сухожилия. Потянувшись в постели, он опускает ноги в обувь и выходит на крыльцо. Потянувшись ещё раз, уже в стоячем положении, он идёт справлять нужду.

Ещё не умытый, только что проснувшийся крестьянин режет крапиву на корм свиньям, подаёт сено скотине, сыплет зерно птицам, поит свою живность.

Увидев за плетнём забора соседа, который роется в карманах в поисках курева, он обращается к нему:

–

Доброго утра, сосед!

—
Доброе утро! – ответил Степан Славенко.

—
Говорят, к Василю тут московська дивка прыхала.

—
Да, корреспондэнт из Москвы.

—
Бабы судачут, шо гарна дива.

—
Ни! Наши дивчата лучше.

—
А колы наши лучше, шо ей тут потрибно?

—
Всё выпрашивает Василя: как он лечит, как предупреждает, как замечает всё, что другим не видать.

—
Мы цэ бачимо кожний дэнь и нэ спрашиваем Василя. Для чого ей цэ потрибно?

—
Шоб у газете напечатано было, какой человек живёт в нашем селе.

—
Ну и шо?

—
Да ни шо! А про наше село все люди узнают.

—

А! Ну, добрэ! Скажи ей, шоб про меня тоже напечатала: я вчэра одын, бэз никого, плуг к трактору причэпыв. Теж нэ кожрый може.

—

Добрэ! Кажу, чтоб надруковала, як Шило плуг до трактору прышыло.

—

И откуда у тебя эта рифма бэрэцца? Як кажешь пять слив — так у рифму.

—

А вот, гдэ цэ вэдэцца, звидты и бэрэцца.

—

Ты сегодня у гараж идэшь?

—

Ни! Мий трактор на ходу. Як потрибно — завэду.

—

Ну, хорошего дня!

—

Ладно.

Соседи расходятся по хатам, дабы умыться, одеться, как подобает для наступающего дня, и начать этот новый день: свой, соседей, народа, страны.

« »

Не с первым лучом солнца, но сравнительно рано для незамужней женщины, журналистки, да ещё в такой коман-

дировке, в начале восьмого Оля проснулась. Повела глазами по стенкам комнаты, осознала, что находится в тёплой постели гостевой хаты, и... залезла под одеяло с головой. Через полчаса она высунула свой нос.

—

Ух! – ухнула она во весь голос, впрыгнула в тапочки, накинула поверх ночнушки огромное полотенце вместо халата и пошлёпала в ванную.

Около восьми Ольга пришла на кухню. Поставила на плиту чайник, вытащила из холодильника столько еды, что можно было бы накормить вкусно и досыта взвод солдат. Намазала свежим крестьянским маслом хлеб. Положила на него кусок пахучего сыра. Убрала остальное – рыбу, сало, домашнюю колбасу, окорок, маринованные грибочки – в холодильник. Заварила чай и начала жевать свой бутерброд.

Приезд в деревню представителя прессы из самого центра, из Москвы, да ещё и от самой центральной газеты «Правда» – событие из ряда вон выходящее. Поэтому неудивительно, что секретарь парткома и председатель колхоза появились на пороге ещё до того, как Ольга успела закончить свой завтрак. Партком нёс букет полевых цветов, а председатель – «Киевский торт». Пришлось снова заваривать чай.

Ну, посудите сами: Запорожье, деревня, тысячи километров от Москвы, где решаются судьбы, – а у тебя не просто человек из Москвы, а представитель руководящего рупора партии! Тут можно такое узнать! Ведь нужно держать нос

по ветру. Как бы не ошибиться! Это, конечно, – нужно быть преданным товарищем. Ну, а если жизнь повернётся такой стороной, что за эту преданность, которая тебя кормила и поила, тебе голову снесут? Надо ж быть в курсе. А если, не дай Бог, пошлётшь эту преданность раньше времени, – тебя точно уничтожат, как предателя. А кому охота?! Столько лет был верным ленинцем, – и вдруг споткнуться и получить имя иуды?..

-

Господи! Свят! Свят! Свят! – вибрировали все клетки ре-
тивных руководителей, убеждённых материалистов.

Гостья, почувствовав живой интерес гостеприимных хозяев к событиям в столице, стала рассказывать о новых веяниях, о готовящихся документах для перевода госпредприятий в частный сектор. Пояснила принципы и понятия денационализации. Рассказала о цели недавно подписанного закона о кооперативной деятельности. Однако после нескольких заданных ей вопросов Ольга поняла, что слушателей волнует лишь одно: как убереечь шкуру в это непонятное время? Ничего более их не волновало.

Верные ленинцы панически боялись революционных перемен!

Ей стало неинтересно. Однако она довела беседу до конца, сдерживая себя, чтобы не выдать им по полной катушке. Когда руководящие товарищи попрощались, Оля рванулась

в ванную и долго стояла там под душем.

КОММЕНТАРИИ К «ПЕРЕСТРОЙКЕ»

В воскресенье Клара позвонила в десятом часу утра, и Вадим пообещал появиться у неё в течение дня.

—

Ну, у меня и нюх на вас, на мужиков! — воскликнула Клара, впуская Вадима в квартиру. — Знаешь, что сказал Палыч, когда юрисконсульт вернул ему твой устав с рецензией? Он спросил меня: «А не страшно ли доверяться такому вундеркинду?»»

—

И ты ответила?..

—

Что тебе можно доверять так же, как мне.

—

Значит, он отказывается от своих намерений?

—

Наоборот!

—

Значит, он плохо тебя знает.

—

А ты не хамить не можешь? Съездить бы тебе по роже! И чего это я терплю твоё хамство?

—

Потому и терпишь, что я правду говорю...

Квартира Клары представляла собой классический

образчик жилища свободной деловой женщины. Прихожая и гостиная были объединены в официозный холл, в котором можно проводить деловые встречи или устраивать небольшие банкеты. Спальня, наоборот, представляла собой такой интимный будуарчик, в котором второй был желанным

гостем, а присутствие третьего не подразумевалось совсем. Кухня вообще была местом уединения хозяйки. Здесь просто не допускалось присутствие второго лица, не говоря уже об общепринятых кухонных посиделках. Всё это наводило на мысль, что хозяйку дома с посетителями её квартиры могут связывать только деловые или интимные, но никак не дружеские, отношения. Единственный человек, к которому Клара испытывала по-дружески тёплые чувства, был Вадим.

Есть много романтических произведений, описывающих возвышенность порывов и утончённую шепетильность девичьих душ. Какой поэт не мечтал сочинить фразу, достойную соперничать с великой – «гений чистой красоты»?! И юноши верят в чистоту девичьих помыслов и преданность женских сердец. Редко встретишь мальчика, знающего, что он нужен прекрасному созданию больше, чем она ему. Юноша, который видит перед собой ангельское личико и хрупкий стан, млеет от вожделения и готов перегрызть горло любому, кто осмелится усомниться в такой же ангельской душе его избранницы. Только столкнувшись с природной меркантильностью и сексуальной ненасытностью женщин, мужчина

учится видеть в «ангеле» реального живого человека, а не икону. Теперь он удивляется тому, как ей удаётся при таких неистовых природных страстях обуздывать свои желания и подчиняться необходимости жизненных ситуаций.

Дамы же, поставив с самого начала процесс познания своих избранников на «сугубо научную» основу, распоряжаются их судьбами легко, грациозно и изящно, жонглируя их силой, амбициями, романтическими представлениями, страстями и привязанностями.

Истории отношений Вадима с Кларой скоро исполнится десять лет. Вадиму было пятнадцать, когда на районном смотре художественной самодеятельности молодая выпускница филологического факультета педагогического института имени Н. Крупской, инструктор райкома комсомола, наградила его грамотой за победу в конкурсе, а через несколько дней вот в этой самой ещё не обжитой квартире отняла невинность.

Сергею Владимировичу показалось забавным подозрение жены, что у их несовершеннолетнего сына есть связь с женщиной. Он легко выведал, кто «эта чаровница». Когда Вадим узнал случайно, как в банальном анекдоте, что

в любовницах у его отца – его возлюбленная, он уехал на дачу к однокласснику. Отец там его отыскал, и у них состоялся первый «мужской разговор». В результате между отцом и сыном появились панибратские отношения, которые и ста-

ли нормой их общения.

С Кларой у него не состоялось «выяснения отношений». Каждый по-своему понимал сложившееся.

Сегодня Вадим впервые за эти годы вновь переступил порог квартиры, в которой ему было что вспомнить.

—

А у тебя очень уютно, — усевшись в предложенное кресло и оглядевшись, заметил Вадим. — Ты умеешь жить со вкусом.

—

Стараюсь! Что будешь пить?

—

Молока холодненького.

Клара улыбнулась и вышла на кухню. Вадим откинулся на спинку кресла и, отдавшись сумбуру ассоциативно возникших мыслей, вперил взгляд в выключенный телевизор.

Экран вдруг засветился, и на нем появилось знакомое лицо лысеющего брюнета в кроваво-красной сорочке и с бабочкой на голой шее.

Но сейчас у него ещё была бородка а ля Шендерович.

—

Причин, по которым наша «информационно-паразитическая» передача пока не выходит в эфир, по сути дела, две. Первая проста и лежит на поверхности. Для того чтобы паразитировать на информации, надо, как минимум, иметь эту самую информацию.

—

Так ведь гласность, шквал, лавина информации! Паразитируй, сколько сможешь! – улыбнулся про себя Вадим.

–

Уважаемый зритель! Прошу вас не путать профессиональную информацию сексологов и оперуполномоченных с реальной информацией о состоянии общества. Достижения «гласности», навязываемые средствами массовой информации, состоят в том, что никто не мешает вам похотливо распускать слюни, прокручивая очередную порнокассету, либо насыщать кровь адреналином, просматривая новости о землетрясениях, кораблекрушениях и даже взрывах атомных электростанций. Вот когда вместо указания, что «процесс пошёл», будет показан процесс, тогда появится информация, на которой можно будет паразитировать.

–

Интересно, – подумал единственный зритель, – а «процесс» надо понимать, как «процесс перестройки»?

-

Точно, – ехидно улыбнулся «ведущий». – Процесс «перестройки недостройки». В Советском Союзе надо создать «ГНИИ ИАППнедо строй». Что в переводе означает «Главной научно-исследовательский институт исторического анализа процессов перестраивания недостроя». Раньше он назывался институт марксизма-ленинизма. Ну, как без него! У него богатый опыт по выработке революционных стратегий,

и мы будем твёрдо знать, когда начинать строительство, когда прекращать (чтобы ни в коем случае нечаянно не достроить). Когда этот «недострой» начнёт смердеть, – можно будет объявить перестройку. Как начинать эту перестройку, – с «экспроприации экспроприаторов», либо с «восстановления исторической справедливости», – будет зависеть от того, как предполагается распределять собственность. И как себя вести по отношению к начинающейся гражданской войне?

–

Неужто впереди гражданская война? – со смешанными чувствами страха уже взрослого человека и романтического ожидания зрителя «Неуловимых мстителей» подумал Вадим.

–

Нет, что вы! Перестройка задумана во благо народа. Разве можно допустить разгорание военного конфликта! Конечно, перестройка подразумевает имущественные переделы и пересмотр сфер влияния. И не без того, что в процессе передела брат немного поубивает брата. Но не объявлять же, на самом деле, гражданскую войну! Зато, когда нам того захочется, сможем, на благо народа, начать «борьбу с организованной преступностью» и с «незаконными бандформированиями». Тот факт, что организованная преступность и бандформирования возникли по причине перестройки, – мелочь, несущественно, мы не виноваты, это просто «в период великих исторических перемен поднимает голову всякая

нечисть». А то, что в роли «нечисти» выступают то «буржуины», то, наоборот, «рабочее быдло» и каждый раз – «вчерашние защитники Отечества», – что ж: «лес рубят – щепки летят»!

–

Так что – в сторону сантименты, старые привычки и связи? Начался большой передел? Нет больше родственников, друзей, близких. Волки выходят на охоту! Так, да? – он стиснул подлокотники кресла и всем телом подался вперёд.

–

Меня очень греет сознание того, что идею нашей сегодняшней внеэфирной передачи осознал наш дорогой зритель. Есть надежда, что не все, «вступающие на путь пере

стройки», окажутся неподготовленными к борьбе, обманутыми политиками и нашими уважаемыми средствами массовой информации. Осталось открыть вторую причину отсутствия нашей передачи в эфире – Шендерович ещё не подрос, – борода упала с физиономии «диктора», – да и частного телеканала пока не открыли!

–

Тоже мне, бизнесмен, – весёлым голоском прощebetала Клара, ставя на журнальный столик вспотевший высокий коктейльный бокал холодного молока. – Попросил бы кофе с коньяком или, на худой конец, чай с печеньем?

–

Я от старых привычек не отказываюсь. Да и новые приобретать пока рано.

–

Надеюсь, что ты и от меня не откажешься, когда сказочно разбогатеешь?

–

Сначала будет много работы.

–

Это ты сумеешь.

–

Не знаю.... Хочу суметь, – Вадим сидел глубоко в кресле, подавшись всем корпусом вперёд, опираясь локтями о колени и глядя исподлобья прямо перед собой. – Я не виноват, – сдавленным голосом проговорил он, – если не судьба жить в мире, буду драться. Я не жаден. Но, если мне будут мешать, придётся . убирать. – Он поднял глаза на Клару, и чашка кофе задрожала в её руке. – Мне много не надо. Всего-навсего, чего я хочу от этой жизни – работать, уметь и иметь. Я не хочу чужого. Но, если мне дано не быть просто служащим, я никому не позволю мешать мне в моём деле.

В СЕМЬЕ ЧУДОТВОРЦА

Уже ближе к обеду столичная корреспондентка, увешанная аппаратом и диктофоном, появилась возле хаты Василя.

–

Ау-у! Дома есть кто-нибудь?

Дверь отворилась, и на пороге Ольга увидела женщину.

На ней была белая кофта, расшитая украинским орнаментом, поверх которой надет передник. Руки женщины подняты на уровень плеч ладонями вверх. Эти ладони были в муке.

—

Заходьтэ! Будь ласка! – сказала она и, когда убедилась, что гостья её правильно поняла, вернулась к своим делам.

Войдя, Ольга застала хозяйку за раскатыванием теста для пельменей или вареников.

-

Здравствуйте!

—

День добрый! Ласкаво просимо!

—

Вы мама Василя Степановича?

—

Да. Садитесь! – она указала гостье на табурет, стоявший у другого конца стола.

—

А его нет дома?

—

Нет! Поехал до хутора лесничего. У деток каникулы, и они там травы собирают.

—

А это далеко?

—

Ну, меньше пяти километров Василь никогда не ездит. Значит, больше того.

—
А давно он уехал?

—
З ранку! Ещё тёмно было.

—
И когда приедет, не сказал?

—
Ни. Если он уезжает до зори – возвращается до заходу солнца.

Оля поняла, что судьба предоставляет возможность ненавязчиво познакомиться с родителями её героя.

—
Меня зовут Олей. Я корреспондент.

—
Знаем, знаем! Меня зовут Степанида. Засим и замужем за Стэпаном – Она посмотрела на свою гостью таким добрым и озорным взглядом, что Ольге на секунду показалось, будто ей улыбнулся ребёнок. Это представилось настолько чётко, что москвичка оторопела.

—
Всё так! Как тебя назвали, то так и должно быть. Степанида – жена Степана. Ольга – жена великого воина.

Руки женщины двигались плавно, быстро и слаженно. Казалось, будто они гладят каждую вещь, до которой дотраги-

ваются. Создавалось впечатление, что у неё отрепетировано не только каждое движение, но и вся партитура стряпни. В то же время Степанида с таким участием общалась с девушкой, что было бы смешно предложить ей оставить стряпню ради беседы.

—

А кто твой чоловік?

—

Мой человек? – Ольга растерялась. – Не знаю!..

—

А-а! Так ты ще нэ в шлюбi?!

—

Что?..

—

Ну, ты не одружена!

—

Нет, я дружу! У меня много друзей. Это очень хорошие люди, – подумав, что её могут принять за нелюдимую, испуганно стала оправдываться Ольга. – Мой хороший друг

Стасик, моя соседка Роза – это близкие друзья. Есть одноклассники, однокурсники, есть ребята из бардовского клуба.

—

Нет! – хозяйка поняла, наконец, причину замешательства гостыи. – Я спросила: ты замужем? Теперь понятно – не замужем.

–

Как, оказывается, трудно понимать украинский язык! Я так хорошо знаю русский! Думала, что мне будет легко понимать украинский. А теперь вижу, что нужно составить словарь: чоловік – муж? – Степанида кивнула. – А как будет жена? Женщина?

–

Ни – дружина!

–

Дружина – это войско, отряд.

–

Нет! Войско – це вийсько. А дружина – це бильш до чоловіка – це дружина, едина одружена. Едина плоть з чоловіком.

– Значит, если мужчина без жены – он не человек. А если женщина без мужа – она кто? – Ольга так увлеклась лингвистической игрой, а её хозяйка так ей подыгрывала, что создавалось впечатление, будто две студентки заняты решением очередной задачки.

–

Нет! Человек есть человек. Мужчина – он тоже человек. И женщина – человек. Но друг без дружки вони ... нэ справжні.

–

А что такое – нэ справжні?

–

Ну, это – не настоящие! Нэ хвилюйся, – будешь одружена!

–

Чего бы мне хвы-лю-ва-ты-ся? – выговорила журналистка сложное слово, не спрашивая его значения. – Я правильно сказала? – Степанида как-то по-детски закивала. – Во, а колы так, то чего мне хвылюватыся? Я плод созревший! Хочешь – забирай!

Женщины шутили и смеялись. Не прошло и получаса, а Ольга со Степанидой уже вместе лепили вареники, убирали и мыли посуду, накрывали на стол. К обеду Ольга уже знала с десятков слов и даже приобрела лёгкий украинский акцент.

Оле очень хотелось поближе познакомиться с отцом Василия, и тот не заставил себя долго ждать. Ко времени, к обеду, подъехал на тракторе моложавый мужик с задиристым чубом первого парня на селе. Умылся, зашёл в хату, поздоровался и сел за стол.

–

Присаживайся и ты, гостя дорогая! Пообедаем, чем

Бог послал. А моя жинка так вкусно готовит, что даже сытый не удержится от угощения.

–

А я только того и жду, когда меня угощать начнут, – решила подыграть Оля.

–

О! Вот это правильно! А то тут девчата заглядывают, так с

ними ни поговорить, ни покушать. Станут, как деревянные. Головки понурят. Слова не вытащишь.

—
Это они потому, что у Вас в хате жених.

—
Соображаешь! Молодец! – тут он насупил брови. – А! Так ты себя так вольготно ведёшь, потому что не считаешь нашего Василя достойным для тебя женихом?

—
Наоборот. Я так себя веду, чтобы другим девчатам ходить сюда стало неповадно. Ведь я Вам такая больше нравлюсь?

—
Это правильно! Я Василю накажу, чтобы он тебя выбрал.

—
Да! – серьёзным тоном заявила Степанида. – У нас в доме отец – голова. Всё делает так, как сын скажет.

—
Вот откуда у женщин это ехидство? – бросив игривый взгляд на жену, удивился Степан. – Что ни слово, – то с двойным дном.

—
А это, чтобы трудно было понять, чего женщинам надо, – Оля решила играть до конца. – А то, если мы Вам прямо скажем, – вы нас начнёте неправильно понимать. А так... мы ничего такого не говорили. И нечего нас за руки хватать. Ишь! Мужики бессовестные! Нас, недотрог, трогать вздума-

ли!

—

Нет! — развеселился Степан. — Это же надо! Меня переговорила. Оцэ так дивчына! Ни дай, Бог, в своей хате таку невесточку. Молчать придётся. Беда!

Так они весело пообедали, и Степан уехал. А женщины продолжили хозяйничать. Им не было скучно.

Вечером Ольга со Степанидой сидели во дворе у стола под яблоней и занимались обычным бабьим делом — сплетничали. В устах Степаниды сплетни выглядели, как весёлые рассказы о детских шалостях. Не услышав ни одного кого-нибудь порицающего слова, Ольга получила полное представление обо всех новостях деревни.

Уже солнышко зашло за крыши домов, когда приехал Василь. Он поставил велосипед во дворе у крыльца, снял с заднего сиденья мешок с травами, отнёс его в свою комна

ту и вновь появился на крыльце. За это время Степанида с Ольгой принесли для Василя вареники, закуски, салатки, а себе сладкое к чаю.

Ольга смотрела на них и не могла насмотреться: мать и сын глядели на мир одинаковым, спокойным и всепроникающим взглядом. В этом взгляде была воля, умиротворённость до уровня отрешенности и добро.

Перед сном Ольга прослушала свои записи, сделала несколько заметок в блокнот и поняла, что материала набра-

лось намного больше, чем требуется для одной информационной статьи, ради которой её сюда послали.

–

Всё бы хорошо, да вот информашки и не получится. Проблемная статья, – пожалуйста, памфлет – целых три, фельетон, – как нечего делать. Завтра поговорю с Василём. Узнаю, как он всё это понимает, и назад.

С этими мыслями корреспондент заснула сном труженика, исполнившего свой долг.

ДРУЗЬЯ-КОМПАНИОНЫ

На репетицию КВН пришли всего трое. Вадим сам явился сюда по привычке. Какая-то кошка пробежала по его интересам. После сдачи диплома всё стало серым и не вызывало присущего ему «энтузиазма». Но этот самый «энтузиазм» переключал от него к его дражайшей супруге.

–

Вадь, а Вадь, – Роза старалась пробудить, раскачать его энергию. – Ну, давай, пожалуйста, повторим наш номер с чёткой.

–

Подожди, сейчас придут остальные – начнём репетировать.

–

Сядь, Розочка, – подал голос развалившийся на крышке рояля Кроха. – Не буди вулкан, извергнется – мало не покажется.

Этот Кроха был парнем шустрым. Нет, он не ёрзал, не вертелся волчком, но всегда был, как говорится, «в нужное время в нужном месте» и, что самое ценное, с нужным словом. Он мог долго быть незаметным, а в итоге оказывался в центре событий. Они с Вадимом не то чтобы дружили, – скорее, соперничали. И на курсе, и здесь, в КВНе, оба считались лидерами. Только Вадим был коронованным, а Кроха – необходимым.

–
Кроха! – позвал Вадим. – Ты в «Монополию» играешь?

–
Угу, – отозвался тот.

–
Хочешь, продам тебе преуспевающий бизнес?

–
А чем платить?

–
Дружбой.

–
Давай. Сколько взвесить?

–
Чего?

–
Дружбы.

–

Да так, на ближайшие пару лет.

—

Согласен. Грузи.

—

Я серьёзно.

—

И я.

—

Понимаешь, я тут, сдуру, кооператив открыл. Классный. Можно заниматься всем, что не запрещено. Сегодня и печать изготовил. Завтра пойду счёт открывать. А на фига мне это, пока ума не приложу.

—

А он может заниматься международной торговлей?

—

Кооператив? Конечно. Даже защитными средствами обороны. Я же говорю – всем, что не запрещено законом.

—

Так, значит, и оружием торговать можно?

—

Только оборонительным.

—

Угу. Ракетами среднего радиуса действия для защиты склада от ночных грабителей. Я понимаю.

—

Слушай. У тебя роликовые коньки есть?

—
Где-то валяются.

—
Вот. И у меня есть, и у Розы. А перед нашим домом – хорошо асфальтированная площадка. По ней никто не ходит, потому что она далеко и от дома, и от дороги. Как раз посередине. А рядом проходят аллеи. На этих аллеях скамейки, тень от деревьев. А площадка пустая. Да ещё и огороженная. Хорошо бы на ней платный каток устроить. Коньки будем напрокат давать. Малышей и увальней учить кататься. Зимой каток зальём. А?

—
Нужно ещё две будки сколотить.

—
Зачем?

—
Одну для кассы. Внутри обить бронёй, чтобы не ограбили.

—
А вторую?

—
Это будет сопутствующий бизнес.

—
Какой?

—
Платный туалет. Для тех, кто первый раз на коньки стано-

вится. Они ведь со страху могут и обделаться, а тут – сервис. Можно с подогревом зимой и в ночное время суток.

–
Ну, покупаешь?

–
В Чехии идёт дикий обвал валюты. Он намного опережает нашу инфляцию. Если сейчас заключить договор на поставку чешского товара в долларах, а оплатить потом, то прибыль будет как с двух разных сделок с валютой. Прибыль из разности падения курсов и разности цен. А на Украине сейчас перепроизводство сахара, угля и металла. А в Баку стоят резервуары, полные мазута.

–
Во! Ты уже готов к бурной деятельности. Покупаешь?

–
Давай. Но только при условии.

–
Каком?

–
Выбей кредит на этот кооператив. Я так думаю, что много не надо. Так, для начала, мелочь – порядка десяти миллионов долларов.

–
Ну, у тебя и размах! Вот поставишь свой туалет, заработаешь начальный капитал, поедешь к чехам, купишь их товар, продашь в Украину, Баку, Рио-де-Жанейро. Всё, мой друг,

надо начинать с горшка.

—

Как знаешь. Не хочешь давать кредит, — не продашь и свой кооператив. Посидишь, насмотришься на свой Устав, печать и пустой счёт. До тех пор, пока не придёт ОБХСС. А там Сибирь, Урал и Нарьян-Мар. А почему? Потому что поленился дать кредит другу — не поверил. Ты только учти, — Кроха сел на крышку рояля, — я тебе посылки слать не буду. Я против злостных нарушителей финансовой дисциплины. — Кроха забрался ногами на крышку рояля и в патетике выдал: — Позор расхитителям народного добра!

—

Ты прав, мой дорогой Кроха. Тебе на этом броневишке только кепки и бородки не хватает. А так и ростом вышел, и революционного порыва в тебе вполне достаточно. Слушай, может, ты в политику подашься? Там сейчас можно и беспартийным. А?

—

А шо-о-о! Я пойду в политику, ты — в бизнес. Я буду лоббировать твои интересы. Ты будешь финансировать мои избирательные компании. Я проталкиваю твои проекты на уровень национальных. Ты делишься частью акций этих проектов с моими родителями. Я остаюсь честным и

неподкупным политиком. Ты становишься членом клуба мультимиллиардеров. А?

–

Ты лживый политикан! – Вадим скорчил брезгливую мину. – Мне противно находиться в твоём обществе. Ты высосал весь бюджет страны, для того чтобы поиметь дивиденды с акций всенародных строек.

–

Зато Советский Союз провёл тоннель по дну Байкала и соединил Камчатку с Москвой прямым метрополитеном. Теперь создаётся новый проект метро от Камчатки до Северного полюса. Скоро москвичи смогут летом вести фотоохоту на белых медведей, поскольку, по моему гуманитарному законопроекту, отстрел белых мишек запрещён.

Скорбным трагическим голосом Роза возвестила:

–

Порвалась связь времён!

–

Бедный Вадя! – в тон ей возвестил коленопреклонённый Кроха.

–

Бедный Кроха! – взвыл, воздев руки, Вадим.

–

Занавес, – резюмировала Роза.

ВОЛШЕБНАЯ ПРОГУЛКА

Коренная москвичка умела быть и пуританкой, но ей больше нравился небрежно-барский стиль и в одежде, и в общении. Кроме того, увлечение туризмом приучило её не

тратить драгоценного времени на «причипуривания».

–

Нам собраться – только подпоясаться! – любила повторять Ольга.

Утром она хотела подойти к дому Василия Степановича пораньше, чтоб не заставлять себя ждать. Но именно сегодня на неё по непонятной причине напало желание «причипуриться». В итоге, когда московская барышня, наконец, приготовилась выйти, дверь открылась, и на пороге появился сам Василий Степанович.

–

Доброе утро, Василий Степанович! – тоном гостеприимной хозяйки поздоровалась Ольга, ничем не выдав, что не ожидала его прихода. – Посидим здесь?

–

Добрый день! По мне – так лучше на воздухе.

–

Тогда командуйте – куда идём?

–

Я бы пошёл в рощу.

–

Значит, идём в рощу.

Василю очень понравилась эта манера свободного

общения. Ему нравилось, что она не скрывает своих эмоций и, в то же время, умеет ими владеть.

–
Ну, чем вы меня сегодня будете удивлять?

–
Не знаю!

–
Вы обещали научить меня чему-нибудь.

–
Ну, научить – это надо подумать, чему учить и как учить. А вот рассказать Вам кое-что, – после слова «рассказать» журналистский рефлекс сработал, и Ольга достала микрофон, – мне даже хотелось бы.

–
Рассказывайте.

–
О бабе Груне помнит всё село. Она обучила меня заговорам, свойствам трав, плодов, приёмам приготовления смесей и ощущениям нарушений в организме. Научила видеть и диагностировать ауру. Это была великая женщина. Я бы очень хотел, чтобы её помнили.

–
Тогда, расскажите о ней побольше.

–
Вы можете себе представить весёлое, шаловливое лицо ребёнка? Она и в восемьдесят пять выглядела здоровой, цветущей женщиной. Её энергии хватало на то, чтобы никто в селе не болел. Рассказывают, что во время войны баба Груня

отвадила немцев от деревни. Заходили несколько раз и по непонятным ни для кого причинам уходили в соседние сёла.

—
Она была ведьмой!?

—
Скорее, доброй волшебницей. Она научила меня любить. «Люби, – говорила она, – и то, что сможешь полюбить искренне, будет держать тебя в жизни. Ты не помрёшь, пока будешь любить жизнь. Не заболеешь, пока будешь любить своё тело. Ничего и никогда не бойся. Не будет ни аварий, ни травм, ни порчи, ни сглаза – пока будешь спокойным, бесстрашным, пока будешь верить в своего ангела-хранителя. Всегда проверяй себя правдой. Если почувствуешь ложь в своих желаниях, мыслях и поступках, – значит, ты испугался. И в большом, и в малом – проверяй себя. Не допускай лжи, как бы сладка она ни казалась».

—
Да! – Ольга оценила силу такой заповеди. – Великая старушка!

—
Это ей принадлежит идея воспитания поколения, свободного от земных ограничений.

—
Как это? – столичная корреспондентка явно не ожидала такой фантазии.

—

Ну, чтобы Вы это поняли, я ещё немного расскажу про

бабу Груню. Она вырастила мою мать, но всё время сокрушалась, что поздно занялась её воспитанием. «Душа приходит в этот мир, способной на всё. Дитё умеет не только спать, есть и плакать. Оно одарено Творцом и полно талантов. Ребёнок живет свободным до той поры, пока не усвоит законы бытия Земли». – Василь так увлёкся воспоминаниями о своей воспитательнице, что не замечал, как семенила, еле поспевая за ним, корреспондентка столичной газеты. Ольга старалась не упустить ни слова. Микрофон то появлялся перед лицом Василя, то вновь пропадал. Она устала, но профессиональное любопытство не позволяло прервать момент откровения.

–

У бабы Груни были свои представления о природе человека. Она говорила: «Господь создал единую душу. Создал её по образу и подобию Души Своей. Вот с этой душой мы и являемся на Свет Божий». – Василь вдруг резко остановился и повернулся к госте. Старательно следовавшая за ним с микрофоном в руке Ольга по инерции проскочила ещё метра два. Василий понял этот жест, как приглашение продолжать прогулку, и зашагал дальше. Она же решила исправить оплошность и повернула назад. Они чуть было не столкнулись. Василию пришлось подхватить Ольгу за талию, чтобы она не полетела в кювет.

Так, неся свою гостью на полусогнутых руках, Василий Степанович продолжал свой рассказ:

–

Только после того, как испытает страх, маленький человек начинает учиться понимать и видеть мир таким, каким его видят взрослые. – Он остановился и с изумлением увидел её испуганные глаза прямо перед собой.

–

Опустите меня, – она продолжала держать микрофон над головой, как гранату.

–

Да, пожалуйста... – в неловкой паузе они продолжали несколько мгновений стоять друг против друга и не могли отвести взгляд. Ольга заморгала и опустила руку с микрофоном.

–

Простите, – прошептал он и спрятал нашкодившие руки за спину. Командировочная развернулась, и они вновь зашагали по просёлочной дороге.

–

Почему Вы замолчали? – решительным тоном спросила Ольга. – Продолжайте. Я Вас слушаю.

–

М-м-м-да. – Василий забыл и тему беседы, и направление мыслей, и те последние слова, вспомнив которые, он

смог бы восстановить беседу. – Какую беседу? – улыбнулся он про себя. – Понесло меня. Простите, пожалуйста, – он решил передать ей инициативу, – я рассказал всё, что хотел.

–

А как дети видят мир? Вот вы сказали, что они видят мир не так, как взрослые, а как – не сказали.

–

В детях все чувства обострены так, как у талантливых людей, а то и сильнее. У них иной слух: они слышат оркестровое звучание природы, а не отдельные звуки. Они видят не отдельные предметы, а их объёмные взаимоотношения. Поэтому они воспринимают не движение, а изменения в отношениях. А мы реагируем на отдельные звуки, предметы, запахи. Этому нас обучили и, чаще всего, научившись выделять, мы теряем общие представления. Поэтому нас приходится учить гармонии звуков, композиции образов, линий и цвета, вкусовых сочетаний. Но взрослые воспринимают всё это довольно трудно. Требуются годы специального обучения, чтобы музыкант освоил гармонию, художник – композицию, повар – вкусовые соотношения. Только те люди, которые, повзрослев, не полностью потеряли эти врождённые качества, способны стать хорошими музыкантами, поэтами, художниками, учёными да и просто, как принято говорить, гармонически развитыми личностями.

–

А ведь Вы правы! – воскликнула благодарная слушатель-

ница. – Мы называем таких людей «духовными личностями, талантами, гениями». А ведь дети, наверное, духовны изначально?

–

Ну, конечно! Тело, появившееся на свет, обладает душой – общей частью всего мироздания. Душе знакомы все законы природы. Она знает всё и обо всём. Она не различает частности, но хорошо разбирается в соотношениях.

–

А почему люди такие разные?

–

Потому что у их душ разный опыт.

–

Какой опыт?

–

Опыт существования до момента конкретного воплощения.

–

А где души приобретают этот опыт?

–

В прежних воплощениях.

–

Вы имеете в виду процесс реинкарнации?

–

Ну, поскольку Вы имеете об этом представление, пусть будет так.

—
А как может быть иначе?

—
Они могут получать опыт воплощений не только в нашем мире.

—
Душа путешествует и по другим мирам?

—
А что ей может помешать? Ведь она – часть всего мироздания!

—
Тогда она должна помнить и другие миры?

—
Душа не помнит конкретностей. Её индивидуальная память – следствие опыта всех предыдущих воплощений.

Лихорадочная мозговая деятельность воинствующего атеиста захлебнулась, и Ольга почувствовала апатию. Ей стало трудно идти, слушать и даже дышать. Она, ещё недавно свежая, бодрая, дерзкая, – стала усталой и слабой.

—
Что-то мне захотелось присесть, – не успела она произнести эту фразу, как на обочине просёлка показался пенёк. До этого момента она никакого пня здесь не видела. Ей даже стало страшно. Ольга ощупала его поверхность и села.

Василь смотрел на неё, и всё понимающая, еле заметная

улыбка озаряла его лицо. Взглянув на него, Ольга засмушалась, встряхнула свободно распущенными волосами и спросила:

—

Так Вы говорите, что люди видят мир не таким, как он есть? Вы говорите, что он гораздо богаче того, что мы видим, ощущаем, чувствуем, понимаем?

—

Да. И при этом ничего не мешает людям видеть всю красоту природы. Для этого у них есть всё. Надо лишь научиться ходить не только по разрешённому и проторённому пути. Нужно суметь выйти из гипноза, в который люди попадают в результате воспитания или полученных знаний.

—

Так, — сидя на пенёчке, думала выпускница высшей партийной школы. — Это он здорово втянул меня в разговор, который сам навязал. Прослушаю запись — пойму, где попалась на крючок. А сейчас надо изменить тему на такую, в которой вести буду я.

—

Скажите Василий, — обратилась Оля, — та часть природы, которую мы не ощущаем, тоже материальна?

—

Вы о чём?

—

Ну, я спрашиваю о том, — осторожно начала сотрудница

отдела пропаганды, – можно ли пощупать, понюхать, увидеть эту недоступную нам часть природы? Есть ли там такие вещи, каких здесь нет?

–
Да! Ощутить, увидеть, услышать и понюхать

можно! Однако надо знать, чего ты хочешь. Там есть всё. Как в библиотеке. Если ты просто сидишь и глазеешь по сторонам, то ничего кроме книжных полок и томов не увидишь. Но ведь в библиотеке заключены миры! Если захочешь узнать что-то, то тебе надо найти нужную книгу и почитать о том, что тебя интересует. Так и здесь! Та часть природы, которую все видят, – это библиотека и полки с книгами. Вы можете взять из природы, которую наблюдаете, любую вещь. Как в библиотеке, – можно взять любую книгу. Но то, что можно узнать из книги, не удастся взять в руки. Так и в мироздании! В наблюдаемой всеми природе можно взять в руки любой предмет. Но внутри него и за его пределами, которых мы не можем наблюдать, тоже есть информация: знания о предмете, его хозяевах, его происхождении и о его будущем. Это всё можно увидеть, услышать, ощутить точно так же, как видишь, слышишь и ощущаешь, читая книгу.

–
Ну, а как насчёт того, чтобы взять оттуда какую-то вещь, которой здесь нет?

–

Вы можете взять из книги сюда лампу Аладдина, о которой прочитали?

—

Но как понять, что те ощущения реальны?

—

Когда Вы читали про лампу, она была реальна?

—

Да, — задумчиво произнесла пропагандист-неудачник, потерла ладонью лоб, встала (при этом заколка упала на пень), посмотрела на Василя и спросила: — Вы верите в Бога?

—

Нам усим до Бога, як пишки до нэба!

—

Так верите?

—

А Вы верите, что «на Марсе будут яблони цвести!»?

—

Я думаю, что для этого достаточно достижений технического прогресса, желания людей и времени. В принципе, — этому ничто не мешает.

—

Вот и я о том же. Будет желание, придёт время, появятся знания, — тогда и видно будет.

—

Так Вы материалист или идеалист? — вдруг ощутила под ногами знакомую почву убеждённый материалист— агитатор.

—

Если вы о сотворении мира, — то я уже ответил. А если вы о религии, в которой нашим предкам даны правила, как жить на земле и среди людей, — то я — православный.

—

А вот что, по-вашему, первично? Материя или идея?

—

Если материя, — то это значит, что сначала строят

дом, потом рисуют для него проект. Если идея, то, поскольку материи как бы нет, непонятно, из какого материала строить дом, — и проект может оказаться неверным. Да и нет необходимости себя сейчас мучить: придёт время, знания, воля — узнаем!

—

То есть Вы ни во что не верите?

—

В то, чего не знаю, — я не могу ни верить, ни не верить.

—

А что вы знаете такого, что другие не знают

—

Я знаю про Вас то, что Вы не знаете.

—

Да? Интересно! А можете сказать?

—

Ну, во-первых, по дороге назад Вы найдёте свою заколку

и будете очень удивлены. А во-вторых, – он посмотрел ей в глаза и, улыбаясь своим мыслям, спросил, – когда Вы ещё сюда приедете?

–

Да, думаю, что никогда!

–

Вот тут Вы неправы. Придёт день, когда Вы вернётесь сюда и не просто так, а на свадьбу.

–

Вот это да! И на чью свадьбу я приеду?

–

На мою.

–

Тут Вы, наверное, правы! Буду очень рада побывать у Вас на свадьбе, – она посмотрела на Василя. А ведь правда – завидный жених: красив, здоров, умён и талантлив. Впервые она отчётливо поняла, что рядом с ней стоит человек, чей талант на уровне гения. Ольгу словно током прошибло! Она, ругавшая серость своей жизни, теперь стоит рядом со светилом и не понимает, что рядом с ним не может быть серых будней.

–

И кто Ваша избранница? Можете её показать?

–

Нет! Это дело ещё не скорого будущего, и она пока ничего не знает.

–
Но Вы уже выбрали себе невесту?

–
Да!

–
Красивая?

–
Мне нравится!

–
Это – самое главное! А кому-нибудь Вы уже говорили о Ваших планах?

–
Нет. Никто не спрашивает, а я не люблю трепаться. Вот Вы спросили – я ответил.

–
Ну, что ж! Теперь я знаю о Вас вполне достаточно. Даже больше, чем Ваши односельчане. Так что можно возвращаться в Москву – задание выполнено.

С этими словами Ольга выключила диктофон, спрятала микрофон и отдала сумку Василию.

–
Поносите немного, – попросила она его. – Устала таскать. Ходим по такому красивому бору, а из-за этой сумки – ни побегать, ни покувыркаться.

И она, к удивлению Василя, действительно стала бегать,

кувыркаться, читать стихи. Он смотрел на неё, как на игривого котёнка. По дороге назад Ольга пела. Некоторые песни, знакомые Василию, очень ему понравились.

Вдруг Ольга наклонилась и подняла заколку.

—

Ха! Василий Степанович! Вы были правы. Я нашла заколку. Провидец!

Ольга мотнула головой так, что все волосы оказались впереди. Она хотела скрепить их заколкой, но замерла от неожиданной мысли: «А где пень?» Девушка посмотрела на Василя взглядом недоумевающего ребёнка. А молодой человек всем своим видом показывал, что «всё в порядке, так и должно быть».

Даже после поворота тропы растерянная девушка не раз оборачивалась назад и с недоумением посматривала на дорогу. Она, видно, переживала шок, плохо слушала спутника, отвечала невпопад, и поэтому разговор никак не клеился.

Они уже подходили к гостевому дому, когда Василий неожиданно остановился. Она сделала несколько шагов и обернулась. Перед ней стоял нашкодивший мальчишка.

—

Я ни с кем не мог так поговорить. Мама слушает и понимает, но не спорит. Батя у меня добрый и весёлый. Он говорит: «Господь тебе это дал – храни. О чём тут разговаривать? Главное, что это добро. Если бы это было во зло, я бы с тобой поговорил». Очень нужен кто-то, с кем можно поспо-

ритель, кто смотрит на вещи не так и высказывает своё мнение. Жаль, что Вам уже надо ехать. Я бы Вам показал то, что пишу.

Когда Василь замолчал, она пожалела, что он так немногословен. Ещё никто никогда не говорил ничего подобного этой весёлой говорунье. От неё часто отмахивались и затыкали рот. А теперь оказалось, что в беседах с ней нуждаются. И кто! Человек с такими уникальными способностями! Самородок! Гений! Ей вдруг захотелось остаться и слушать его вечно.

Она подошла к нему. Уставилась в его открытое лицо своими округлившимися глазами и неожиданно для себя сказала:

-
А ты напиши. Пришли. Я отвечу.

Как это вдруг она перешла на такой доверительный тон, останется для них загадкой. Но он, как будто ждал этого, осторожно, чтоб не спугнуть чуда, тихо спросил:

-
А .. .куда... написать?

-
Я дам адрес.

-
Хорошо. Я обязательно напишу.

Она порылась в сумке, достала блокнот и ручку.

—
Это мой домашний адрес. Я буду ждать.

—
Спасибо! До встречи!

Оля протянула руку. Он взял её ладонь обеими руками, и она почувствовала в нежном прикосновении больших рук такую силу, что застыла на мгновение от очарования этого чувства.

—
До свиданья!

В СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ КАПИТАЛИЗМА

Вадим отнюдь не ценой героических усилий и уникальных способностей – врожденной прозорливости, пытливости ума, – а и сам не понял как, оказался в самой стремнине нового русла времени. Двигаясь по стопам великого комбинатора, он, не имея ни малейшего представления о дальнейших перспективах, основал кооператив. Просили – сделал. А дальше?..

На следующий день Вадим, открыл счет в районном банке и доложил Морозову о завершении полученного задания.

—
Надо, конечно, обмыть такое замечательное событие, – заметил старший товарищ, – но я не хотел бы делать это в общественном месте.

—
Вы, как всегда, прозорливы! – воскликнул Вадим. – За Ва-

ми не угонишься. Я как раз хотел спросить, когда Вы освободитесь, чтобы заехать за Вами. Моя жена уже всё приготвила и ждёт команды.

—

Тогда я подъеду к пяти.

—

Будем встречать.

—

Если можно, по-домашнему. На кухне. Очень люблю эти наши кухонные посиделки. Надеюсь, без гостей?

—

Я думаю, нам и вдвоём будет, о чём побеседовать.

—

Во! Что значит молодёжь. А я бы сказал – посудачить. Это то же самое, только по-стариковски. До встречи.

—

Жду! – Вадим положил трубку. – Так, уже лучше. – Он лежал в гостиной на диване, заложив обе руки за голову и вперив глаза в потолок: – Чёрт меня попутал связаться с этим верным ленинцем. Может, ему и есть, что предложить?

—

Ну! Что предложить, – услышал Вадим знакомый голос, – у соблазняющего всегда найдётся. Поддаться на соблазн легко. А вот использовать соблазнителя в своих интересах – куда сложнее. Тут думать нужно. Понимать.

—

Это да. — Вадим не видел своего собеседника, но чувствовал его присутствие в комнате. Он хорошо представлял, как тот вольготно расселся в кресле возле торшера. — Интересно, что он потребует за свои услуги?

—

Вечная надежда на доброго дядюшку всегда приводила русского простофилю к разбитому корыту. Предлагающий надеется получить максимум от своего предложения. Это надо знать.

—

Максимум — это всё. Если он хочет всё, зачем мне этим заниматься? Пусть сам и вертится. Я ведь не буду даром стараться?

—

Правильно! Но ты ведь тоже захочешь максимум? Зачем же ему отдавать, если есть возможность взять всё?

—

Но я не хочу брать всё.

—

Ты согласен работать за зарплату?

—

Нет, конечно. Я открыл дело и должен иметь прибыль со своего коммерческого предприятия.

—

Какую часть?

—

Это же моё предприятие. Значит, я буду распоряжаться всей прибылью.

—

А он думает, что это его предприятие, и сам желает распоряжаться этой прибылью.

—

Ну, мы с ним компаньоны и договоримся о разделе прибыли.

—

Это ты зря так думаешь. У каждого дела должен быть один хозяин. Если их двое, — дело гибнет. Можно делиться частью прибыли от сделки. А компаньоны обычно, в лучшем случае, оказываются в тюрьме.

—

Но он ведь считает, что это дело его. Значит, у меня не остаётся другого выбора, кроме как стать его компаньоном.

—

Я устал. Помни о нашем разговоре и думай. Не мне за тебя решать. Ты уже взрослый. Решай сам.

Вадим повернулся на бок и посмотрел на кресло. Гостя там не было. Он увидел только, как расправляются складки чехла. Видно, с этого кресла кто-то только что встал.

В назначенный срок Морозов позвонил в дверь квартиры Вадима.

–

Иван Палыч! Добрый день! – приветствовал Вадим гостя. – Милости просим!

–

Здрасьте, здрастьте! Мир этому дому.

–

Спасибо! Проходите, пожалуйста.

–

Так! Где наша хозяйюшка? – Морозов расплылся в галантной улыбке. – Эти цветы Вам. Красавица, хозяйюшка!

–

Спасибо! – Роза взяла букет, сделала реверанс и нарочито-кокетливо улыбнулась гостю. – Милости просим.

Роза посидела с мужчинами, пока они закусывали и хвалили её кулинарию, подала горячее, подождала, когда они завершат свои восторги тостом «За прекрасных дам!», и оставила мужчин, чтоб не мешать их разговорам. Утолив голод и жажду, рвущиеся в нувориши перешли к делам.

–

Ну, – откинувшись на спинку дивана, начал Морозов, – как ты себе представляешь? Что дальше?

–

Если я правильно понял, то Вами предлагалось ввести в коммерческий оборот некоторый капитал, дабы, «в суматохе явлений», сохранить его и приумножить. Я правильно определил задачу?

—
Да

·
—

Тогда я хочу узнать, какой это капитал, и каким способом Вы можете передать его созданному нами юридическому лицу?

—

Поскольку специально выделенных на развитие бизнеса капиталов нет и быть не может, я просил тебя подумать над способом использования целевого финансирования администрации, которой я руковожу. Подумал?

—

Да. Вот проекты договоров, которые реализуют целевое финансирование. Прямо по статьям расходов этого финансирования. — Вадим передал шесть листков, исписанных его аккуратным почерком. — А это ваши статьи расходов. Можете свериться. — Он подал папку, которую недавно получил от Морозова. Тот посмотрел на заголовки договоров,

выбрал два, а остальные отложил.

—

Так! «Приобретение, монтаж и обслуживание средств вычислительной и оргтехники» — это хорошо. «Создание программного и информационного обеспечения для функционирования ... ля, ля, ля...» — прекрасно. А остальные пока

отложим.

—

Как говорится, хозяин – барин.

—

Вот именно.

—

Но это не тот капитал, который можно пустить в серьёзный оборот, чтобы его сохранить и увеличить. В результате заключения этих договоров Ваша администрация освоит финансирование, а наше юридическое лицо получит небольшую прибыль. Эта прибыль в 15-20 тысяч – не тот капитал, который можно приумножать. Этих денег хватит только на освоение нескольких проектов покрупнее. И не более того. Правда, они могут быть пущены в штучный торговый оборот. Для оптовой торговли это мизерные деньги.

—

И что ты предлагаешь?

—

Я бы мог предложить, если бы вы гарантировали мне некий кредит для проведения предложенной коммерческой сделки.

—

О каком кредите может идти речь?

—

От нескольких сот тысяч до нескольких миллионов.

—

А что за сделка?

—

Некоторые контракты, биржевые операции.

—

Конкретнее?

—

Проводится маркетинг, — Вадим посмотрел на компаньона, осёкся и пояснил: — Исследуется рынок — спрос и предложения. Выбирается актуальный вариант. Создаётся и реализуется контракт. Вот для этого последнего хода необходим капитал. Без него продавец сделки не подпишет и товар не отгрузит.

—

Когда тебе будет нужен этот кредит?

—

Если мы сейчас договариваемся о реализации такого плана, а вы подпишете эти два договора, то, с момента перевода предоплаты, — не более месяца.

—

Хорошо! — озадаченно выдавил из себя Морозов. — Я поговорю в финансовом управлении. Просто узнаю, какие для этого есть возможности. Но мы ещё не обговорили условия наших финансовых отношений.

—

Я предлагаю, чтобы с каждой сделки, которая пройдёт че-

рез наш с вами кооператив, участники получили по одной трети, а ещё треть – наш с вами кеш – пополам.

–

Значит, если сделку организовали мы, то прибыль пополам.

–

Ну да! За вычетом расходов.

–

Ладно, – сказал гость. – Ну! За удачу! Завтра секретарь подготовит договоры, подпишем и – вперёд!

–

В светлое будущее капитализма! – они чокнулись и выпили.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ЧУДЕСА В БЫТИИ

Весенние вечера в горной деревне весьма прохладные, поэтому Деми и Рита сидели на балконе дома тепло одетыми. Рита зажгла огромную свечу, прикрытую большим альбомом храмов Иерусалима, который муж привёз из Святой Земли, поставила на стол набор шоколада и два бокала, а Деми разлил по глотку «Хеннесси».

– Конечно, смешно было видеть, как репортёр превращается в воздья святош, идущих войной на нечистую силу. – Он подал ей бокал, и нежный звон стекла прозвучал, как

гонг, оповещающий о начале отдыха. – И всё было бы просто весело, если бы не тот факт, что мы оба его видели, и Генри сфотографировал его, – а следов нет.

–

Этому-то объяснение найдётся. Да оно и не так интересно. А вот то, что ты почувствовал себя Фаустом, да ещё и на костре инквизиции,

–

это круто. Ведь он тебе такого не внушал?

–

Нет. Это была моя реакция на его упоминание о Лютере.

–

Вот. Видишь? Как интересно быть образованным человеком!

–

Рита пригубила коньяку, и тепло разлилось по телу.

–

Ты помнишь, как нас познакомили?..

–

Да. Когда ты протянула руку и представилась Маргаритой, я чуть дар речи не потерял.

–

А когда я узнала, что ты на литературном факультете, тоже поняла, что это не так просто.

–

Дома я перечёл кусочек из «Мастера», в котором гово-

рится о «вечном доме»: «Слушай беззвучие,

—

говорила Маргарита мастеру, и песок шуришал под ее босыми ногами, — слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали в жизни,

—

тишиной. Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься, и кто тебя не тревожит. Они будут тебе играть, они будут петь тебе, ты увидишь, какой свет в комнате, когда горят свечи. Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон

укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. А прогнать меня ты уже не сумеешь. Беречь твой сон буду я.

Так говорила Маргарита, идя с мастером по направлению к вечному их дому, и мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать».

—

А дальше, без рассуждений и сомнений моя рука написала: «Здесь, в этом новом мире, и привычные, и доселе невиди-

данные света сливаются в один прозрачный и вечный свет силы. Все звуки невероятной красоты и созвучия составляют единую гармонию беззвучия и превращаются в кладезь мудрости. Здесь пустота ощущается, как основа мироздания. В этой пустоте вечный свет силы будоражит кладезь мудрости, и рождаются новые формы, миры и пространства, законы и мифы, творцы и разрушители. Отсюда видно, как всё переходит в пустоту, а пустота вновь порождает бесконечность.

В этом вечном доме память перестаёт диктовать свои условия. Исколотые раны её больше не кровоточат, и она уже не берedit душу. Память становится спокойной и податливой. Противоречия и парадоксы находят свою основу и своё оправдание. Всё приобретает своё место и свою значимость. Душа наполняется гармонией и начинает прозревать. Она вновь начинает нуждаться в деятельности. Ей снова не хватает потока времени и бурлящих в нём страстей и противоречий, из которых можно творить образы и судьбы. Творить – и этим жить».

–

«Маргарита чувствовала, как его мятущаяся душа обретала состояние блаженства, – продолжила Рита свою часть их семейного мифа. – Это был явный результат усилий её любви. Вот и настал момент абсолютного счастья: единения мудрости и любви – вершина гармонии души.

Она верным стражем стояла у порога их счастья. Её ре-

шимость подарить своему возлюбленному блаженство наслаждения от созерцания истоков гармонии стояла на пьедестале любви и не могла быть поколеблена никакими силами мира.

Однако лишь только Маргарита почувствовала муки нереализуемого творчества мастера, она направила энергию

своей любви на возлюбленного, слилась с ним, и они, вопреки всем законам мироздания, нырнули в круговорот временных континуумов.

В бесконечном пересечении пространств нашёлся привычный мир Земли».

Они сидели друг против друга, и волны океана нежности плескались у берегов их душ.

—

Вот. Два случая сотрудничества ты и вспомнил, — прошептала Рита.

—

Да. Сбылось его пророчество.

—

Это не его пророчество, а твоя память души и творческая фантазия. Ах, если бы ты продолжал писать, а не ушёл в журналистику...

—

Тогда он нашёл бы меня не в Святом Городе, а в «геенне ог-

ненной» Гулага. Мои фантазии нельзя никому показывать.

—
Жаль. В них много ...

—
Не жалея, — он обнял свою Маргариту, поймал ладонь, поправлявшую прядь его волос, поцеловал её. — Пойдём спать. Уже поздно.

ЧУДЕСА ДРУЖБЫ

Зураб Вашаломидзе встречал рейс Москва-Тбилиси.

Нодар Думбадзе, теперь уже классик грузинской литературы, посвятил юности деда Зурико Вашаломидзе, в честь которого он и был назван, свой роман «Я, бабушка, Илико и Илларион». Этот самый дед, тогда его ещё звали Зурике-ла, и Натали Арье учились на одном курсе тбилисского института инженеров железнодорожного транспорта — легендарного ТБИЖТа. Так сложилось, что эти два самых красивых студента факультета не испытывали друг к другу никаких интимных чувств. Вероятно, это и послужило основой их пожизненных дружеских отношений. Они были неразлучны, как две подружки, и расставались только на ночь да при необходимости сходить на свидание. Зурике-ла женился раньше, но и это событие не разлучило их. Более того, на всех свадьбах Натали Зураб Вашаломидзе был неизменным шафером. Натали всю жизнь рьяно выполняла обязанности крестной матери его единственного сына Иллариона. Её назначили крёстной, а самого обряда кре

щения над младенцем не произвели, потому что в ту пору людям приходилось стороной обходить церковь, дабы не навлечь на себя судьбу каторжника. А вот тот реальный факт, что крёстная Ната была еврейкой, никого не смутил. Мысль, что еврейке нечего делать в церкви, могла прийти в голову только тем, кто относился всерьёз к проблемам вероисповедания. А поскольку из мозгов советских людей эти проблемы были выбиты напрочь, то крёстная была просто назначена, а об обряде даже и не задумались. Зато мацу, которую каждую весну крёстная приносила в дом крестника, ели с удовольствием, и Дареджан, жена Зурико, даже готовила из неё те еврейские блюда, которым научила её Ната. Советская власть проповедовала свою религию – воинствующий атеизм, а посему жестоко пресекала всяческие поползновения подданных к другим сортам «опиума для народа».

И вот сейчас Зураб Илларионович Вашаломидзе встречал своего ближайшего друга Левана и крестную мать своего отца. Долговязый юноша с большими, резко очерченными чертами лица, ходил своей статью на юного Атоса. Эту кличку он и носил в кругу друзей. Возможно, что кличка сыграла не последнюю роль в формировании молодого характера. Зурикела был добрым, смелым и сильным парнем. На слово этого юноши можно было положиться так же, как полагались друзья-мушкетёры на самого Атоса. Поэтому Леван позвонил именно ему и поручил подготовить всё к приёму

его нуждающихся в добром и бережном отношении спутниц. Атос за два дня смотался в деревню, привёл в порядок бабушкин домик, убрал двор, застелил постели, накупил еды, подготовил дрова для камина, договорился с соседями, чтобы они носили каждое утро молоко, мацони*, яйца и сыр. В итоге всё село знало, что Зурикела везёт гостей, и что эти гости требуют особого, заботливого отношения.

Всего лишь час назад он вернулся в Тбилиси и в ожидании автобуса на аэропорт слонялся возле памятника Шота Руставели, ломая голову над тем, как везти лежащую больную в деревню.

– Атос! – услышал он оклик с характерным армянским ударением на первом слоге. – Кого ждёшь?

**Мацони – простокваша (грузинский).*

Он обернулся и увидел соседа Мишку Арутюнова в трофейном большом чёрном BMW производства фашистской Германии. Зураб улыбнулся и подошёл к машине.

–

В аэропорт еду. Лёва прилетает со своей тётёй. С ними ещё больная девочка. Их надо отвезти в деревню. Вот думаю, не вызвать ли для неё скорую? Больная не сможет сидеть в автобусе. До Имерети часов восемь езды. Слава Богу, погода хорошая.

–

Это в твою деревню? Туда, где мы в прошлом году охоти-

лись?

—

Да.

—

Так вас трое и девочка?

—

Да.

—

Я вас отвезу. Садись.

—

Спасибо! Но я ведь говорю, она сидеть не может. Ей лежать надо.

—

Залезь на заднее сиденье.

Зураб усмехнулся и влез в машину.

—

Поехали, — сказал Мишка и включил зажигание. — Ну, как?

Зурико утонул в удобном широком сидении.

—

Вчера на киностудии новое сидение сделали. Будем изображать фрицев. Поместится девушка?

—

Поместится. А где мы с Леваном сядем?

—

Я же говорю, специально новые сидения сделали. Родных

сидений не нашли, так с ЗИМа переставили. Посмотри. На спинках передних кресел есть два откидных стула. – Миша повернулся и ехидно подмигнул: – Нет! Если не хочешь, – можешь отказаться.

–

Мишка! – вырвалось у Зуры. – Шени чире мэ*! Едем, Михо-джан**! Едем! Бог тебя послал. Останови, – они сворачивали на набережную Куры. – Вперёд пересяду.

В старом тбилисском дворе на улице Пиросмани, где они родились и выросли, Мишку Арутюнова знали все. Ругали, но уважали. А как можно было не ругать вечного возмутителя спокойствия. Нет, он не орал, стоя посреди двора, не задевал соседских девочек, не гонялся с диким криком за кошками. Мишка любил больших собак и всё, что могло

**Шени чире ме – дословно «твое горе мне» (грузинский).*

***Джан – дорогой (грузинский).*

ехать на двух, трёх и четырёх колёсах. Поэтому двор был всегда полон породистых собак, которых он «переприручал» от хозяев, а все подвалы и подворотня были забиты частями от автомашин, мотоциклов, мопедов, велосипедов и даже самокатов.

Мишу любили за характер. Божий дар этого парня – всегда быть готовым прийти на помощь. Его не надо было ни о чём просить. Мишка всегда сам предлагал свои услуги, добросовестно и с любовью их исполнял, никогда никому из

ближних не прибавляя забот.

Внешне Михаил Арутюнов был похож на ...мишку. Здоровый, крупнокостый смуглолицый, породистый медведь. При всём своём добром нраве этот мальчик был грозой для, как он выражался, выскочек. По-грузински это звучит особенно – матраквеци.

Стоило только появиться возле него кому-либо с сутяжными или злобными намерениями, Михаил спокойно подходил поближе, внимательно слушал и в момент, когда «матраквец» входил в раж, – резко бил его в челюсть. Тот падал в нокаут. Поэтому рядом с ним те, кто его знали, вели себя спокойно и доброжелательно. А девушки его двора и школы всегда могли рассчитывать на защиту.

Оставив машину на парковке, друзья вошли в здание аэровокзала, нашли медицинскую службу и сообщили, что в рейсе из Москвы летит больная, которую нужно доставить к машине на носилках.

–

Знаем, – ответила им дежурный врач, – нам сообщили. Будем встречать. Не беспокойтесь.

–

Мы тоже здесь, – сказал Зура, – если нужна наша помощь.

–

Я же сказала, не беспокойтесь. Идите. Мы её встретим, а вы ждите возле машины.

–

Спасибо, – Мишка схватил Зуру за шею и развернул к выходу. – Но мы всё равно будем поблизости. Пошли.

Прибытие самолёта ещё не объявили, и ребята вышли из здания покурить. За дверями стоял ларёк с цветами.

–

Дэвучка! А, дэвучка! – обратился Михаил к продавщице. – Этот букэт завэрнитэ красиво.

–

Отстань от девушки, – приняв утрированный акцент друга за манеру заигрывания, сказал Зура и полез в карман за сигаретами. Он закурил, а когда поднял глаза, увидел

здоровую медвежью рожу над великолепным букетом роз. – Ха ... твоей роже не идут розы ... О! Экспромт! Верни букет и пойдём. Я проголодался. Ты чего бы поел? Там хачапури, а дальше хинкальня.

–

Я поем хачапури и запью кахури, а ты можешь поесть хинкали с пивом. Мне нельзя. Я за рулём.

–

Хорошо. Верни букет девочке.

–

Отстань! Я его купил!

–

Молодец. А я даже и не подумал.

Они направились в сторону гостиницы, перед которой

расположились кондитерская, хачапурня, хинкальня, шашлычная, бар.

–

И я поем хачапури с водичкой. Мне тоже сегодня нельзя пиво. Видишь? Торможу. Не смог выспаться. Туда в поезде. Обрато в поезде.

Они поели хачапури, запивая газированной водой с кахетинским сиропом от Лагидзе. Объявили прилёт рейса. Проходя мимо киоска с цветами, Зура спросил друга:

–

Ты не скажешь, почему у нас торгуют цветами красивые блондинки, а в Москве – наши красивые брюнеты?

–

Па-та-му, что кра-си-ви-э! – многозначительно ответил Мишка.

Друзья прошли к багажному отделению, куда привозили только что прилетевших.

–

Здравствуйте, дядя Соломон, тётя Нана! – приветствовал родителей Льва Зураб.

–

Ты знаешь, – взяв Зуру под руку и отведя в сторону, деловым шёпотом заговорил Соломон Маркович, – что Лёвушка везёт девочку, которую врачи приговорили к смерти.

–

Да, дядя Соломон.

–
Ну, и что ты об этом думаешь?

–
Дядя Соломон, честно говоря, я сам удивляюсь. Но . это Леван. Я думаю, что такое никто другой не смог бы сделать.

–
Да! Красивый жест. А если с девочкой действительно что-то случится? Ведь врачи не такие безответственные люди, как он. Они профессионалы и сделали своё заключение на основе долгих и глубоких исследований. Мне не приходит в голову сомневаться в их компетентности. А вот то, что мой Лёвка – абсолютный профан, мальчишка и самонадеянный фанфарон, – это я знаю хорошо. – Он достал

сигарету и зажигалку. – Ты приготовил дом в деревне? Он сказал, что ты обещал...

–
Не беспокойтесь. Всё готово: дом готов, машина подана.

–
А машина откуда?

–
Вот, – он повернулся к другу, который говорил с Наной.

–
Как могли её родители отпустить от себя больную девочку? – спрашивала Нана у бедного Мишки, который об этом узнал всего час назад.

–

Мой друг и сосед Миша, – представил его Зура. – Он повезёт нас в деревню.

–

О! Спасибо, дорогой, спасибо! Ребята, а деньги у вас есть? – Соломон полез в карман.

–

Успокойтесь, дядя Соломон, – остановил его Зура. – Деньги есть. Понадобится – попросим. А вот сигарету.

–

Ах ты, хулиган! – угрожающе свёл брови Соломон Арье. – Ты куришь?

–

Да, – дерзко ответил мальчик. – И хочу выкурить Ваше «Мальборо».

–

Нахал, – возмутился дядя и протянул мальчику пачку. – Что скажет мне Илларион, когда узнает, что я его сыну дал сигарету? Ладно, – он прикурил и дал прикурить Зуре, – мы приедем завтра с доктором из онкоцентра.

Льва Арье Мишка увидел впервые. «Матраквец», – подумал Арутюнов и всю дорогу оценивающе поглядывал на него в зеркало. А Леванчик и Зурикела говорили, не переставая. Они очень соскучились друг по другу, да и новостей у каждого было немало. Зуре было непонятно, как родители могли жить вдали от дочери, которую врачи приговорили к смерти.

Как ни странно, но то, что Леван был уверен в её исцелении, никак не удивило друга. Чтобы понять эту особенность психики, когда человеческая чёрствость удивляет больше, чем чудотворство, – необходимо родиться и жить в Грузии.

–

Штирлиц едет! Штирлиц едет! – кричали деревенские мальчишки, заведев чёрный арутюновский

BMW

В верхней точке дорожного серпантина стояла церковь. Если на этот склон горы смотреть со стороны долины, то видна тонкая змейка, голову которой венчает корона в виде церкви с крестом. Это дорога. Она подмяла лес, как змея траву.

Машина шла по горному серпантину так ровно, что Лёночка не шевелилась на своём широком заднем сиденье. Мишка не ехал по горному бездорожью, – он словно нёс на руках драгоценную чашу, доверху наполненную столетним вином. Капля – жизнь, две капли – поколение. Леванчик и Зурико, вдруг вместе обратив внимание на эту необычайно бережную езду, замолчали...

Внезапно возникшая без видимых причин тишина

З А З В У Ч А Л А!!!

Она звучала Любовью:

чувством радостной Дружбы,

цветом спокойной Преданности,

вкусом ожидаемой Радости,

запахом первого Подснежника.

А когда проехали широко раскрытые ворота, машина не остановилась – она просто перестала толкать дорогу своими шинами.

Тихо, чтобы не разбудить больную, ребята вышли из машины и помогли Име. Она вдохнула воздух полной грудью – пошатнулась и, если бы не стоящий позади Мишка, рухнула бы на скалистую землю.

–

Тут вина пить не надо, – подняв глаза к небу и всё ещё шатаясь в Мишкиных руках, выдохнула Натали, – пьянеешь только от воздуха.

Леночку тепло укрыли и оставили двери машины открытыми. За время перелёта и поездки больная ни разу не пожаловалась. Были моменты, когда боль заставляла стиснуть зубы. Но Леночка не жаловалась, не плакала, как в больнице, а хватала руку Льва и стойко переносила приступы боли.

Натали понимала, что любопытство деревенских соседей, а тем более родственников, необходимо удовлетворить. Но

вот как? Она постояла немного, попросила Льва дать ей свитер, пальто и шарф, вышла на улицу, положила пальто на камень, надела свитер и закутала голову шарфом. Как, в сущности, мало нужно, чтобы превратить доктора наук, философа, дипломата в простую деревенскую бабу! Сидя на этом выступе скалы, Натали Арье принимала «верительные грамоты» представителей деревенских семейств.

—

Мы с дороги, – говорила она уже десятый раз, – очень устала девочка. Завтра она немного придёт в себя и . кто откажется от гостей? Милости просим!

Постепенно паломничество к дому стихло, и Ната зашла во двор.

—

Бабушка Ната! – позвала Лена. – Мы уже приехали?

Натали посмотрела на Лену и от радости застыла с открытым ртом: глаза девочки были ясные, не затуманенные болью, щёчки порозовели, а, главное, она сама приподнялась!

—

Вай мэ! Швило! – воскликнула старая дама. – Как ты, девочка?!

—

Мне хорошо. А где Лёвушка?

—

Сейчас. Я позову ребят, они перенесут тебя в дом.

Когда Лев нёс Леночку в дом, больная девушка смотрела на сад, дорогу за околицей, на горы, одетые в леса и облака. Глаза Лены старались увидеть сразу всё. Они впивались в разломы ущелий, шарили по горным склонам, веткам садовых деревьев, гроздьям плодов, цветочным клумбам.

—

Я видела! Я это уже видела! – заговорила Леночка, когда её положили в постель, и слёзы покатались у неё из глаз. – Лёва, Лёва! Я это видела в Москве, в больнице! Это был сон, но я видела всё это! Даже облака были такие! Лёва, Лёва! Это чудо! Я видела это ещё в Москве! Это всё! И этих ребят! Вот его зовут Миша. Я видела во сне, как он меня кормил виноградом. А вот вы меня вводили в церковь! – она показала на Зурико.

Ребята смотрели с удивлением на свою подопечную.

—

Ты говоришь, что видела, как Зураб тебя вводит в церковь? – опомнившись от первого шока, спросил Леван, укрывая Леночку одеялом. – Ты говоришь, что он тебя вводит! Ты сама идёшь? Ты поднималась по ступенькам сама?

—

Да! Но его зовут не Зураб, а Зурико, – поправила она и заулыбалась. – Правда?

—

Правда! – воскликнул Лев и поцеловал её в лоб. – Всё будет хо-ро-шо! – Он повернулся к стоящим на балконе у вхо-

да в спальню друзьям: – Ну, что? – У них был совершенно обалдевший вид. – Рам гамогаштерат*?

–

Михо ар гвихсенебиа гзаши**. А ты его не знал, – сказал Зурико вышедшему к ним Льву. – Откуда она знает его имя?

**Рам гамогаштерат – чего остолбенел (грузинский).*

***Михо ар гвихсенебиа гзаши – Мишу мы не упоминали в дороге (грузинский).*

-

Она же сказала!

–

Что?

–

Что он её виноградом кормил.

–

Когда?

–

Во сне, – Леван с трудом сдерживал смех. – В Москве.

–

И что? Он ей во сне сказал, что его зовут Мишей?

–

Я не понял? То, что он во сне кормил её виноградом, с этим ты согласен, а вот тому, что он ей сказал, как его зовут, – ты не веришь?

–

Нет.

—

Значит, он мог её кормить виноградом?

—

Не знаю.

—

А знакомиться не мог?

—

Нет!

—

Почему? – Леван готов был взорваться от смеха.

—

Так не бывает.

—

А то, что ты её вводил в церковь, тебя не тревожит?

—

Ну!.. Что только ни приснится девочке?

—

А то, что она знает, как тебя зовут?

—

Мы же разговаривали в машине, она могла услышать.

—

Когда мы разговаривали, она спала. И потом. Она запомнила «Зурико», а для русской, которая никогда не слышала грузинскую речь, очень сложно запомнить такое имя.

—

Ты что? Хочешь, чтобы я поверил, что она видела нас в Москве?

—

Не только вас! Она видела эти горы и даже эти облака.

—

Леван! Как она могла видеть облака, которые меняются каждую секунду? Ты хочешь сказать...

—

Что она видела именно эти облака.

—

Но они были такими сейчас. А она видела их раньше, в Москве, да ещё и во сне!

—

Ладно, сейчас поедим, немного выпьем, и я вам обоим кое-что расскажу.

—

Да! Кушать очень хочется. Тут ты прав.

Леночку положили на толстенный шерстяной матрас, положили под голову большие пуховые подушки и укрыли тёплым одеялом.

Кровать, на которую положили матрас, была вытесана мастером из дуба. Многовековой исполин почти два века назад стоял на этом месте. Рядом с ним тогда начали строить церковь. Вырыли место для фундамента. Ночью прошёл

мощный ливень. Утром крестьяне, пришедшие на рабо-

ту, стали очевидцами чуда: у них на глазах огромный дуб закрипел, наклонился и лёг в яму, вырытую для фундамента церкви.

Дом был построен здесь, на этой самой высокой точке деревни, рядом с церковью. Его поставил дед пятого поколения предков Наны Шаликоевны Чхеидзе – мамы Льва.

Этот дед её дедов в юности был очень задирист и весьма искусен в борьбе. Поэтому отец, чтобы мальчик не портил ему отношения с соседями, отправил сына в город к своему младшему брату, который служил при жандармерии. Молодой задира быстро попал в поле зрения пристава. Тот, хоть и на девять лет старше, тоже был задира отменный. Пристав приказал парню побороться с ним. Когда Чхеидзе бросил служивого на землю, его судьба оказалась на распутье: соперник мог его наказать; мог не придать значения этому событию – простить; мог отослать на службу в дальнее ущелье, откуда чаще всего привозят гробы. Пристав подружился с пареньком и, когда стали искать оруженосца для полковника, князя Багратиона, пристав посоветовал взять молодого задиру: «Он там всем покажет, какие у нас джигиты». Только после гибели князя от ранения под Бородино уже немолодой Чхеидзе вернулся в Грузию. Перебесившись, он постригся в монахи. Через три года его нашли родственники князя. По их рекомендации Чхеидзе получил церковный сан приходского священника и приход в имеретинской деревне.

До этого маленькая часовенка возле кладбища, где отпе-

вали покойников и приносили жертвы в праздники, заменяла деревенскую церковь. На дюжину деревень в округе был один священник. К нему за благословеньями ходили за десятки километров. Новая церковь и новый священник ожили ранее незаметную деревеньку.

Так вот, эта кровать была вытесана из дуба простым крестьянским топором. Весила она весьма солидно. Переставлять её звали четырёх мужчин. На ней зачалось и народилось много жизней. Так уж повелось в семье Чхеидзе, что с женитьбой первенца спальня с этой кроватью переходила во владение наследовавшей четы. Так кровать не приняла ни одной смерти. Да и мало кто в ней болел. Чхеидзе – крепкие орешки. Такая традиция воспитала в этой прочной конструкции привычку к здоровью и молодости. Поэтому больные и слабые чувствовали дискомфорт, если их

клали на эту кровать. Кровать не терпела нарушения равновесия, искажения гармонии. Она безжалостно исправляла искажённый болезнью организм. Это насилие над телом, которое уже привыкло к приобретённому в результате болезни уродливому состоянию, причиняло больным столько страданий, что они либо сбегали с уютного ложа, либо окончательно выздоравливали. Сбегать-то сбегали, но не имели понятия, – почему неудобно?

Теперь на этой кровати лежала Лена, а в комнате благоухал устоявшийся многими десятилетиями запах. Это был

своеобразный запах трав, развешанных по стенам спальни, и восковых свечей, и ладана, которые горят и дымят перед домашним иконостасом. Иконостас устроен не в углу комнаты, как обычно принято в крестьянских хатах. Он, вытесанный из того же дуба, красовался прямо напротив кровати.

По углам, изголовьем к стенке, у которой стоял иконостас, были поставлены две кровати для Натали Арье и Наны – матери Льва. Женская спальня была украшена цветами. Всё это успел организовать Зурико в течение вчерашнего посещения дома.

На втором этаже была ещё одна спальня. В ней должны были размещаться мужчины.

Пока Леван занимался тем, что менял повязку на ноге Лёночки, Зурико с Мишей залезли в чулан. Как раз для этого вечера Зура спрятал там буханку хлеба, масло, сыр, мацони, палку колбасы. Затем ребята взяли фонарь и пошли на чурис тави*. Зура нашёл деревянную лопату, тохи и оршимо (полую тыкву на бамбуковом шесте). Он разгрёб тохой насыпь над врытым в землю кувшином. Намочил деревянную лопату. Этой лопатой вокруг горлышка кувшина вырезал круг в глине. Поднял эту глиняную пробку. Вытащил две полукруглые дощечки, прикрывавшие горлышко кувшина. Взял оршимо и опустил его в кувшин. Послышался звук льющегося в тыкву вина. Миша подал кувшин, и в него перелили вино из оршимо. После этого всё совершили в обратном порядке: закрыли дощечками горлышко врытого кувшина, замурова-

ли глиняной пробкой, засыпали землёй.

**Чурис тави – дословно: «голова кувшина» – место, где закопаны кувшины с вином.*

На обратном пути Зура нарвал зелень: лук, цицмат, праси,* укроп. Внизу на кухне Миша разжёл камин. Ната накрыла на стол. Леван понёс в спальню еду Име и Леночке. Помог Име, взвалившей на себя заботы о чужом ребёнке, подняться в спальню. Только после этого ребята сели ужинать.

На следующий день Зурико с Мишкой уехали домой. А место вчерашней «машины Штирлица» заняла белая «Волга» Гурама Гогитидзе. Это был однокурсник доктора Саши, которого тот попросил присмотреть за Леночкой. Соломон Арье хотел привезти доктора на своей «Ладе», но Гурам сказал, что на горной дороге доверяет только своей машине, и сам привёз чету Арье.

–

Ну, барышня, – окончив осмотр больной, снял очки доктор, – диагноз тебе поставлен верно, но на мой взгляд, стадия состояния завышена. И у Вас, дорогая госпожа Ната, тоже. Степень ваших болезней намного меньше. Тут или присутствует некоторый феномен, или в Москве страшные паникёры, или я старый осёл. Саша – врач от Бога. Я стар, но из ума ещё не выжил. Значит, присутствует некий феномен, который необходимо выявить.

–

Вот он, наш феномен, – сказала Има, указывая взглядом на Леванчика. – Это он всё сделал.

–

Да, – озадачено проговорил доктор, – и Саша то же самое сказал. Так что,

рассказывайте, молодой человек.

–

А что рассказывать?

–

Как Вы всё это понимаете?

–

Я говорил про то, что я думаю. Только мне никто не верит.

–

Верят. Верят! Ты говори, а мы, что поймём, а во что и поверим. А если и не поймём, и не поверим, то проверим.

А если проверить не сможем и поверить не захотим, – значит, тупые. Будем лечиться.

–

Где? – спросил развеселившийся Соломон, с гордостью поглядывая на своего сына.

–

А вот у него и будем лечиться.

**Цицмат – кирсалат, заячья капуста; праси – лук-чеснок – традиционная столовая зелень на грузинском столе.*

Все внимательно уставились на Левана. Пауза затянулась,

а он не мог собраться с мыслями.

—

Доктор, — обратился он к Гураму. — Это долгий и специальный разговор. А мама внизу уже накрыла на стол.

—

Он прав, — сказал врач. — Не зря ты — сын мудрого Соломона. А? — обратился он к Арье-старшему. — Что скажешь, мудрейший?

—

Радуюсь, — спокойно сказал Соломон Арье и пропустил гостя вперёд. — Если всё это правда, я уже не зря жизнь прожил.

Леван взял два кувшина и пошёл за вином. Зайдя в марани*, он поставил кувшины, и слова сами полились:

—

Господи! — обхватив голову руками, взмолился он. — Помоги завершить то, что начато нами! Дай силы им и мне! Помоги им не потерять веру. Спасибо Тебе! Аминь!

Он ещё немного постоял молча, поднялся, открыл квевери**, налил вина в кувшины и понёс их в дом.

Мужчины уже сидели за столом. Нана подала горячие мчади, сложила еду для Имы и Леночки, и Лев поднял корзину в спальню. Когда он вернулся, Нана вытащила из углей камина кеци*** и подала горячего цыпленка доктору. Леван открыл второе кеци, и Нана подала цыпленка мужу.

—

Всё, всё, – сказала она сыну. – Садись. Я тоже сейчас подсыду. – Она обложила кеци листьями винограда, смазала заготовленного цыплёнка, положила на одну сковородку, закрыла другой, зажала их и сунула кеци в угли камина. Потом она проделала то же самое со вторым цыплёнком и кеци, сполоснула руки и села за стол.

Леванчик налил ей вина.

–

Пока, дорогая хозяйюшка, ты хлопотала, мы тут уже выпили за нашу встречу. А теперь я бы хотел предложить тост за гостей этого дома. За Вас, дорогой Гурам, за теперь уже нашу Леночку. Этот дом знал многих гостей и был для них укрытием и храмом. Я к нему отношусь, как к самому

**Марани – место, где стоит ванна для выжимки вина из винограда.*

***Квеври – зарытый в землю кувшин для хранения вина.*

****Кеци – глиняные сковородки для жаренья в углях.*

достойному члену семьи Чхеидзе. И пока не переведутся добрые люди, приезжающие гостить в нём, он будет стоять и радовать всех, в него входящих. За достойных гостей этого достойного дома!

–

За гостей этого дома! В Вашем лице, дорогой Гурам,

–

поддержала Нана мужа.

–

Гагимарджот, батано*! – сказал Лев. Раздался звон бокалов. – Аминь! – повторившие тост выпили вино.

–

Да, вы правы, дорогой Соломон, – держа бокал, начал гость. – Этот дом действительно похож на сильного, доброго и мудрого старца. Он прост, просторен и уютен. Когда я вышел из машины, у меня появилось такое чувство покоя и защищённости, как будто кто-то сильный и добрый принял меня в свои объятия. Видно, у этого дома были прекрасные хозяева и достойные их гости. Спасибо Вам за благословение и прекрасное гостеприимство! – доктор поклонился и выпил вина.

–

Ну, что скажете, молодой человек? – обернулся доктор ко Льву.

–

А то, что Вы только что сказали, – уставившись на врача жёстким до неприличия взглядом, спросил мальчик,

–

это правдивые слова или просто Ваше желание сделать приятное хозяевам?

–

Всё, что я сказал, – насторожившись, начал отвечать гость, – я сказал от чистого сердца.

–

Я не о том, доктор. Я спрашиваю: Вы в самом деле почувствовали, что этот дом принял Вас в свои объятия?

—

Да! И, честно говоря, вначале даже опешил. Я давно не чувствовал себя таким спокойным.

—

В таком случае вы можете понять, что у всего в этом мире есть душа.

—

Я, — доктор был явно растерян, — никогда не думал об этом. Но если от дома веет добром и силой, значит, наверное, ... да! Похоже, что ты прав.

—

Но, вы ещё сказали, что он имеет эти свойства, потому что «видно, у этого дома были прекрасные хозяева и достойные их гости». То есть вы предположили, что этот дом так воспитан?

**Гагимарджот, батано — будьте с победой (груз.), пожелание здоровья, успехов.*

—

Н-н-наверное... Правда, раньше я бы сказал, что имел в виду поэтический образ.

—

А сейчас?

—

Да, .наверное, всё же – воспитан!

–

А вы можете себе представить воспитание без усвоения информации?

–

Н-е-е-т. Конечно, нет!

–

А теперь скажите: Вы сейчас способны усвоить информацию, состоящую из таких понятий, о которых Вам не приходилось задумываться? Если да, то задавайте вопросы. Если вам нужно время для того, чтобы немного обвыкнуться в новых представлениях, – продолжим, как только у Вас появится такое желание.

–

Хорошо. Я подумаю.

–

Тогда, разрешите младшему за этим столом сказать тост.

–

Ткви, швило, – опустив в тарелку глаза, чтоб не выдать свой восторг от того, как его сын провёл диалог с профессором, сказал Соломон.

–

Спасибо! – Лев встал и поднял бокал. – Батоно Гурам! Папа, мама! Я вот смотрю на вас и вижу очень красивых людей. Это сколько же поколений красивых людей должны бы-

ли пройти свой жизненный путь, чтобы вы были такими! Я предлагаю выпить за наших предков. Если эти люди смогли воспитать даже дом, – они великие люди. За ваших предков! За Вас, батоно Гурам! И за вас, мои дорогие родители! За мою Иму, которая сейчас сидит с Леночкой. Аминь! – Леван, стоя, выпил бокал вина, сел и стал разделывать цыплёнка, который за это время успел пожариться.

Нана и Соломон подняли бокалы. Гурам понял их душевное состояние, тоже поднял бокал и начал новый тост:

–

Я так думаю, что наши предки, там, где они есть, сегодня радуются. Потому что мы их не забываем, и поколение, которое идёт за нами, тоже их не забывает. А ещё они радуются тому, что их потомки не теряют тех прекрасных черт, которые они старались нам передать. Спасибо им! – Профессор выпил вина, сел и обратился к Левану: – Спасибо тебе!

Нана и Соломон переглянулись, вместе сказали:

–

Аминь, – выпили вино, и за столом наступила пауза. Все ели цыплят.

Перед сном Соломон с Гурамом сидели под старым ореховым деревом и наслаждались звенящей чистотой воздуха. Чтобы не опьянеть окончательно от такой благодати, мужчины курили, с особым удовольствием втягивая ароматный дым со свежим воздухом. Не желая мешать старшим уравни-

вешивать горный и городской воздух, Леванчик лёг на траву с другой стороны дерева, и дыхание его не было слышно.

—
Твой сын где учится? – спросил Соломона Гурам.

—
На археологическом.

—
Но ведь уже начало сессии?

—
Да

·
—
Так ему надо в город.

—
Да.

—
Леван!

—
Да, господин Гурам.

—
Ты поедешь с нами?

—
Нет.

—
А как же сессия?

—

Я бросаю университет.

—

Как? – встрепенулся Соломон. – Ты ведь мечтал о раскопках древних монастырей?

—

Я думал, что найду там ответы древних мудрецов на свои вопросы. А сейчас я уверен, что никакой особой древней мудрости нет, не было и не могло быть.

—

Почему?

—

Потому что никогда не существовало древнего человека. Всё время был человек. Он жил в разных условиях. Условия менялись, а человек – нет. Древний, современный – человек не меняется. Поэтому нужно не искать тайны древних мудрецов, а изучать саму древнюю мудрость. Я хочу поступить на философский факультет.

—

Сдай сессию и переходи на философский. Тебя ведь в армию возьмут, если отчислят.

—

Не возьмут.

—

Интересно! А кто помешает?

—

Не знаю, но мне кажется, что скоро Советской армии не

будет. Но совет ваш ... Наверное, Вы правы.

Гурам набрал воздух в лёгкие, собравшись возмутиться такому мальчишеству, но Соломон жестом остановил его: что, мол, взять с ребёнка.

Ночная прохлада погнала мужчин в спальню.

ОСОЗНАНИЕ ЧУДА

Через два часа после того, как первые лучи солнца коснулись соседних гор, Леван вернулся домой. Он принёс несколько мешочков трав, собранных в лесистом ущелье. Разложил их, связал в пучки и развесил на балконе. Принёс дров и воды из родника, который бил у нижней окраины села возле дороги. Сел на деревянную тахту лицом к стене, подбрав ноги в позе лотоса, и замер.

Прошло не более получаса. Леван встал, сделал несколько наклонов и приседаний. Разжёг кухонный камин, поставил чайник на огонь. Ната проснулась и спустилась вниз. Было ещё холодно, и Леван быстренько усадил её в кресло возле камина.

—

Ты чего так рано встал?

—

В лес ходил. Нужно было несколько травяных сборов сделать на рассвете.

—

Так ты что, не ложишься?

—

Почему? Вчера я заснул в десятом часу. Шесть часов сна вполне достаточно для меня.

—

В твоём возрасте надо спать по двенадцать.

—

В деревне никто столько не сможет спать. Вот вернёмся в город, — будем дрыхнуть, как мишки в берлоге.

Леван вытащил на стол еду, посуду и пригласил Иму к столу.

—

Мне надо умыться, — сказала крёстная и пошла к умывальнику. Лев подлил воду в умывальник. Пока она умывалась, заварил чай, нарезал сыр, сполоснул зелень.

—

Девушка-красавица! — позвал он Иму. — Хватит прихорашиваться! Я тебя и так люблю! А если ты не придёшь быстро, то я помру с голода, и тебя будут судить.

—

Я уже в таком возрасте, что меня может судить только Господь, — отозвалась Има на шуточный призыв своего внука. — А у меня перед ним столько грехов, что я уже ничего не боюсь.

—

Значит, ты способна заморить меня голодом?!

—

Шутить изволите, молодой человек! Ты лучше расскажи, зачем тебе травы?

—

Нужна мазь, которая должна заставить опухоль разложиться. Если мне удастся это сделать, то дело будет только во времени разложения. Вчера, когда сообщили, что ана

лизы подтвердили остановку процесса, я решил начинать ликвидацию очага. — Лев поднял глаза и чуть не поперхнулся: она с застывшим в руке куском хлеба и разинутым ртом слушала его. — Отомри, Имуля! Ешь! Я всё сказал.

Натали положила хлеб на стол, закрыла рот, опустила вылезшие было из орбит на лоб глаза и очень серьёзным тоном заявила:

—

Ты достиг того, на что врачи не могли даже надеяться. Ты добился остановки процесса. Практически спас и Леночку, и меня. Зачем теперь так дразнить судьбу? Ты чего хочешь добиться? Полного исцеления?

—

А почему бы и нет?

—

Леванчик, мой милый мальчик. Зачем ты хочешь перегнуть палку везения? Ты соображаешь, с кем споришь?

—

Има, — серьёзным тоном заговорил Лев. — Я тебе расскажу

всё. Мне нужна твоя помощь, поскольку кроме тебя этого никто не поймёт. Помнишь, я тебе рассказывал, что слышал голос.

—

Ещё в больнице?

—

Да. Так вот. Он назвался Василием. Теперь у меня с ним постоянная связь. Стоит мне только позвать: Василь!

—

как он уже меня слышит и отвечает на любые вопросы. Этот набор трав мы с ним собрали вместе. Когда Леночка проснётся, я их проверю на ней. Потом сделаю мазь.

—

Вай мэ, швило, Леванчик, детка! Ты в своём уме? Ты хочешь сказать, что отчётливо слышишь голос? Что ты сам с собой общаешься?

—

Эй! Имуля, ты что? Думаешь, что я свихнулся? А ну, посмотри мне в глаза! Я похож на шизика? — Да, я общаюсь. Но не сам с собой, а с Василём.

—

Хорошо, — приняв примирительный тон, сказала Ната.

—

Я, действительно, могу поклясться, что ты в здравом уме и твёрдой памяти. Тогда скажи... Нет, расскажи, как происходит ваш диалог?

–

Ты хочешь спросить: вы общаетесь словами, фразами, мыслями или как?

–

Да!

–

Когда я начинаю думать. Вернее, когда появляется мысль, которая мне нравится, но вызывает сомнения, я зову его. Дальше я продолжаю думать, но в процессе решения задачи уже присутствует он.

–

Конкретней! Что значит – «он присутствует»?

–

Понимаешь, во время моих размышлений появляются различные образы, которые влияют на ход решаемой задачи. Это могут быть образы сомнений, подтверждений, новых идей, прямые подсказки. Вот вчера, когда я лёг спать, уже на грани сна, я понял, что ночью перед рассветом надо пойти в лес, набрать трав. Утром я точно знал, какие травы и где мне собирать. А теперь я знаю, как их протестировать на больном организме. Хочешь узнать, как я получил эти знания? Хорошо. Вот последнее – про тестирование. Я задал себе вопрос: а кто знает, не повредит ли препарат данному организму, даже если он помог другому. А дальше пришло понимание того, что проверить можно несколькими способами: сравнить

ауры, провести энергетический диагноз. – Ната свела брови в немом вопросе. Лев пояснил: – Ну, помнишь, как я спросил тебя про три порошка, которые стояли у тебя на тумбочке? Они были одинаковые, и ты хотела их выбросить, потому что один из них был ядом. – Ната кивнула. – Помнишь, как я проверил?

–

Да. Ты клал банки на живот. От одной из них тебе стало плохо. Ты умеешь чувствовать действие химического состава на свой организм. А как ты проверишь это действие на другом организме?

–

Вот! Как только во мне созрел этот вопрос, пришёл и ответ: я создам образ травы в руке, потом проведу ею по всем областям организма этого человека, – и когда возникнут неприятные ощущения, буду знать, что в этом органе эта трава только поспособствует появлению болезни.

–

Не поняла. Ведь ни я, ни Леночка не умеем чувствовать этой твоей энергетики. Как у нас могут возникнуть неприятные ощущения?

–

Да не у вас! – Леванчик заулыбался, и в душе старой дамы взошло солнышко. – Эти ощущения возникнут у меня. Я почувствую, что эта трава данному органу может причинить вред.

–

Как?

–

А вот так.

Лев взял кусок мчади, зажал его между ладонями, подержал и положил назад. Затем подошёл к Нате и начал водить рукой вдоль тела.

–

Хорошо! Хорошо! – говорил он, переходя от одной

области тела к другой. Вдруг он поднял глаза и остановил ладонь. – Има, что у тебя здесь?

–

Кажется, поджелудочная железа.

–

Вот эта твоя поджелудочная железа не любит мчади.

–

А что она любит?

–

Давай проверим сыр, – он подержал кусок сыра в ладонях и провёл рукой в районе поджелудочной железы. – Сыр она любит.

–

А хлеб? – Ната стала проявлять признаки азарта.

–

Пробуем тест на хлеб. На хлеб нет реакции. Можешь есть.

Давай попробуем мацони. – Он капнул мацони на ладонь, растёр эту каплю и сделал пассы в районе живота своей Имы. – Прекрасно! Твоя пищеварительная система требует мацони. – Он провёл рукой в районе шеи, гортани и рта. – Имуля! А у тебя кисло во рту. Неприятно?

–

Да. Ты прав, – в глазах старой женщины запрыгали огоньки. Лицо разгладилось. Она всеми клетками своего организма излучала радость любви. Воистину, Господь наградил её.

–

Има, сейчас под тобой стул запрыгает. А мне придётся тебя каплями отпаивать. Так нельзя. То ты ничему не веришь, а то ... За что я тебя очень люблю! – он встал на колени возле её стула и обнял свою Имулю.

АУРА

Три дня Мишка неотступно кружил вокруг Зурико. То встретит его во дворе, то подкатит на своём чёрном раритете в тёмном переулке и нечаянно напугает соседа, то неожиданно подсядет к столику в кафе. Вначале Зура, как и обычно, радовался их встречам. На третий день Мишка оказался в очереди за билетом в кинотеатр возле самой кассы, откуда окликнул Зураба, стоявшего в хвосте той же очереди:

–

Атос! Сколько взять?

Тот показал ему два пальца, взял под руку свою спутницу и вышел из очереди.

Мишка принёс билеты. До начала сеанса оставалось больше часа. Убить время решили в кафе. Заняли столик, и ребята отошли за мороженым к бару.

—

Михо, — обратился Зура к другу, — скажи честно, чего ты хочешь?

Мишка потупил взор, как дитя, застигнутое за запретным занятием:

—

Поехали в деревню, — выдал из себя огромных размеров ребёнок.

Мушкетёр еле сдержался, чтобы не расхохотаться.

—

Зачем?

—

Там ... может ... нужно помочь ... Левану.

—

Езжай.

—

Как!.. А что я скажу? Зачем приехал?

—

Так и скажешь: может, нужно помочь?

—

А если не поверят?

—

Если не поверят, значит, поймут, что ты обманываешь.

—

Я ... — Мишка то ли замялся, то ли возмутился. — Я не обманываю!

—

Не лжёшь. Но не всё говоришь.

—

Зура, что делать? — он обхватил шею друга и вжался своим горячим лбом в его прохладный. Они смотрели друг на друга «зрачок в зрачок».

—

Езжай, — благородного мушкетёра поразила сила чувств богатыря. — Там разберётесь со Львом. Только не обижайте друг друга, — он высвободил шею и посмотрел на Мишку в упор. — Я вам этого не прощу.

—

Я лучше голову себе откушу. Если бы Леван смог со мной поговорить, я бы очень постарался его понять.

—

Вот это ему и скажи: приехал учиться. А?

—

Это правда.

—

Тогда езжай.

—

Атос! — слёзы готовы были брызнуть из огромных едко-го-

лубых глаз. – Шени чирі мэ! Спасибо! Я ... можешь быть спокоен. Ты меня знаешь. Я не ем дерьма.

–

Не нравится – не кушай. Ты мой золотой! Чего мучаешься? Смешно на тебя смотреть. Такой большой и такой нерешительный. Поедешь, повезёшь тонометр для измерения давления и всё, что закажет Лев. Я ему после кино позвоню.

Два луча света лихорадочно рыскали по скалам и ущельям, часто и резко меняя направления. Они то выхватывали кроны деревьев, то освещали лысины скал, то погружались в бездны ущелий, где рассеивались, не достигая дна.

Миша вёл свой BMW по горным ночным дорогам с уверенностью лихого джигита. Он ехал туда, куда стремилась

его благородная, полная романтических надежд душа. На рассвете машина выехала на вершину, с которой открывался вид на соседнюю гору. Мишкина душа запела, когда он увидел на той горе церковь. Мотор заурчал, и машина весело зашуршала шинами по крутому склону горы. Внизу, в долине, мотор глубоко вздохнул и с мощным рёвом, на одном дыхании довёз водителя до калитки.

Заглох мотор. На такой высоте утренний воздух звенит чистотой. Михаил вышел и тихонько, понимая, что в утренней деревенской тишине звуки разносятся далеко, прикрыл дверцу машины. Калитка даже не скрипнула. Дверь на кух-

ню была открыта и, к своей радости, он увидел тётю Нату и Льва.

–
Гамарджобат! – поздоровался приезжий.

–
О! Михо! – обрадовался Лев. – Каким чудом ты здесь? Ты что, всю ночь за рулём?

–
Я выехал после полуночи. Как поживаете, калбатано Ната?

–
Вашими молитвами, дети мои. Вашими молитвами, – она притянула огромного мальчишку за протянутую ей руку к своей груди и поцеловала в самую макушку. – Гаихаре, сакварело*.

–
Ты за четыре, – Лев посмотрел на стоящие над камином часы, – почти за пять часов доехал?

–
Да.

–
Лихач. Здесь же одно бездорожье, сплошные серпантины.

–
Нам, горным козлам, не привыкать. Это наши горы.

–
Джигит! Садись, будем завтракать.

–
Можно, я машину во двор заведу?

–
Пошли. Я подержу ворота.

Как только был снят ручной тормоз, машина сама скатилась во двор. Лев взял рюкзак с привезёнными медикаментами. Мишка вытащил с заднего сиденья большой свёрток одежды и белья, который приготовила Нана.

Когда мальчики вернулись, Ната допивала чай.

–
Я поднимусь, подремлю немного. Когда Леночка проснётся, мы позовём вас.

–
Мне неудобно, что Зура так тебя обязал, – сказал Лев, когда Ната вышла из кухни.

**Гаухаре, сакварело – радуйся, любимый (груз.)*

–
Нет, Леван. Это я напросился. Как здоровье Леночки?

–
Лучше. Доктор был и дал заключение, что процесс остановлен. Теперь будем убивать опухоль.

–
Дорогой Леван, – Михаил сидел, положив руки на стол, втянув голову в плечи, и исподлобья смотрел на Льва. – Ты делаешь удивительное дело. Я до сих пор не могу поверить,

что такое происходит у меня на глазах. Для меня – это чудо. – Он помолчал, а Лев решил дать ему высказаться. – Если ты мне позволишь остаться, я не буду мешать. Мне хочется хоть что-нибудь понять и помочь, в чём смогу.

–

Михо, джан. Ты не сможешь помешать. А помочь... Ну, кто откажется от помощи? Спасибо тебе! На все твои вопросы я отвечу с удовольствием. Но проблема в том, сможешь ли ты мне поверить.

–

Я постараюсь.

–

Хорошо. Тогда поешь. Мы с Имой уже позавтракали. Мишка выпрямился, облегчённо вздохнул и с аппетитом начал уплетать завтрак. У людей с такой комплекцией дефицита аппетита обычно не бывает.

–

Мишенька! – воскликнула Леночка, когда в комнату вошёл большой сконфуженный молодой человек. – Я уже лучше себя чувствую. Мы с Леваном много говорили о тебе и о Зурико.

–

Да? Спасибо! Я тоже много думал и о тебе, и о Леване. Вот. Не мог терпеть больше. Хотел вас увидеть. – Вдруг он осёкся. – Подожди.

Миша выскочил из комнаты. Через несколько секунд вер-

нулся.

–

Это тебе, – смущённо улыбаясь, Михаил протянул большой букет черемухи.

–

Ну что, здоровые и весёлые, – прервал их любезности Лев. – Доброе утро?

–

Да, – с готовностью откликнулась Леночка, – утро доброе и прекрасное. Сегодня самое лучшее утро. Жизнь прекрасна. К нам приехал друг. Цветы необыкновенные. Воздух чистый, серебристый. Наша Има здоровая и весёлая. Лёвушка хороший, умный и добрый. Я самая сильная, самая здоровая, самая весёлая. Мне хорошо! Моя нога выздоравливает. Я могу ходить и встану, когда мне разрешит Лёва. Я очень хочу вкусно поесть. – Она светилась улыб

кой. – Спасибо Тебе, Создатель! Спасибо вам всем! Спасибо этому дому! Спасибо этому утру.

–

Что ж, – ехидно улыбнулся Лев и жёстким, категоричным тоном продолжил, – вставай. Нечего валяться, раз уж можешь ходить. Умывайся, прихорашивайся и выходи на балкон. Ты нас очень обрадуешь. Мы с Мишей сейчас организуем завтрак на балконе. Пошли, – поманил он раннего гостя.

Лев повернулся к двери, увидел растерянный взгляд На-

тали, подмигнул ей и вышел из комнаты. Мишка побежал за ним.

–

Она, правда, сможет встать? – спускаясь по лестнице, шёпотом спросил Миша.

–

Михо-джан, ты не представляешь, как вовремя приехал! Я уже вчера хотел её поднять. Просто чувствовал, что надо, чтобы у неё был стимул встать. Теперь я использую твой приезд для того, чтобы она сама встала. Вставая, она будет думать, что доставит тебе радость, и забудет о своих страхах.

–

А как она красиво говорила о том, что утро доброе, и всё хорошо!

–

Это формула здоровья. Мы с ней договорились, что она всегда будет просыпаться только с такими мыслями и словами. Я тебя тоже научу этим формулам, и ты должен будешь при ней, даже когда тебе плохо, говорить только так. Это основа лечения.

Они подняли на балкон и поставили напротив дверей спальни стол, стулья. Два кресла разместили в углу балкона. Лев готовил: резал хлеб, сыр, овощи; разливал молоко, сметану, мацони; чистил и мыл зелень, заваривал чай. Миша принёс скатерть, тарелки, стаканы, чайники. Когда стол был накрыт, ребята уселись в кресла и стали ждать.

—

Ну, женщины! Что вы там копаетесь! — стал подзадоривать Леван.

—

Вас здесь двое красивых и молодых мужчин ждут, — подхватил Миша.

—

Чай стынет.

—

Хлеб черствеет.

—

Птицы еду склевали.

В комнате Ната включила магнитофон, зазвучало «Мра-

вал жамиер»* акапельно, в исполнении семи мужских голосов. Миша и Леван встали возле стола.

Обе высокие створки дверей распахнулись. В обрамлении дверных наличников, как в картинной рамке, стояли две живые фигуры: невинного радостного ангела и счастливой матери всего живого. Эти фигуры олицетворяли красоту, счастье и мудрость самой жизни. Вот и получилось так, что стояли друг против друга мужская добротворная сила и женская жизнотворная краса. А между ними с накрытого стола всеми цветами, формами и запахами предлагали себя дары природы. Все ощутили застывшее мгновение очарования, словно вместившее в себя бесконечность времён. Мгновение... И

вот фигуры задвигались и расселись за столом.

Пока Миша ухаживал за Леночкой, делая вкусный бутерброд, разливал всем чай, растерянная и радостная Натали Арье говорила:

–

Я сейчас впервые увидела ауру. Вы с Мишей стояли в ярко-фиолетовом свечении. Оно было вокруг вас. Вы были, как в фиолетовом коконе.

–

А сейчас? – спросил Лев.

–

Уже нет. Я испугалась, и в то же мгновение всё закончилось.

–

Ну, я ведь говорил тебе, что страх мешает людям видеть ауру.

–

Это аура?! – воскликнул Миша, перестав манипулировать своими здоровенными ручищами. – Я и сейчас вижу вокруг Леночки такое, э-э-э, стального цвета.

–

Вот это здорово! – воскликнул Лев. – Михо! Молодец! Значит, не зря ты здесь появился. Нам с тобой будет очень интересно.

–

Вчера вечером я видела у нашего котёнка, – начала неуве-

ренно Леночка, – когда он лежал на моей ноге, такое розовое сияние за спинкой.

–

Вот, – спокойно сказал Лев, – постепенно, здесь соберутся люди, которые не только стараются понять, что природа намного красочней и объёмней, чем мы думаем, но и смогут это видеть, чувствовать и правильно себя вести, чтобы не вредить ни ей, ни себе.

**«Мравал жамиэр» – «Долгие лета»(груз.).*

Леночка закончила завтрак. Чай был выпит, и Натали решила, что больной на первый раз хватит сидеть.

–

У неё, – сказала старая женщина, – может появиться отёк ног.

–

Правильно, – Лев обратился к девочке: – Ты хочешь в кровать?

–

Нет. Если можно, я здесь как-нибудь ...

–

Хорошо. Мы сейчас организуем тахту. Вот здесь, на балконе.

Через пять минут Леночка лежала на балконе, а её котёнок ходил по перилам возле неё.

АРУТЮНОВЫ

В семье Арутюновых сохранилось поверье, что отец Мишиной матери, Генриетты Грантовны, происходил из старинного французского рода Гаргантюа. Если судить по физическим данным мадам Генриетты, то это поверье могло иметь под собой реальную почву. Она отличалась отменным здоровьем, ростом была выше метра восьмидесяти сантиметров, крупнокостная, с крупными чертами румяного лица и постоянно отменным аппетитом. Если обычно, приболев, человек не хочет есть, то Генриетта Грантовна, напротив, хворая, ела постоянно. Лекарства ей не были нужны. Своим жизнелюбием она гнала от себя болезни с такой неистовой силой, что ни одна зараза дольше пары суток не задерживалась в её организме. Своих детей эта досточтимая дама кормила грудью до двух лет.

В старом Тбилиси до начала индустриализации пролетариата не было. Мелкие ремесленники и торговцы с успехом справлялись с экономическим обеспечением столицы Закавказья. Звались представители разных артелей “кинто” и “карачогели”. Это были коренные горожане. Они производили товар и торговали им. Они покупали, продавали, ели, пили, пели, радовались жизни, рожали и растили детей. Их любил и проводил с ними время огромной души художник Нико Пиросмани, писавший для них свои картины. Сами посудите, какой князь повесит у себя в хоромах картину художника-самоучки! А друзья, которых он изображал в их чёрных длинных сюртуках за работой или застольем, всегда радова-

лись узнаваемым лицам и сценам на его рисунках.

Вот из этой среды независимых и весёлых людей, живших плодами своего труда, и были предки нашего Михаила Артюнова. Он унаследовал все их лучшие качества радости и любви к жизни и труду. Мишка был смел, силён и наивен, как дитя. Поэтому всё, что вызывало у него доверие, не подвергалось никаким сомнениям и принималось его огромной душой с радостью и любовью.

Леван, почувствовав безграничное доверие Миши, с готовностью отвечал на все его вопросы и радовался, видя, как из грубого и беспечного этот великан превращается во вдумчивого, спокойного и целеустремлённого владыку своего мира. На первых же занятиях он научился образному восприятию процесса дыхания, ощущению продвижения энергии по телу. Михаил легко и спокойно погружался в транс в любой ситуации. Теперь он даже мог вести за собой не только Леночку, смотревшую на него доверчивым и наивным взором, но и волевою, закалённую в научных и дипломатических баталиях Натали.

Уже через месяц ранее несовместимые души Льва и Михаила приобрели общность. Здесь, в деревне, Леван нашёл нужную ему литературу, покопавшись на книжных полках церкви. Мишка с величайшим рвением тоже накинулся было на эти книги, но чтение быстро утомило его. Зато каждую свободную минуту он уделял своей машине – разбирал и со-

бирал, чистил и смазывал. Довёл до такого состояния, что теперь старый мотор работал почти бесшумно.

Одной из книг, которую Леванчик отыскал, был свод правил составления лечебных настоев, отпечатанный в типографии тбилисской православной церкви ещё в начале девятнадцатого века. Правило гомеопатии, что «подобное лечится подобным», было не ново для Льва. А вот методика активации раствора восхитила его своей простотой. С момента, как он прочёл об активации, бедный Миша вынужден был целыми днями ходить с флаконом раствора в руках, постоянно взбалтывая его. Активированные растворы и в самом деле оказались намного эффективнее. Мишка научился методам диагностики полезности продуктов, составлению растворов. А Леванчик, заразившись от друга интересом к машине, попробовал порулить и вскоре стал свободно чувствовать себя на месте водителя.

-

Скажи, пожалуйста, дорогой! – обратилась Рита к мужу, как только он встал из-за письменного стола и присел рядом с ней в кресло. – Зачем Адамбеку нужно было помогать Мартину Лютеру?

-

Что? – вопрос прозвучал неожиданно. Деми напрягся, а лицо выразило растерянность на грани испуга.

-

Ты мне рассказывал, что идею пересмотреть устои папской церкви Лютеру подсказал сам Мефистофель.

—
А-а-а? – начал соображать Деми. – Да, так он сказал.

—
Так вот. Зачем ему это было надо?

—
Я вот тоже думаю. Тут, куда ни ткни, одни парадоксы и противоречия. – Видимо, Рита точно попала в сферу мыслей Деми, потому что он совершенно естественно, как бы продолжая свой внутренний монолог, включился в обсуждение заданной ею темы.

—
По Адамбеку получается, что для владения силами природы не надо знаний, достаточно духовного общения. Всё просто: полил дождь – молись, восхваляя Бога Дождей; грянул гром – моли о пощаде Громовержца. Всё подвластно: хочешь дождя – входи в транс и вызывай дождь. Нечего увязывать гром, молнию и дождь в одну причинно-следственную цепочку событий. Тут бы Сатане и править бал!.. Ан, нет... Вдруг появляется Единое Начало, и, как следствие, безграничное поле сомнений и идей о всеобщей взаимосвязи явлений и событий. Появилась наука – источник сомнений. Вера – благо! Сомнения

—
ересь. Еретиков – на колы, кресты, костры. Снова Сата-

на правит бал! И вдруг этот душегуб делает широкий жест – дарит доктору теологии идею сомнения в правомочности индульгенций самого Папы Римского. И всё. Костры тухнут. Бал закончен. Зачем?

–

Помнишь, как начинался твой рассказ о жизни мастера «в своём вечном доме»? – Рита закрыла глаза и наизусть процитировала этот отрывок: «Если душа вынуждена была покинуть тело, которому нанесли «травму, не совместимую с жизнью», то она скучает по своему телу целых девять дней в надежде вернуться. Она возвращается

к месту жизни тела ещё в течение сорока дней. Ей хочется посещать родных и близких в годовщины...»

–

Ну? Так что из этого?

–

Если эта твоя догадка верна, то получается, что души убиенных стремятся вновь обрести именно земную жизнь. Следовательно, массовое истребление автоматически гарантирует возврат людских душ на Землю. Но тогда не могу понять другое: зачем Мефистофелю нужно было покупать душу Фауста? Ведь если бы Фауста сожгли, то он, как и все остальные грешники и еретики, оказался бы во владении Дьявола.

–

Вовсе нет. Фауст творческая личность. Он постиг законы Творца, и сам творит в соответствии с ними, не нарушая их. Фауст еретик для церкви, но не для Бога. Ведь творящий по законам гармонии – свят. Поэтому и взяли ангелы душу Фауста на Небо, а не оставили для преисподней. Мефистофель знал, что душа Фауста ему неподвластна. Этот Сатир решил обмануть Всевышнего, купив душу у самого владельца этой самой души, прикинувшись «заблудшей овечкой», которая нечаянно забыла, что душа принадлежит самому Творцу.

–

Так что? Души сожжённых, если они были творческими личностями, перестали возвращаться на Землю?

–

Да! И новое воплощение стали получать только души, далёкие от постижения законов гармонии. Так начало деградировать человечество! – Деми даже подпрыгнул в кресле от такого результата их беседы, неожиданно возникшего в ходе логических умозаключений.

–

А это, как следует из слов самого Адамбека, первейший признак начала исхода очередной цивилизации! – завершила мысль Рита.

–

Вот, вот, вот! Этот чёртов дьявол понял, что лишается творческой элиты, и решил прекратить мракобесие, – он

произнёс эту последнюю фразу с такой страстью, что Рита прыснула со смеху. Деми удивлённо посмотрел на неё, потом перевёл взгляд на свои, застывшие в последнем жесте, растопыренные руки и неловко улыбнулся.

«ЖИТЬ БЫ В СКАЗКЕ, ДА СТРАХ НЕ ПУСКАЕТ»

–

Блим-блям! – воскликнул дверной звонок.

Роза, стремглав, бросилась в коридор.

–

Привет! – поздоровалась с соседкой Ольга, накидывая на шею Розы связку сушёных грибов.

–

Давно приехала? – Роза пропустила гостью и захлопнула дверь. – Это с Украины? Взятка?

–

Нет! Это подарок отца моего респондента. Я ему понравилась, и он одарил меня на дорогу пятью такими ожерельями.

–

А твой этот, респондент, он что, ребёнок?

–

Нет! Он молодой, очень красивый, сильный и страшно талантливый мужчина.

–

Да?! Ну, рассказывай!

–

Вот я и пришла к тебе. Мне очень надо всё это рассказать, а не то я, как говорят на Украине, с глузду съяду!

—
Явно что-то вроде «с ума сойдёшь»?

—
Именно.

—
Давай, рассказывай. Вот они, уши. Свободные.

И Ольга в течение двух часов рассказывала Розе о Василе. Показала фотографии и дала прослушать записи. Она рассказала и о пне, который, как ей показалось, по воле Василя то появляется, то исчезает. Единственное, чего не рассказала Оля соседке, так это о том ощущении, которое она испытала, прощаясь с Василём.

—
Ну, и что ты обо всём этом думаешь? — закончив рассказ, спросила подругу Ольга.

—
Я думаю, что ты встретила со сказкой, — Роза угощала соседку свежим бисквитом, хорошо заваренным чаем «со слониками» и лимоном. — Если бы не твои записи и фотографии, я решила бы, что тебя здорово охмурили.

—
Вот и мне кажется, что меня охмурили. А ведь я сама во всём этом участвовала. Как мне себя вести завтра в редакции, — ума не приложу. Если расскажу всё так, как было, уво-

лят за профнепригодность. Если напишу фельетон в расчёте на дураков, – так не за этим меня туда посылали, а, значит, я не справилась с заданием.

–

А какое у тебя было задание?

–

Ознакомиться с фактами и дать принципиальную оценку мракобесию, вредным измышлениям и слухам.

–

Измышления есть?

–

Как видишь, – всё правда. Какие там вредные слухи, измышления?

–

Но, он же сам говорил, что никакого воскрешения ребёнка не было.

–

Тут, как на это посмотреть. Ребёнок не дышал, и пульс у него не прощупывался.

–

Он ведь тебе объяснил, что это не была смерть. Что возможно такое состояние организма ...

–

Ты хочешь сказать, что я могу написать статью, в которой расскажу о том, что меня встретили шулеры и обманщики,

ловкий гипнотизёр и враг советской власти?!

—

Чего это ты завелась? Я предлагаю написать, что любая новость может выглядеть, как сенсация. А если проверить научную объективность этой новости, то окажется, что сенсации нет.

—

Как это – нет? Сам Василий – сенсация.

—

Оп-ля! Я, кажется, сообразила. Ты, милая, неровно дышишь к этому Василию, поэтому не можешь отделить мух от каши. Твой Василь уникален. Здесь нет проблемы. Это твоё открытие. Но к воскрешению он не имеет никакого отношения. Ведь он сам считает, что не было воскрешения, и очень честно поясняет заблуждение, в которое впали люди, не понимающие сути происшедшего. Честь ему за эту правду и хвала. Ну, разобралась?

—

А ты, ведь,.. кажется,.. права, – задумалась Ольга.

—

Я, наверное, действительно перепутала. Надо подумать, и не поддаваться чарам этого деревенского знахаря.

—

Она посмотрела на Розу озабоченным взглядом, но, встретив ехидную ухмылку, застывшую на щеках соседки, заулыбалась: – Вот, видишь, значит, я правильно сделала,

что пришла к тебе. А мне всё время говорят: «Это ребёнок, какая из неё жена, какая, к чёрту, подруга!?» А ты умничка! Я накатаю и принесу тебе почитать. Лады?

—

Кто же откажется от такой чести?!

—

Заслужила. Пойду, попишу. Пока свежи все эти ощущения и впечатления, — она собрала свои снимки, диктофон, взяла у Розы кулёк с печёньем, который та приготовила для гостыи. — Спасибо, пока! — поцеловала подружку и захлопнула за собой дверь.

Поднявшись этажом выше, Ольга зашла в свою квартиру, быстро прошла в комнату, села за стол, заправила

в пишущую машинку лист бумаги и стала соображать своими мозгами. Это получалось туго. Фразы были корявыми, скучными и пустыми. Корзина под столом наполнялась смятой макулатурой.

—

Насильно мил не будешь! — пронеслось у неё в голове. — Расслабься, забудь, потом напишется само.

Ольга откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

—

Да. Наверное, верное, скверное, откровенное. Порченное, прочное, порочное, поточное. Схваченное, сточное, точёное, строчное. — Она открыла глаза, тупо уставилась на пустой

лист в машинке, сказала: Приехала ... – встала и пошла на кухню.

Ольга заправила кофеварку, сделала бутерброд и вернулась к машинке:

«Не всегда новости приходят в редакцию в виде сообщений на ленте ТАСС*. Известие, что в Запорожской деревне крестьянин воскресил умершего ребёнка, появилось в виде слуха. Слухи, как правило, игнорируются современниками. Только творческой интуиции талантливых журналистов обязана я встрече с очень интересным, одарённым особенными способностями Василием Степановичем Славенко».

Дальше она с предельной честностью, сухо, не употребляя эпитетов, не оценивая, не высказывая авторского мнения, изложила события своей командировки.

Через час Оля написала: «Я уехала с чувством, что наш прекрасный мир намного интереснее, чем мы привыкли его ощущать. Я побывала на пороге сказки. А сказочник меня уверял, что это и есть мир, в котором мы живём. Нам просто нужно раскрыть глаза, успокоить свои страхи, и сказка сама войдёт в нашу жизнь».

–

Откуда что берётся? – думала журналист, глядя на три страницы текста, который, как ей сейчас уже казалось, сам покрыл бумагу. Она перечла написанное и не смогла внести ни одного исправления. Её охватило чувство свободы, лёгкости и огромного удовлетворения. – Спасибо тебе, Васень-

ка! – громкое восклицание вырвалось из самой души девушки. – И нас, рутинных служителей фактов, может посетить вдохновенье! Ай да Ольга! Это надо отметить!

**ТАСС – Телеграфное Агентство Сов. Союза.*

–

Блим-блям! – вновь воскликнул дверной звонок в квартире Розы.

На пороге стояла Ольга с бутылкой «Хванчкары» и коробкой конфет.

–

Пьём!

–

Это с какой радости? – спросил Вадим, глядя на растрёпанную соседку с бутылкой в руке.

–

Вадя? Ты поймёшь! – жестом уже поддатого алкаша гостя отодвинула застрявшего в дверях хозяина дома.

На кухне хлопотала Роза.

–

Вот! – Ольга положила на стол статью. – Твоими молитвами! Прочтёшь?

–

Сейчас. Только сварганю ужин. Садись.

–

Так с какого перепуга ты с бутылкой? – Вадим подсел к

столу и потянулся к лежащим на нём бумагам. – Можно?

–

Пли-и-и-с! – широким жестом подтвердила разрешение гостя.

–

Ч-и-и-и-с! – ответил хозяин дома сквозь сжатые зубы и начал читать. – Что, в период гласности газета собирает сплетни? – прочитав первый абзац, прокомментировал он.

–

Читай дальше! – скомандовала Ольга и принялась откупоривать бутылку.

Когда Роза завершила стряпню и под села к столу, Вадим закончил читать статью:

–

Он экстрасенс, гипнотизёр, маг, колдун?

–

Да нет. Мне так представляется, что он нашёл другой способ восприятия мира, и утверждает, что это мы загипнотизированы своими привычками и страхами. Он говорит, что мы боимся видеть мир таким, как он есть. Воспитание отбило у нас возможность воспринимать мир так, как в раннем детстве. Он утверждает, что мы видим только библиотеку, полку с книжками, а сами книги для нас закрыты.

–

А конкретнее?

–

Ну, как я понимаю, каждая вещь несёт в себе всю информацию о мире и о себе. Можно так воспринимать предметы, чтобы они открывались полностью. Можно с предметов материального мира считывать любую информацию и не пользоваться для этого дополнительными приборами. Мир открыт. Просто мы не умеем видеть правильно.

—

Ну, об этом говорят все восточные культуры. Йоги могут месяцами лежать в закопанном в землю гробу.

Буддисты созерцают иные миры. Медиумы общаются с духами. Экстрасенсы считывают информацию с фотографий, предметов, видят сквозь стену.

—

Мы были на представлении Вольфа Мессинга, когда мне было семь или восемь лет, — оторвавшись от чтения, сказала Роза. — Мама спрятала в моём рукаве платок и вышла на сцену. Мессинг взял её за руку, привёл к нам и вытащил платок из моего рукава. Он читал мысли.

—

В журналах стали появляться статьи, в которых рассказывается про какого-то мага из Индии, который материализует предметы, — Вадим хотел сказать что-то вроде «Это всё бред!», но, вспомнив своего экзотического собеседника, осёкся. — Мне надо позвонить, — сказал он и вышел из кухни.

—

А кушать? – оторвалась от чтива Роза.

–

А пить? – встрепенулась Ольга.

–

Я недолго! – он снял трубку, вспомнил, как звонить. Набрал свой номер и, следом, шестёрки. – Алё! Я хочу спросить, что Вы думаете о предположении, что люди воспринимают мир неполным.

–

Я думаю, что люди вообще слепы. Погрязли в страхе и лжи. А поэтому ни черта (то бишь, – даже чёрта) не видят. Куда им, грешным, рассмотреть что-нибудь более светлое!

–

Это серьёзно?

–

Да! Серьёзнее некуда. Я даже жалею, что приходится в этом признаваться, но – против природы не попрёшь – врать не умею. Мне-то совсем не нужно, чтобы мои подопечные прозревали. Если это случится, то они покинут Землю. Что прикажешь – одному небо коптить? Так что живите в этих прекрасных декорациях. Чего вам не хватает?

–

Понял! А прозреть сможешь?

–

Ты за кого меня принимаешь? Я тебе могу помочь жить на Земле в полную силу твоих способностей и в меру твоих

потребностей. Это я могу и хочу. Мне нужны хозяйственные мужики. А давать тебе то, чего ты сам боишься, – зачем? Чтобы благими намерениями положить конец нашей дружбе?

–

Хорошо. Понял. Спасибо! – он положил трубку и в этот момент понял, что каждый счастлив до тех пор, пока находится в кругу своих природных способностей и интересов. Вышел за пределы – пропал. Не дошёл – остался ущербным. Это правда!

Вадим вернулся на кухню.

–

Видишь, Оля, как у тебя здорово получилось? – Роза посмотрела на мужа. – Правда, Вадя? Здорово и очень убедительно.

–

Да. Честно говоря, даже такого циника, как я, статья заставила подумать и почти поверить. Знаешь, что подкупает в ней? – То, что ты ничего не комментируешь, а просто рассказываешь факты и пояснения Василия. А он – гений! Так просто объяснять фантастические факты может только истинный гений.

Ольга чувствовала себя на вершине блаженства: все страхи обернулись удачей, все мысли, чувства и ощущения находят своё подтверждение, – это ли не победа?

–
Вадька! – почти завизжала гостья и подняла бокал.

–
Я прощаю тебе все обиды детства. Ты сегодня заслужил от меня индульгенцию. Спасибо! А за Розочку – особая тебе благодарность. Она настоящий дружок. За вас, ребята!

–
Бум! – согласился Вадим.

–
Спасибо! – кокетливо потупила взор Роза. – Я покраснела. Они ещё долго сидели. Вадим травил анекдоты. Оля пела. Роза их подзадоривала.

–
Знаешь, какой анекдот мне больше всего понравился?

–
проводя подружку, уже в дверях спросила Роза. – Твой плакат про гласность. Ты зря думаешь, что они это от глупости. Они это из страха. Страх их делает глупыми. Так что твой Василь прав – страх зашоривает, лишает способности видеть и понимать.

–
Ты умничка! Спасибо тебе! Спокойной ночи.

Под заголовком «Жить бы в сказке, да страх не пускает» статья пошла в очередной номер.

КОМПАНИОНЫ-БИЗНЕСМЕНЫ

Кроха ещё до института увлекался биржевым маркетин-

гом. Сейчас он развлекал себя тем, что выявлял тенденции обвала экономик стран бывшего лагеря социализма. На основе полученных данных он разыгрывал оригинальные игры по спекуляции валютами на разности скоростей обвала. За последние три месяца он, при условном начальном капитале двадцать тысяч долларов, условно заработал на

реальных торгах 765 тысяч. Поэтому когда Вадим пригласил его и сообщил, что у него есть государственная гарантия на оплату контракта до 10 миллионов рублей, Кроха разложил весь свой пасьянс.

Решили начать игру сразу в трёх сферах: электроника, женская одежда, сигареты. Две последние были сферой их профессиональной специализации – лёгкая промышленность. Кроха взялся за одежду, а Вадим – за сигареты. Как технического исполнителя программы электроники пригласили Бориса. Тот вёл в институте курс офисной техники и был всегда в курсе всех новшеств.

Через три месяца оборот кооператива составил 17 миллионов рублей. Были выполнены все контракты. Официальная прибыль в 300 тысяч рублей была обложена налогом. Кроха заработал налом более полутора миллионов, Вадим – два, а компьютеры дали всего 700 тысяч. Так что реальная прибыль составила порядка четырёх с половиной миллионов рублей. Остатки компьютеров, ксероксов, телевизоров, столов, шкафов и кресел стали офисной мебелью кооператива.

Были куплены две квартиры, одна над другой, и получился прекрасный офис в два уровня. Были приобретены киоски, магазины, складские помещения, грузовые и легковые автомобили. Теперь кооператив превратился в солидное коммерческое предприятие.

Кроха оказался «канцелярской крысой». Он с удовольствием ходил на работу в офис. С большой любовью обустроивал его, налаживал работу персонала. Он даже купил себе квартиру в соседнем подъезде. Получилось так, что его кабинет в офисе и спальню в квартире отделяла лишь стена. Если бы не два этажа над офисом, Кроха решил бы пробить эту несущую стену.

Вадим, наоборот, оказался «неприкаянным странником». Он прекрасно чувствовал себя в машине, без проблем покрывал сотни километров, мог спокойно дважды в день садиться в самолёт и лететь по делам.

Сложилась ситуация, при которой председателя кооператива, от которого зависит функционирование предприятия, практически никогда не было на месте. Так, само собой, постепенно управление кооперативом перешло Крохе.

С другой стороны, именно Вадим владел всеми связями, позволявшими им спокойно вести свой бизнес. Благодаря

своим начальным взаимоотношениям, мобильности, коммуникабельности и дерзости, он быстро стал своим в кабинетах «сильных мира сего». Вадим хорошо организовал службу

обеспечения безопасности, сколотив команду из бывших силовиков, которые пользовались авторитетом и в уголовном мире. Поэтому неоднократный передел сфер влияния не повлиял на работу их службы безопасности.

Кроха блестяще справлялся с должностью администратора коллектива. Организованные им деловые встречи всегда проходили гладко. Контроль над деятельностью бухгалтерии позволял уверенно вести дела. Налаженные отношения с поставщиками, потребителями и компаньонами в его руках крепили и развивались.

Вадим великолепно понимал, что рано или поздно Крох станет в «позу Наполеона», на что придётся отреагировать.

Как будто бы ничего предосудительного Кроха не делал. Однако Вадима постоянно преследовало ощущение, что тот не до конца откровенен. Это мешало и ему быть откровенным с ним, обсуждать возникшие ситуации, распределять роли в реализации политических комбинаций.

А тут ещё этот старпёр Морозов стал лезть со своими хитромудрыми комбинациями. Его абсолютное невежество в сфере бизнеса проявлялось в том, как он придумывал сделки типа «скажем одно, а сделаем по-другому, он вложит деньги, а мы получим навар». Ну, чистойшей воды «кидала»! Уже не раз приходилось отказывать ему в сотрудничестве, объясняя, что бизнес и афёра – две разные вещи.

Вот и сейчас Вадим сидел в своём кабинете и ждал Морозова, который попросил его о срочной встрече: «Есть блестя-

щий вариант! Не хочу по телефону. Приеду – поговорим».

–
Чёрт бы его взял вместе со всеми вариантами!

–
Да зачем он мне нужен? С ним скучно, как в доме престарелых. Ты там не был?

–
Смеёшься?

–
Почему? Весьма поучительно. Я расскажу. В промежутке между посещениями унитаза и столовой, где сосредоточены их основные интересы, эти почтенные люди сидят в креслах, на диванах или на садовых скамейках. Вот тут они строят политические проекты, ругают всех за всё. А потом они дремлют и видят, что за этот вклад в прогресс им

вешают ордена и медали.

–
Да. Невесело. Даже грустно. Ты бы подсказал, как мне дальше жить. Кругом одни хитрозадые гении. Ни положиться нельзя, ни душу отвести.

–
Прочти Библию. Она всему учит. Чего это я буду вас учить, если вы все грамотные, а в Библии всё сказано. Там чётко расписано, как я создал княжество Земли. Прочти «Бытие» – полезно!

Вадим вызвал секретаршу и попросил достать Библию. Через пять минут она откопала у кого-то из сотрудников эту «книгу книг».

—
«Бытие», говоришь? Почитаем.

Через полчаса Вадим сидел и думал о прочитанном:

—
Да, книжка мудрёная. Её мудрость можно постичь, если научиться понимать аллегории. Вообще, нужно быть Лафон-теном или, на крайний случай, дедушкой Крыловым. А может быть, просто евреем? — он снял трубку и позвонил домой: — Привет! Слушай, шиповник жизни моей! Ты библию читала? Что? Тору? А какая разница? Ага. Значит, «Бытие» читала. Тогда расскажи, пожалуйста, как было создано княжество Земли. Изгнаны из рая? Кто? Да. Они съели плод с дерева. Какая Хава? Моя тёща? А-а-а, Ева дала мужу яблоко. А! Так. Да, её надоумил змей. И это всё? Змей был мудр. Он соблазнил Еву. Она уговорила Адама. Бог разозлился и изгнал их из рая на землю. И это всё? А в чём, как ты говоришь, цимес? Так. Они были бессмертны и богоподобны? А теперь? Смертные. Ладно. Подумаю. Спасибо! Целую. Пока.

Выслушав очередной «гениальный план» Морозова, Вадим спросил:

—
Палыч, ты себе представляешь разницу между «праведностью» твоего отца и купеческим словом?

—

Мой отец был беспощаден к врагам. Он был честен перед партией!

—

Вот. Беспощадность к врагам – это ещё, может быть, понятно. А беспощадность к доверчивому компаньону? Так вот. Купеческое слово – честность по отношению не к какой-то партии, а к конкретному компаньону.

—

Мой отец не пощадил своего отца ради интересов партии.

—

Хорошо. Я тоже ради интересов дела не пощажу тебя. Ты бы хотел такого отношения?

—

Но я ведь не враг нашего дела? Я предлагаю прибыль делу.

—

Эта прибыль может погубить и дело, и нас.

—

Почему?

—

Потому что никто не простит тебе обмана. При первой же крутой разборке нас, в лучшем случае, опустят так, что никогда не поднимемся, а в худшем – грохнут. Я не хочу лежать рядом с тобой в сточной братской канаве.

–
Ты боишься?

–
Я? Чего?

–
Ты боишься делать бизнес.

–
Я боюсь лететь на Луну, если ракету мастерит Незнайка. Я боюсь, когда дело делает дилетант. Я боюсь, когда предадут ради собственных интересов, прикрываясь «высшими идеалами». Я лучше потеряю с умным, чем найду с дураком. – Вадим поднял трубку и набрал номер: – Кирилл Владимирович, зайдите, пожалуйста, ко мне.

–
А при чём тут Кроха? Он простой исполнитель. Стратегические вопросы решать нам.

–
Сейчас поймёшь.

Крох зашёл с бумажкой в руке:

–
Привет! Чего изволите, господа учредители?

–
У господина Морозова очень часто всплывают интересные идеи относительно деятельности нашего кооператива. Это различные комбинации, сделки, мысли о стратегии и тактике нашего бизнеса. Я уже за ним не поспеваю. Очень

прошу Вас, господин Прохоров, взять на себя труд подготовки проектов по идеям Ивана Павловича. Эти проекты я буду утверждать.

—

Хорошо. Буду рад, — Кирилл Владимирович Прохоров обратился к Ивану Павловичу Морозову, — сотрудничать с Вами.

—

Ну, и слава Богу, — Иван Павлович сдержанно кивнул Кириллу Владимировичу.

—

Вопросы есть? — спросил генеральный директор.

—

Да, — Кроха протянул Вадиму принесённый лист. — Это предложение о брокерских услугах. Что будем делать?

—

Мы же говорили, что создаём свою брокерскую контору. Ты уже подготовил документы?

—

Да, но у меня некого туда посадить.

—

Хорошо. Я подумаю. А этим — откажи.

—

Просто промолчу.

—

Хорошо. Всё. Работаем.

Соавторы будущих великих проектов вышли, и Вадим остался один.

—

А вот сумеет ли Морозов тебя соблазнить — мы, как говорится, «будем посмотреть». — Он снова набрал номер телефона: — Клара, здорово! Как тебе там живётся в коридорах власти? Ну? Я подумал, что, может быть, пора смываться с тонущего корабля под прапором на мачте? Угадал? Да нет, просто мне кто-то как-то посоветовал не забывать старых друзей. Ну, во всяком случае, я знаю, что ты мне не враг. Не кокетничай. В отношении меня тебе нет необходимости этим заниматься. Я и так знаю тебе достойную цену. Что? К делу? Пожалуйста. Мне нужен свой человек для посева и сбора урожая валюты. Брокерская контора на бирже. Да. Учиться придётся и много, и долго. Что? А! Когда же работать? Так хоть завтра. Через неделю? Это железно? Всё. Жду в следующий вторник к девяти. Дорогу знаешь? Ладно. Я за тобой заеду. Если окажется, что сможешь раньше, — позвони. Пока.

Уже несколько раз к Вадиму во дворе подходил Хволес. Давно пропали те сорванцы, с которыми Вадим играл в песочнице, катался на коньках и велосипеде, гонял футбол. Остались они вдвоём, и Хволес считал его другом детства. По этой простой причине он полагал, что интересы их близки, и что вполне естественно грузить Вадима своими пробле-

мами. А они у Хволеса накопились: началась перестройка, надо зарабатывать, но тогда на фиг добывать диссертацию; чтобы открыть собственное дело и работать на себя, нужен начальный капитал, а без этого, горбатясь на чужого дядю, много не заработаешь; открыть собственное дело в одиночку невозможно, а понадеяться ни на кого нельзя, подставить могут; и так далее – до бесконечности. – Зануда! Но жутко образованный! Шутка ли – доцент кафедры МГИМО*!

Сегодня они вышли из своих подъездов одновременно.

–

Привет! – явно поспешая, прокричал Хволес и направился к арке ворот на остановку автобуса.

**МГИМО – Московский Гос. Институт Международных отношений.*

-

Стой! – рявкнул Вадим, ещё не осознавая до конца, что останавливает-то зануду, который может испортить весь день. – Садись, подвезу, поболтаем.

–

Класс! А то я сегодня опаздываю.

–

Будешь вовремя.

–

Вадь, ты институт закончил?

–

Да, весной.

—

И что делаешь? Пошёл по распределению?

—

В Москву никто никого не распределяет, — он потянулся к пепельнице, открыл её и подал одну из лежащих там визиток.

—

О-ба-на! Ну, ты даёшь! Из института — и в генеральные! Что за фирма?

—

Моя.

—

Расскажи.

—

Менеджерская фирма. Посредники, услуги, торговля.

—

Кого ни спросишь, все посредники, торгаши, — ехидно заметил Хволес. — Почему никто не занимается производством, строительством? Ну, предоставлением, в конце концов, квалифицированных услуг?

—

Каких? Конкретно.

—

Бытовых, транспортных, туристических.

—

Нет. Это далеко от моих знаний и интересов. А вот бир-

жевыми, банковскими, инвестиционными – я бы занялся.

–

А почему не занимаешься?

–

Не с кем! – огорчённым тоном ответил Вадим. – Открыл на фондовой бирже брокерскую контору. Работает в ней один порядочный человек. Можно доверять. Всё! Порядочность – прежде всего, но это не профессия. Так что каждый новый термин вырастает в отдельный курс лекций. И эти лекции приходится проводить мне или заму.

–

Ты о трасте что-нибудь знаешь?

–

Управление капиталом. Всё!

–

А тема моей диссертации «Траст в кризисные периоды экономики». Понимаешь? Это не только управление капиталом в интересах определённых лиц, отраслей, финансовых групп. Это управление самой кризисной ситуацией. В этом плане – задача глобальная. Решение задач такого уровня требует многофакторного анализа. Тут такие многоэтажные алгоритмы работают! Порой получаешь абсолютно неожиданный результат. Месяцами ломаешь голову

над проблемой: кто дурак? И ты знаешь, что самое интересное? – Чаще всего оказывается, что мною же созданная

схема умнее меня. Создавая эту схему, я и не собирался получить ответы на вопросы такого рода. Я её создавал для решения задач другого характера. А получил, буквально «по дороге», ответы ещё на целый ряд вопросов. Доложу тебе, это так интересно.

—

Так значит ты специалист по управлению капиталом, да ещё и в кризисные периоды?

—

Да

.

—

В таком случае цены тебе нет. Особенно в период перестройки. Такого кризисного состояния системы, когда идёт процесс полного перераспределения капитала, история больше не предоставит, по меньшей мере, ещё сотни лет. Ты «родился в рубашке». Счастливчик! То, что ты сейчас создашь, экономисты будут изучать и применять веками.

—

Ты прав. И это было бы очень здорово, если бы не было так грустно.

—

А в чём проблема?

—

Проблема в том, что эта грёбаная социалистическая экономика работает без наличия какой бы то ни было инфор-

мационной основы. Надёжность информации зависит не от её источника, а от уровня этого источника в иерархии государства. А коль скоро основополагающая экономическая информация рождается в производстве и на рынке, а не в государственной надстройке, то такой информации вообще нет. Есть фантазии составителей отчётности. Но нет самих отчётов. Они уже давно стали ненужными для управления экономикой. В стране появились предприятия и целые отрасли, о которых государству ничего не известно. В то же время у государства есть огромное количество самых современных и прибыльных предприятий, которые на самом деле могут представлять собой контору «Рога и копыта». Знакомо?

—
Подожди. А как же плановое хозяйство?

—
Никак. Планы пишутся для близира. Затем, по этому близиру, с учётом «непредусмотренных событий и расходов» составляется отчётность. А как в реальности жила экономика — никто не знает.

—
Ну, хотя бы какой-то процент реальной информации об экономической ситуации в государстве есть?

-
Да. Порядка 20 процентов.

Что?! – Вадим чуть не выронил руль из рук. – Ниже 95-процентного уровня информация считается сомнительной! Двадцать процентов – это реальный нуль!

–

А я тебе о чём? Вот такая беда. Так что никаких методик у меня получиться не может. Не из чего. Всё. Приехали. Спасибо! – Хволес вышел из машины.

–

Не за что. А ты интересный, Хволес! – весело крикнул Вадим вдогонку удаляющемуся другу детства.

–

Слушай! – обернулся друг детства. – Чего это ты меня Хволесом зовёшь?

–

А как?

–

Дима я! Дима.

–

Чтоб я помер... Впервые слышу. Вот это номер. Всё, Хволес! Отныне ты Дмитрий. Дай, Бог, не спутать.

Не было. Ничего не было. Никаких признаков предательства, надувательства, воровства, обмана со стороны Кроха – не было. Почему тогда Вадим так уверенно ожидал разрыва со своим партнёром? Каждый раз, когда он думал об этом, перебирая в уме все события, то непременно завершал признанием:

–
Наваждение какое-то! Идея-фикс.

Но не проходило и нескольких дней, как Вадим вновь возвращался к этому анализу и вновь ругал себя, называя ма-
ньяком.

–
Если болен манией преследования, – лечись, – завершал он поток своих мыслей.

–
Вадим Сергеевич, – звонила секретарша, – Кирилл Владимирович просил узнать, когда у Вас будет время, чтобы принять его.

–
Да хоть сейчас. Жду.

Кроха появился буквально мгновенно.

–
Привет, капитан!

–
Привет, Кроха!

–
Вот, – Кроха положил на стол папку, – ты просил проекты по предложениям Лиса.

–
Какого Лиса?

–
Твоего компаньона. Морозова.

—
А. Ну, да.

—
Подписывай.

—
Ознакомлюсь, подпишу. А вы подписали?

—
Он подписал.

—
А ты? Ты ведь автор.

—
Не-а. Я исполнитель.

—
Подпиши, как исполнитель.

—
Хорошо, но тогда я вымараю «Рекомендации».

—
А что? Ты с ними не согласен?

—
Нет.

—
Тогда почему написал?

—
Это его проект, и я писал всё, что он считал нужным, но
в используемых терминах и правилах.

–

Тогда, покуда я буду знакомиться с его идеями в твоём исполнении, иди и составь бумажку под названием «Особое мнение».

–

Вот, – Крох вытащил из внутреннего кармана пиджака бумажку.

–

Хорошо.

–

Слушай, Вадь! А поговорить со мной ты не хочешь?

–

На тему?

–

На фига ты дал мне заниматься этой фигнёй?

–

Чтобы убедиться, что это фигня...

–

Нет. Ты захотел проверить мою лояльность.

–

С чего ты взял?

–

Ты не дурак, и я не простак. То, что эта идея – кидаловка чистой воды, – ты знал. А вот поверну я её так, чтобы тебя кинуть, или предложу для нашего исполнения, чтобы клиенты тебе башку снесли, – это ты хотел проверить? А я думал,

что мы друзья!

—

Мы бизнесмены. Доверяю я тебе. Доверяешь ты мне. — это разговоры пьяниц за бутылкой на троих в подворотне. От нашей взаимной надёжности зависит очень многое. Поэтому, нравится тебе или нет, — я буду постоянно анализировать степень надёжности. Вне дела — мы друзья. Я очень люблю дурачиться вместе с тобой. А здесь мы либо на всё смотрим одинаково, и наши поступки взаимно предсказуемы, либо всё закончится враждой. Я этого не хочу.

—

Я тоже.

—

Ну, тогда всё. Инцидент исчерпан.

—

Нет.

—

Твою мать!.. Ну? Шо ишо?

—

Нишо! Я ухожу. Так работать я не буду.

—

Стоп. Если мы теперь не заткнёмся оба, — будет беда.

Иди. Подумай. И я подумаю. Завтра суббота. Возьми подругу, а я Розу — посидим, потанцуем. Идёт?

—

Идёт. Только мне уже сейчас хочется напиться.

—

Перейди в соседний подъезд, зайди в свою хату и ... хоть ужрись. Пока.

Вадим проводил взглядом Кроха, откинулся в кресле, закрыл глаза и постарался расслабиться. Через несколько секунд он потянулся к проекту, просмотрел его, кисло ухмыльнулся, прочитав рекомендации, весело пофыркал над «Особым мнением» Кроха, бросил бумаги на стол и растёр ладонями лицо:

—

Чёрт бы меня побрал!

—

Запоздал ты с этим предложением, – услышал он знакомый голос и посмотрел в сторону кресел с журнальным столиком возле бара. – Выпьешь? – спросил старый знакомый. Не дожидаясь ответа, он разлил в два бокала остатки коньяка, положил бутылку в мусорную корзину и подал бокал Вадиму: – Если ты сейчас заявишь, что тебя совесть мучит, я даже пить с тобой не буду. Просто повернись и уйду.

—

Ну, а что, если не совесть?

—

Можно, конечно, свалить всё на совесть, поставить свечку святому бездельнику и начать делать ошибки. Знаешь, как кончают такие моралисты? Они либо подышают, либо в под-

воротнях рассказывают, отпивая свою меру из горла, какие они были деловые, но совесть не позволила им стать богатыми.

—

Глупость. Это не для меня.

—

Умница. Тогда оставь совесть в покое и подумай.

—

Да о чём думать? Крох жмёт меня в коленках.

—

Во! В переводе на русский, это значит.

—

Что он меня отвлекает своими задачами, своими интересами. Как упёрся в эту мелкооптовую торговлю, так оторваться не может. Он прекрасно знает биржу. Но там нужно рисковать и всегда быть на стрёме. Правда, для этого нужно бросить всё. А у него тут налаженный механизм. Сам крутится. Только успевай смазывать.

—

Та-а-а-к. А на бирже?

—

Там можно потерять всё и сразу.

—

А здесь?

—

Здесь скучно.

—

И потому.

—

Я хочу туда, где надо шевелиться.

Я

здесь сдохну со скуки.

—

Так иди на свою биржу. Кто тебя держит?

—

Я хуже него разбираюсь в этом вечном движении.

—

Боишься?

—

Нет. Прицеливаюсь. Пока не получается.

—

А если Кроха возьмется и все профукает, ты ему простишь? Не кокетничай! Не простишь. Он это знает и не хочет тебя подводить. Умница.

—

Так что прикажешь? Сидеть в этом болоте?

—

Зачем? Прицеливайся дальше. А если он тебя отвлекает, — пусть берёт это болото с собой. Старого Лиса тоже отпусти в поход за гробом. Пусть своими проектами зарабатывает себе пулю в лоб. Тогда ты сможешь заняться своими интересами

без оглядки.

—

Ты прав. Кроха надёжный. Жаль.

—

Вот. Пей и прицеливайся. Может, ещё всё так повернётся, что тебе некогда будет выпить. Так что пей, пока есть возможность.

—

Изыди, нечистая сила! – глядя в пустой бокал, заявил Вадим. Бокал наполнился хорошим коньяком.

Этот понедельник начался в субботу. В ресторане после закуски и пары бокалов сухого вина женщины решили привести себя в порядок. Оставшись наедине, Вадим и Кроха быстро договорились, понимая друг друга с полуслова.

В понедельник Морозов, приняв беспечную барскую позу, сидел напротив Вадима.

—

Я прочёл проект, который Вы подготовили. Наша фирма подобными делами заниматься не будет, – спокойным, но решительным тоном начал деловую тему встречи Вадим.

—

Слушай! – тоном сытого кота ответил Морозов. – Ты посмотри на результаты. Тут такая прибыль и практически нулевые расходы.

—

Так не бывает. Это кидаловка, и я могу доказать, – моно-

тонно продолжил Вадим. – Вы уговорили Кроха умышленно сгладить конфликтные моменты. И оба решили меня подставить. Спасибо за сотрудничество. Всё. Ни с одним из вас я не желаю больше быть компаньоном.

–

Вадим, ты что? Мы вместе начинали. Мы с тобой учредили эту фирму, – Морозов ещё не осознал происходящего. – Ты способен всё это бросить?

-

Нет. Я продаю свою долю, – бесстрастно ответил Вадим.

–

Так, значит, мы остаёмся с Крохой, – решил уточнить ситуацию «партнёр».

–

Нет. Кроха тоже не желает работать у Вас, – уперев взгляд в лежащие перед ним бумаги, продолжил хозяин кабинета.

–

Тогда я остаюсь в фирме один? – почувствовал возможность удачного исхода автор проекта.

–

Нет. Фирма не только Ваша. У неё хороший имидж, прекрасная клиентура, надёжные связи. Этот капитал создал я и хочу получить должную цену. Если Вы останетесь в фирме, мою долю никто не купит.

–

Я куплю.

—

У Вас денег не хватит, потому что я Вам её не продам.

—

Тебе не всё равно, кто заплатит? — возмутился Морозов. —

Или мои деньги плохо пахнут?

—

Да. Ты кидала, — резко поднял взгляд Вадим. — А люди, чьи интересы завязаны на работе фирмы, мне доверяют, — Вадим спокойно разглядывал свои сцепленные, лежащие на столе кисти рук. — Это доверие и есть мой основной капитал. Вы их кинете, и они перестанут мне доверять. А я на пенсию пока не собираюсь. Мне с этими людьми ещё придётся сотрудничать.

—

Так что ты предлагаешь?

—

Мы продадим нашу фирму и с этим капиталом начнём новую деятельность.

—

И кому ты собираешься продать?

—

Тем, кому я смогу доверять.

—

А где гарантия, что я получу реальную цену?

—

Выясните все свои вопросы с бухгалтером: проверьте наличие капитала, прибыли; оцените динамику роста; прикиньте долю своего участия; сформируйте цену, – методично разъяснил экономист. – Поговорим.

–

Значит, другого решения нет? – злобный и растерянный взгляд партийца забегал по комнате.

–

Нет.

–

Я подумаю.

–

До встречи.

Через неделю табличка «Генеральный директор» переехала на дверь кабинета Кроха – Кирилла Владимировича

Прохорова, который выкупил долю Морозова. На кабинете Вадима появилась табличка: «Розалия Ефимовна Финкельштейн, коммерческий директор».

–

Чёртов дьявол! – хохотала Рита. -Дьявольский сатана! Сатанинский сатир!.. – она продолжала упражняться в словесных экзерцициях и заливаться смехом. – Змий– искуситель. Извивается, изоциряется в поисках путей укрепления своей власти над людьми. А Создатель только посмеивается...

—

Над кем смеётесь? – раздался чёткий вопрос с интонацией сожаления. – Надо мной смеётесь? – Зловеще прозвучал следующий вопрос, и свечи, составляющие дизайн гостиной, загорелись в то же мгновение, как потухли торшер и настольная лампа. Сменившееся освещение придало пространству комнаты кулуарный характер: в каждом углу горел свой фитиль, свой огонь вдохновенья, своё восприятие событий. В воздухе запахло ароматами воска. Чёрные угли в камине засветились жёлто-красным огнём. Спинка кресла-качалки стала раскачиваться в такт звучащему голосу.

—

Придумали рассказ. Почитали писания таких же выдумщиков, как сами. Устроили разбор этих вымыслов и пришли к «логическим» выводам. Bravo! Теперь вы постигли истину? Вы поняли законы Всевышнего и логику Владыки Земли? И вам показалось это смешно!

—

Нет, – вступил в спор с Адамбеком Демиург. – Рита смеялась над моим каламбуром относительно Ваших званий. А наша беседа породила узелки сомнений, которые мы старались развязать в меру своих сил. Может, будете так добры, поможете?

—

В чём?

—

В развязывании логических узелков.

—

Зачем? Это у вас прекрасно получается. Вы так лихо выяснили причины моих поступков, что мне захотелось послушать продолжение и постараться понять самого себя.

—

Мессир! – обратилась к нему Рита. – Вам могло показаться, что мы ради праздного любопытства стали копаться в Ваших личных проблемах. Простите нас. Мы не желали лезть в Ваши интимные интересы.

—

Это вы зря! – спокойно и твёрдо начал свой монолог Адамбек. – Подданные должны анализировать поступки владык. Иначе это будут не подданные, а рабы или животные. В сферы моих интимных интересов вы заглянуть не можете, поскольку эти интересы, если они и есть, никак не связаны с земными событиями. Для вас это абсолютно закрытая книга. – Он встал с качалки и пересел в кресло против Демиурга. – Маэстро, вот Вы, владеющий даром творить в соответствии с Его законами гармонии, скажите мне, Духу Изгнания, как можно знать наперёд, чем отзовется та или иная комбинация поступков? Как уберечь себя, а, следовательно, и вас, мои верноподданные, от принятия решений, последствия которых потребуют исправлений? Ведь я, как и вы, был изгнан Им за первое же нарушение

ние Его запрета. Поэтому мы с вами вместе стараемся постичь Его намерения и выстроить дорогу к свободе от гнёта бытия. Мы вместе становимся мудрее.

—

Это явная ложь, мессир! – воскликнул Демиург и осёкся.

—

Я, – раскатистый, громоподобный возглас был лишён оттенков эмоций, – никогда не лгу!

Наступившая пауза послужила окончательному усвоению умами хозяев дома этой истины. Далее гость продолжал обычным тоном доверительной беседы:

—

Что Вас, дорогой Демиург, заставило усомниться в правдивости моих слов?

—

Я подумал, что вы знали о последствиях нарушения запрета Создателя. Вам было выгодно, чтобы люди заселили Ваши владения.

—

Если бы! – с сожалением возразил Адамбек. – И так каждый раз. Стараюсь делать, как лучше...получается же, чаще всего,

...как всегда. На самом деле, я постоянно занимаюсь поиском ответа на один вопрос: как вывести Земную цивилизацию на духовный уровень, но оставить в пределах своих владений? – он замолчал, откинулся на спинку кресла, ши-

роко раскрыл свои огромные глаза, из которых посыпались искорки шального задора, ухмыльнулся и продолжил: – Это стало бы доказательством того, что в его системе неизблемых законов есть лазейка, трещина, противоречие. Тогда я, – он стал расти; кресло превратилось в огромный трон; чалма зажглась над головой цветом

тёмной крови; он глядел из-под облаков на притихших су-пругов, – смогу построить новое мироздание, где будут работать мои законы. Это будет мой мир! Мир Земли! Мир абсолютной гармонии!

–

И как Вы надеетесь это осуществить? – Деми задал во-прос и оказался нос к носу с опустившимся Адамбеком.

–

Просто, – глаза непокорного бывшего ангела уже не ис-торгали искр, а были обращены внутрь своих состояний и мыслей. – Есть два способа овладения бытием: вера и зна-ния. Вера позволяет владеть этим миром. Знания позволят творить новые миры. Я доведу человечество до абсолют-ных знаний. Оно создаст мне Мой Мир!

–

Через сколько тысячелетий?

–

Какое это имеет значение? Я вечен – дождусь!..

ГОСТИ ИЗ КИЕВА

Первые сутки после отъезда Ольги Василь занимался делами, отложенными из-за приезда корреспондентки. С утра обошёл односельчан, которым были обещаны встреча, беседа, совет, лекарство. После обеда занялся приготовлением необходимых мазей и растворов.

Ночью, когда все в деревне заснули сном праведников, Василь сел за стол в своей комнате, раскрыл большую толстую тетрадь и часа полтора пытался над составлением нескольких предложений. Потом вырвал лист, положил его в конверт и написал адрес.

Провожаемый первыми петухами Василий Степанович шагнул в город. В почтовом отделении на привокзальной площади он сдал письмо и купил конверты с марками. Было уже больше десяти часов, когда Василь вошёл в книжный магазин. Курносая красавица, продавщица Настя радостно приветствовала постоянного покупателя. Через час портфель был полон книг, и он зашагал обратно.

От материнских глаз не скрыть изменений в поведении и состоянии души ребёнка, как бы самостоятелен тот ни был. Степанида спокойно наблюдала за тем, как в привычках Василя происходили перемены. Теперь он еще чаще уединялся с книгами, реже уходил в любимую рощу, стол его комнаты был совсем завален исписанными бумагами. И

раньше-то не очень общительный, в последнее время он откровенно сторонился каких-либо встреч.

–

Шо за дуже, – то нэ здраво, – думала мать. – Ты не скажешь, что творится с сыном? – обратилась она к мужу. – Он стал уж совсем нелюдим.

–

Нэ кличь несчастья! Готовься к свадьбе, – лукаво заглянув в глаза супруге, спокойно ответил Степан.

–

С чего ты взял? – оживилась Степанида. – Он тебе что-нибудь говорил?

–

Ничего. Но я думаю...

–

И шо? Шо ты думаешь?

–

Он готовится к разговорам с корреспонденткой Ольгой.

–

Да ты шо?!

–

Да ни шо! Иди, готовься к свадьбе! Свекруха!

Не успели родители обсудить поведение сына, как хлопнула калитка, и на пороге появился сельский почтальон.

–

Степаныч! – заорал он. – Где ты!

–

Чего кричишь? – вышла ему навстречу Степанида.

–
Тут газета с Василием Степановичем! Поглянь!

Весь день к калитке их дома стекались жители села.

Степан и Степанида со счастливыми и благодарными улыбками принимали поздравления и объясняли людям, что Василь Степанович занят и тоже благодарит их. А вечером зашёл председатель колхоза.

–
Слушай, Степан, – начал он, присев на скамью во дворе. – Эта статья наделала шуму в районе. Все растерялись, не знают, как реагировать. Председатель райисполкома попросил, чтобы Василь пока посидел тихо, бо неизвестно, как отреагирует центр.

–
Да вин и так нэ шумыть.

–
Ну, это я тебе сказал, чтобы ты был в курсе. Мы, конечно, нашего гения в обиду не дадим, но сам понимаешь. Бережного Бог береже.

–
Будь спокоен.

–
Ладно! – председатель встал и начал прощаться. – А Василя поздравь. Молодец девка! Хорошо написала. Наверное, в судьбе Василя настанет другая пора. Инша. Дай, Бог, чтобы лучшая. Бувайтэ.

Утром Василь пошёл на почту и отправил телеграмму: «Статья честная хорошая Спасибо Василий».

-

Василий Степанович! – услышал он оклик, проходя мимо конторы. Осмотрелся. Знакомый голос председателя раздавался из окна здания. – Заходи ко мне. Будь ласка!

-

Добрый день! – войдя в кабинет, поздоровался Василий.

-

Садись, Василь Стэпанович. Теперь Вы у нас знаменитость! – Василь насупился. – Не сердись. Мне звонили из Киева. Приедет профессор от академии наук. Они желают с тобой познакомиться.

-

А если я не хочу?

-

Ну, ты уж будь добр! Прими их, как дорогих гостей.

-

Добрэ. Как дорогих гостей.

-

Ну, я надеюсь. Если что нужно, говори. Всё, что смогу, исполню.

-

Добрэ. Если всё, – я ушел.

-

До побачення!

Весь день председатель колхоза Пётр Наумович Скворода провёл в кабинете. Он перенёс из дома несколько книжек по физике, математике, агрономии, небольшой глобус и даже нашёл карту звёздного неба. Всё это аккуратный хозяин кабинета в небрежном порядке разместил на книжных полках, столе, подоконнике. Карту неба повесил в дальнем углу за шкафом со старыми документами. При входе карта не была видна. Зато при выходе её нельзя было не заметить. Пётр Наумович, ожидая звонка из города, переключивал книжки и бумаги, заглядывал в зеркало, пробовал различные позы, взгляды, улыбки.

Ближе к вечеру перед конторой остановилась чёрная «Волга». Пётр Наумович отошёл от окна, сел за стол и погрузил глаза в бумаги. Дежурившая в приёмной секретарша радушно приняла приехавших и проводила в кабинет.

—

Пётр Наумович, к Вам гости, — торжественно объявила секретарша.

—

Здравствуйте! — поздоровался худощавый пожилой мужчина. — Профессор Федотов Михаил Игоревич. А это, — он указал на своего спутника, — доцент, кандидат физикоматематических наук, наш сотрудник Зверев Валерий Вячеславович.

—

Милости просим! – приветствовал гостей председатель. – Скворода Пётр Наумович, – представился он. – Садитесь, будь ласка! Нас предупредили о вашем приезде.

Будем содействовать. Может, чаю с дороги?

–

Спасибо! Это потом. Вы сначала разрешите нам познакомиться с Вашим гением, а там можно будет и чаю. – Гости подсели к столу. – Как это сделать? Пригласите его сюда или мы навестим его?

–

Я думаю, что лучше будет навестить Василия Степановича, – с сожалением в голосе сказал председатель. – Но если Вы желаете поговорить с ним в официальной обстановке, можем позвать его сюда.

–

Нет. Лучше без официоза, – сказал профессор и обратился к своему спутнику: – А Вы как думаете? – доцент одобрительно кивнул. – Тогда поедем?

Через пять минут из «Волги», остановившейся у ворот семьи Славенко, вышли гости в сопровождении председателя колхоза. Степанида, хозяйничавшая в своём подворье, радушно встретила их:

–

Заходите, гости дорогие.

Председатель представил приезжих.

–

Присаживайтесь. Я сейчас, – она покрыла стол белым рушником с красивым орнаментом, поставила чашки, блюда, принесла молоко в кувшине, вареники и оладьи.

–

Угощайтесь, будь ласка! А я сбегаю за Василём. Он вместе с батькой.

За поворотом она встретила своих мужчин, возвращавшихся с работы.

–

Як же ж добрэ, шо вы вэртаець! – выдохнула Степанида. – У хати гости, Василя ждут.

Мытьё рук после работы заняло время. Переодевшись, мужчины вышли к гостям. Тёплый ветерок оведал весенней свежестью собравшихся за столом.

–

Мы о Вас знаем только то, что написано в газете «Правда». Хотелось бы познакомиться поближе. Нас интересуют Ваши способности. Могли бы вы нам их продемонстрировать?

–

Как? – недоумённо спросил Василь. – Я никогда ничего не демонстрировал. Вас интересует, как я лечу? – Есть болезнь, нахожу лечение. Я ведь не врач. Или Вас интересует, почему я так вижу мир? Ну, как вижу! Я так вижу и знаю, что всё это правда. Почему другие не видят? Одни не умеют, другие не

хотят. Например, Вы слышите музыку, а некоторые не слышат. Почему? Да просто у некоторых людей нет слуха.

Так что нечего мне Вам демонстрировать.

–

Ну, – начал профессор, – Вы ведь показывали корреспонденту, что можете впадать в транс.

–

Она думала, что я воскресил ребёнка. Пришлось показать, что есть такое состояние, которое люди воспринимают, как смерть. Я не волшебник и не сказочный персонаж. Я обыкновенный человек и не хочу быть героем сказки.

–

Это хорошо, – профессор решил подойти к делу с другой стороны. – Вы говорили, что люди воспринимают природу, как книги на полках библиотеки, а прочитать эти книги не могут. – Василий, молча, ждал. – Что Вы под этим образом подразумевали?

–

Только то, что сказал. Вы ведь очень грамотный человек. Профессор. А на скольких языках Вы читаете книги?

–

На четырёх: русский, украинский, английский, немецкий.

–

А на китайском, армянском, арабском – можете?

–

Нет, – улыбнулся Федотов, – азбуки не знаю.

–

А наш дед Шукарь, который после войны на печи лежит, вообще ни одной буквы не знает.

–

Хорошо! Допускаю, что Вы правы. Хотя вашими способностями не владею. А вот Валерий Вячеславович кое-чем владеет. Он нам сейчас продемонстрирует свои способности. Вы не против?

–

Правда? – у Василя загорелись глаза. – Это здорово. Давайте!

– Вот в том сарае, – доцент Зверев указал на хлев, – у вас шесть кур, четырнадцать цыплят, петух, корова и три поросёнка.

–

Верно! – удивлённо воскликнула Степанида.

–

А у Вас, – Василь пристально посмотрел на доцента, – во внутреннем кармане пиджака фотография красивой женщины.

–

А ну, покажите, – попросил профессор доцента. Тот, подавив смущение, полез в карман за фотографией.

–

Подождите! – у Федотова загорелось любопытство иссле-

дователя. – Опишите нам эту даму. – Он придержал руку доцента так, что фото осталось под пиджаком.

–

Крашенная блондинка. Свой цвет волос – красный, руда. Лицо милое, не круглое, не длинное. Высокая шея. Стройная. Спортсменка. Занимается борьбой или боксом.

Любит стрелять из пистолета. Рана выше колена левой ноги. Насквозь. Это ваша жена. Работает в милиции или армии.

–

Ну?.. – уставился Михаил Игоревич на своего спутника. – Как?

–

Вот это да! – не удержался кандидат наук. – А когда мы поженились? Можете сказать?

–

Свадьба. Была ... два, может, три года назад. А живёте вместе всего месяца четыре.

–

Да. После свадьбы прошло почти три года. Через два месяца она уехала в командировку. Вернулась сорок дней назад, – Валерий Вячеславович впился глазами в Василь Степаныча. – А что Вы можете сказать про профессора?

–

Сначала покажите нам фото Вашей супруги, – протянул руку Михаил Игоревич. – Да! Красавица! – Он показал фото

Степану со Степанидой. Они посмотрели, оценили и протянули Василию. Тот даже не взглянул, а просто кивнул.

—

У Вас очень красивая и милая жена, — Степанида вернула фото Звереву.

—

Ну! Так что Вы можете сказать про профессора? — повторил свой вопрос доцент.

—

Скоро юбилей. Летом. Семьдесят лет, — начал Василь. — Воевал. Недолго. Месяц. Был в плену. Бежал. Сейчас жена серьёзно болеет. Сын женат. От дочки есть два внука. Внучки, — поправился он, — очень любят деда. Много работаете. Любите бегать. Вы и сейчас бегаете по три-пять километров в день. Когда долго не двигаетесь, Вы начинаете задыхаться. Это мешает Вам работать.

—

Поразительно! — опешил Федотов. — Если бы я не был уверен, что Валерий Вячеславович тоже впервые Вас видит; если бы я не дал согласия на участие в комиссии всего несколько часов назад, то ещё мог бы усомниться. А так приходится верить! Хотя разум и не желает. Вот Валерий Вячеславович подтвердит, что, несмотря на многолетнее наблюдение за ним и другими экстрасенсами, я не окончательно убеждён в реальности таких способностей. У Вас они очень ярко выражены. Я доволен, что приехал. А Вы, коллега?

–

Спасибо Вам, Василь Степанович! Очень убедительно. Однако пора и честь знать. Спасибо, хозяйюшка, за госте

приимство! – доцент поцеловал ручку смущённой Степаниде, пожал руки мужчинам и отошёл к крыльцу.

Федотов, по всей видимости, ещё не хотел покидать радужных хозяев, но тоже положил блокнот в портфель и, попрощавшись, вышел за калитку вслед за своим молодым коллегой. «Волга» развернулась и покатила по тёмным сельским дорогам в светлый заасфальтированный мир города.

Когда ушёл потрясённый Сковорода, а Степанида начала убирать со стола, и мужчины Славенко остались одни, Василь обратился к отцу:

–

Беда, батя. Это сотрудники КГБ. Они захотят, чтобы я у них работал.

–

Что, и профессор тоже? – спросил ошарашенный отец.

–

Профессор настоящий, но выполняет их задание. Он думает, что это всего одна консультация.

–

А что тебя беспокоит?

–

Я не хочу работать на злую силу.

—
Но они ведь защищают нас, нашу Родину.

—
Да. Это их работа. А я не хочу никого защищать. Знаешь, почему? Потому что, защищая, надо проявлять злость. А я не хочу этого.

—
Но это же благородное дело – защищать Родину.

—
Да, но я не хочу никому быть врагом. Даже убийце. Это не моё ремесло.

—
А что же делать?

—
Не знаю. Буду отказываться, – он улыбнулся горькой улыбкой. – Не хотел ничего им говорить, но не удержался. Когда он увидел то, что у нас в сарае, захотелось поиграть. Никогда себе этого не прощу.

—
Это ты зря. Раз они заинтересовались, значит, такие люди им нужны. Они всё равно тебя уже не оставят в покое.

—
Ладно, батя. Бог даст – всё пройдёт нормально.

—
Ты про Распутина помнишь?

—

Что у царицы лечил царевича? Григория?

—

Да. Если очень пристанут, нужно будет начать лечить правительство. Партейные любят лечиться и тебя кэгэбистам не сдадут.

—

Ладно, батя. Ты только маме ничего не говори. Будет нервничать.

—

Прорвёмся, сынок. Нас двое.

Утром почтальон принёс газеты и письма.

—

Василь Степаныч дома? — спросил он.

—

Нет. Он в школе.

—

Степанида, передай сыну, что его в шесть часов ждут. Хай придет на почту. Говорить будет с Ленинградом.

—

Добрэ, — ответила мать Василя и занялась хозяйством. Связь, как и положено, была не то что плохая, а совсем никакая. Василь уже третий раз брал трубку, но, кроме шумов, ничего не слышал. Наконец, телефонистка уговорила свою коллегу на другом конце провода дать поговорить Василю без коммутатора, по служебной линии.

–
Василь Степаныч! – позвала она и отдала свою трубку.

–
Слушаю, – сказал он и даже брови сдвинул, напрягая слух.

–
Вась! – услышал он знакомый голос. – Это Котик. Не забыл меня, сержант?

–
Кот! – заорал всегда сдержанный Василь Степанович. – Ты где? Скажи! Приеду!

–
Нет, Василь. Это я уже еду к тебе. Встретишь?

–
Спрашиваешь! Когда?

–
Завтра буду.

–
Жду!

–
Тогда до побачення!

–
До встречи! Буду ждать! Какой поезд встречать?

–
Не знаю. Попробую позвонить из Киева.

–

Жду!

–

Пока!

Такого Василия Степановича никто и никогда ещё не видел. Он светился от счастья. Положив трубку, Василь долго смотрел на неё и улыбался.

–

Если бы Вы только знали, дорогой Демиург, как я завидую Вам. У людей есть такая возможность – жить вместе с воплощением любви. Нам такое счастье не дано. У нас есть вечность и предназначение, – усталым тоном вещал Адамбек. – А у вас есть рождение, заботы о счастье и возможность избавления от этих забот.

–

Это у каждого из нас в отдельности, – Деми не упускал случая пообщаться с Князем Земли на интересующие его темы. – А у человечества?

–

Человечество? Это для кого – как. Для меня оно, как ребёнок для няньки, – дитё несмышлёное: не ведает, что творит. – Адамбек подался всем телом вперёд и уставился в створ камина. В печи появился жар тлеющих углей. Полумрак осветили свечи. Стало уютно и спокойно. – Для Него человечество – это потомство, обновление цивилизации. Я вырастил уже не один десяток таких человеческих цивили-

заций.

—

Как! — у Демиурга от неожиданности даже дух перехватило. Сердце забилося от прилива адреналина, как у охотника, дождавшегося появления жертвы. — В нашей самой смелой литературе упоминаются всего несколько: лемуры, атланты — это те, что я помню.

—

И я могу вспомнить всего несколько десятков, — спокойно ответил Князь Земли. — А сколько их было на самом деле, — он засмеялся, — как видишь, даже самому Чёрту неизвестно. Невозможно удерживать в памяти бесконечную череду событий.

— Тогда расскажите, как происходит эта смена цивилизаций.

—

Когда я взялся пасти человечество?.. Я и не помню этого момента... На Земле всегда были люди. В промежутке между сменами цивилизаций происходили катаклизмы. Менялось всё: флора, фауна, количественное соотношение веществ, полюса. Неизменным оставался свод Законов. Изменялись и люди. Были гиганты, были пигмеи, были всех цветов и оттенков. Они меняли форму, но основа — душа, оставалась прежней.

—

Стоп! — Демиург старался впитать и осмыслить всё,

что говорил Князь Земли. Он боялся упустить в этом моменте откровения что-нибудь существенное, такое, что потом вновь породит сомнения. – Объясните сначала, что такое душа. О ней столько говорится, но всё это так туманно.

–

Это от вечного желания людей усложнять простые истины. На самом деле всё просто. Душа – всего лишь набор возможностей творения. Творения с разными наборами возможностей (время, энергия, элементарная частица, атом, молекула, минерал, представитель флоры, фауны, планета, созвездие) имеют разные души. Любое творение с таким набором возможностей, как у человека, – есть человек.

-

Так. Понял. А дальше?

–

Человек, созданный по образу и подобию Его, имеет душу, подобную Его набору возможностей. Он способен творить. Он создаёт новые формы и даже творения с новыми наборами возможностей, – то бишь, с новыми душами.

–

Это правда, – Деми задумался. – Но это при современном уровне развития цивилизации. Ещё совсем недавно человечество не было способно к такому творчеству, как создание творений с новыми наборами возможностей – новыми ду-

шами.

—

Не путайте. Я ведь сказал, что душа человека неизменна. Другое дело – выявление этих возможностей. Процесс развития цивилизации как раз и есть последовательность выявления этих возможностей. Ничего того, что не заложено в душе творения, не может быть выявлено.

—

Но, если в результате эволюции обезьяна превратилась в человека, значит, у обезьяны уже был набор возможностей человека?

—

Если бы у обезьяны была душа человека, то это был бы человек. А обезьяна – есть обезьяна со своей душой. Человек же, даже рождённый уродом, рано или поздно проявит человеческую душу. А вот потомство обезьяны не проявит такой души никогда.

—

Хорошо. Но у меня остаётся ещё один вопрос: зачем нужны эти смены цивилизаций?

—

В разных условиях человек проявляет и разные свои возможности. В результате развития человечества возникает момент, когда его возможности уже не могут быть раскрыты в условиях такого жёсткого мира, как Земля. Ему становится тесно в этой своей колыбели. Он ищет больших

свобод. Достигнув способности приобрести новые свободы, человечество покидает Землю.

—
А кто остаётся на Земле?

—
На Земле остаётся та часть человечества, у которой не проявились новые потребности или не выявились более высокие возможности. Эта часть человечества становится основой будущих поколений людей, и начинается новый виток, новый процесс, история новой цивилизации. Обычно, до глобального изменения условий жизни на Земле

эта смена цивилизаций незаметна. Только после природных катаклизмов проявляется процесс развития новой цивилизации.

—
А куда уходит прежнее человечество?

—
Этого я не знаю. Но у меня складывается такое ощущение, что, покинув Землю, оно переходит в тот мир, откуда может изменять условия существования самой Земли. Этим я для себя объясняю периодичность катаклизмов в природе моей планеты.

—
Так это в результате катаклизмов пропадают все признаки предыдущих цивилизаций?

—

Частично. Если такие признаки вообще существовали. Это для вас, для современной цивилизации, освоившей всю поверхность планеты, удивительно: куда делись признаки прошлых развитых цивилизаций? Вам трудно себе представить, что другие цивилизации не старались не то что освоить планету, — им были безынтересны даже её свойства. Они существовали, как младенцы в детском саду, зная что «и будет день, и будет пища». Это были духовные цивилизации, и их развитие происходило через раскрытие собственных способностей. Они относились к природе, как младенцы относятся к своему дому: им неинтересно, откуда всё берётся — оно есть, потому что должно быть. У большинства из них не было даже таких понятий, как «я хочу, это моё, дайте мне, а почему это так». Они не тратили усилий на определение того, что кому принадлежит, но больше всего уделяли внимание раскрытию своих способностей, своей души.

—

Так наша цивилизация...

—

Самая меркантильная из всех предыдущих. Этим и определяется появление таких понятий, как «моё, враг, друг, чужой, чужое, лучше, хуже». Отсюда, и представление о добре и зле, ощущение страдания. А ведь счастье не обязательно есть результат завершения страданий. Вот ты счаст-

лив?

—

Да

.

—

А что? Ты в этой жизни страдал, а потом пришёл мессия и избавил тебя от этих страданий?

—

Нет.

—

А почему?

—

Не знаю. Может, потому что рядом со мной Рита, которая страдала и постаралась меня избавить от страданий?

—

Нет. У тебя есть враги? Тебе плохо от того, что у тебя чего-то нет? Тебя интересует, что есть у других?

—

Я об этих вещах не успел подумать.

—

И не успеешь. А теперь представь себе общество, состоящее из таких, как ты. И у каждого есть своя Маргарита — сущность любви. Какую пирамиду, гробницу, храм, джакузи, робота-раба оставит после себя такое общество?

—

Пожалуй, ничего не оставит.

—

Зато оно оставит таких, как ты, — творцов. Оно жадно до творчества, а не до наживы. Ты не задумывался: чего это я к вам так прилип?

—

Наверное, потому, что мне с Вами интересно?

—

Ха! — вдруг развеселился Адамбек, который вёл эту беседу, расслабившись в кресле-качалке, с закрытыми глазами. — Этот ответ — шедевр! У тебя логика альтруиста. Тебе даже в голову не может прийти, что я здесь ублажаю себя, а не вас. — Он встал, пошевелил кочергой угли в камине, повернулся к мастеру, и тот увидел красные огоньки в зрачках Адамбека. — Я здесь потому, что и мне хочется иногда, хоть чуть-чуть, хоть за счёт чужого счастья, — быть счастливым. Я устал от этой популяции стяжателей. Мне сейчас трудно так, как никогда, ни с одной цивилизацией трудно не было. Я вынужден творить то, что творю. Они поставили меня в такую позицию. В предыдущих цивилизациях я выступал в роли ангела-хранителя. Теперь же я вынужден подхлёстывать их пороки, которые они уже стали называть способностями. Только доводя все их прихоти до абсурда, я могу как-то сохранять людей и свое княжество на Земле. Это моё предназначение, и не исполнять его я не могу.

Выступившая на глазах влага погасила огоньки в зрачках Князя Земли. В камине перед ним вспыхнул огонь, и гость погрузился в дремоту.

АРМЕЙСКИЙ ДРУГ

Василь Степанович вышел на перрон. Поезд Киев – Запорожье подошёл и остановился. Дверь вагона №7 открылась, и Константин Курочкин попал в объятия друга. Они вышли на привокзальную площадь. Каждый нёс по два

чемодана и рюкзак. Василь открыл дверцу «Москвича-412», который он недавно припарковал возле гастронома. Друзья загрузили багаж, и Василь повёл машину по привычной дороге домой, а Константин стал рассказывать:

—

После дембеля я не вернулся в институт. Поступил в духовную семинарию. Полгода для меня оказалось достаточным сроком, чтобы убедиться, что обрядность – не та наука, ради которой я туда поступил. Справлять обряды – особой духовности не требуется. Достаточно хороших актёрских данных. Тут имеют значение внешность, голос. Мне стало скучно. Попросил отца Иннокентия, настоятеля семинарии, направить меня в то русло, куда душа стремится. Он понял, но не сразу. «Учись, всё надо постигать постепенно, а ты стремишься обогнать время. Гордыня это, грех!» Только после того, как мне удалось убедить его, что уровень духовного развития, благодаря общению с тобой, у меня выше,

чем у выпускников семинарии, он дал рекомендацию в Академию. Но и там, – Константин махнул рукой, – очень много анахронизма, обрядной мишуры. Слава Господу, попался я на глаза отца Олексия. Поговорили. Он мне прямо, без обиняков заявил: «В тебе есть понятие Божьей благодати, но страха Божьего нет совсем. Тебе подобные могут постичь Слово Божие, но они не могут ему служить. Такие не должны получать право на службу Господу». И определил меня вольнослушателем. С тех пор я свободный человек.

–

А диплом ты после армии защитил?

–

Нет. Не охота стало зря время тратить на формальности.

–

Так у тебя нет диплома?

–

А на кой он мне? Жаль силы и время.

–

А мне захотелось учиться. Год проучился в медицинском. Хотел стать психиатром. Но не смог долго прожить в городе, а на медицинском заочного нет. Бросил. А потом пошёл по твоим стопам. Поступил на заочный физмат.

–

Закончил?

–

В два года. А потом – не получилось с психиатрией – по-

ступил на психологический факультет кафедры философии университета.

Кот уже не спрашивал. Он точно знал, что Василь закончил и этот факультет.

—

А я все эти годы провёл в экспедициях Географиче

ского Общества. Побывал почти во всех точках Земли с повышенной энергетикой – тибетских, индусских, ближневосточных храмах; в наших славянских монастырях. Перечёл кучу литературы. Перепробовал почти все методики. Теперь поработаем с тобой над своими методиками воспитания. Вот собрал материалы, куплю себе хату в твоей деревне, и мы откроем школу. Помнится, это было твоей мечтой! А?

—

Я очень хочу, чтобы это удалось. Одному такое не под-
нять.

—

А в армии был служакой. Да ещё каким!

—

Брось. Армия – отдача долга. А здесь моя жизнь. Получится, – значит, прожил не зря. Сорвётся, – придётся идти служить чужим идеям. А эта – наша. И я счастлив, что ты приехал. Тошно одному.

—

А хату купить в вашей деревне можно?

—
Найдём. Или новую построим.

—
Хорошо бы найти хату, в которой жил хороший человек с доброй судьбой. В такой хате все желания сбываются сами собой.

—
Ты прав. Есть такая хата. Я не дал её снести или продать. Берёг для школы.

—
Ты про хату бабы Груни?

—
Ну!

—
Так пускай она и останется для школы.

—
Если такой человек, как ты, в ней поживёт, ничего эта хата не потеряет. Это даже хорошо. Она будет всё знать о наших делах и вместе с нами строить школу.

—
Тогда нас уже трое?

—
Ну, ещё и мои родители.

—
Значит пять? А супруга?

—

Да нету пока.

—

Ты чего это так запоздал? Я – перекасти-поле. Вечно в экспедициях. Мне – некогда. А ты? Ты чего это один? Никого не встретил?

—

Ты думаешь, что моей женой может быть любая женщина?

—

Ну, не любая, но хороших женщин много.

—

Хороших много. А та, что нужна мне, – одна.

—

Да? Ну и останешься девственно-чистым!

—

Вообще, ничего плохого в этом нет. Если уметь использовать правильно накопившиеся желания, которые называют страстью, – можно горы vorочать усилием воли.

—

Да, вот и я хочу поехать в Египет. Думаю, пирамиды именно так и построены. Но ты ведь не намерен использовать свою энергию на стройках пятилетки?

—

Грешен я, батенька! Не могу отказать красивой и страждущей женщине. А их так много!

Услышав от Василя такое, Константин развеселился.

–

Зря веселишься! – серьёзно продолжил Василь. – Это большая беда. Много мужчин живёт в страхе. Неуверенные, загнанные заботами, утратившие страсти и желания, топящие их в горилке, – что могут получить от них молодые здоровые женщины?

–

А ты, значит, – благодетельствуешь?

–

Да нет. Я их не осуждаю. Я вообще не могу понять, почему, если женщина создана для того, чтобы отдавать себя, свою красоту, здоровье, жизнь, – её осуждают и презирают, когда она, не найденная и обделённая, сама ищет себе любовника. Кто имеет право её осуждать? Я её уважаю и жалею. А мужиков, растрачивающих себя на мелкие хлопоты, теряющих свои силы на глупые надуманные проблемы, доводящих себя до жалкого состояния, – не уважаю. А когда ещё и мат слышу, – еле сдерживаюсь от злости. Обливать грязью мать, сестру, жену – ни одна тварь на это не способна!

–

Да ты философ!

–

Часто философы тем и живут, что выдумывают всякие проблемы и законы, которые природа не создавала. Я стараюсь не идти против природы. Любое осуждение женщины вредит жизни.

—
Ну, а как ты относишься к проституткам?

—
Как к спелому плоду, который гниёт, не найдя того, кто его употребит по природному предназначению. Этот плод не виноват. Виноват тот, кто его не подобрал, не помыл, не очистил от гнилья и не выжал из него сок.

—
А вот религии их осуждают.

—
Религии созданы этими самыми философами. Христос не создавал религии. А Марию Магдалину он не презирал и не осуждал. Поэтому эти самые святоши теперь на неё и молятся.

—
Я много раз слышал подобные мнения. Но все, кто так высказывался, в итоге всё равно срывались на пошлость. А вот тебе я верю.

—
И ты не на фабрике собран... Я очень рад, что мы вместе. На следующее утро у ворот хаты бабы Груни появились пятеро подростков.

—
Василь Степаныч! – позвал Виталий, старший из ребят.

Доброе утро, ребята! – выглянул в окно бреющий Кон-
стантин. – Вам чего?

–

А где Василь Степаныч? – спросил хлипкий на вид Бог-
дан.

–

Должно быть, дома, – ответило лицо с пеной на левой
щеке.

–

А нам он сказал, что будет ждать здесь. – Покрытое вес-
нушками лицо Валеры заставило Кота улыбнуться.

–

Значит, сейчас появится. Заходите.

–

Ни! – отказался коренастый и упругий Алексей.

–

Да мы здесь подождём, – утвердил мнение коллектива ло-
поухий Лёня.

–

А вот и он!

Из-за угла показалась фигура Василя. Он нёс вёдра с тряп-
ками, лопату и метлу. Ребята подскочили к нему и расхвата-
ли это добро. Василь зашёл в хату, а ватага ребят, ничего не
спрашивая, стала хозяйничать в усадьбе.

–

Это что за добровольцы? – Кот поставил чайник на

стол.

—

Наши первые ученики.

—

И сколько их у тебя?

—

«Великолепная семёрка».

—

А где ещё двое?

—

Вот начнутся летние каникулы – приедут и эти двое. С них всё и начиналось. – И Василий стал рассказывать:

—

Всё началось с того, что нашему сельскому деду Щукарю, одиноко коротающему свою старость в хибаре на краю села, нежданная внучка привезла на каникулы нежданных правнуков. Эта пара близнецов должна была скрасить унылую старость заброшенного деда. С тех пор деду-таки пришлось забыть про уныние. Просто некогда стало унывать. В первый же вечер Пётр с Павлом дружно утонули в сельском

пруду на глазах у рыбачившего Шила. А в то время как всё село ныряло в поисках трупиков, эта парочка восьмилетних пацанят каталась на колхозном тракторе, который мой батя бросил за бугром на противоположном берегу пруда. Они так бурно проводили каникулы, что в конце недели предсе-

датель Скворода вынужден был от греха подальше запереть сорванцов в конюшне, а моя мама, прознавшая про это, отравила меня спасать детишек. Я взял у председателя ключи, отпер конюшню, оседлал трёх жеребцов и уехал с близняшками в дальний лес. Всю следующую неделю деревня жила спокойной и размеренной жизнью. С тех пор Пётр с Павлом не имели ни минуты свободного времени. Они вместе со мной чинили хибару деда, заготавливали дрова, собирали грибы, травы, копались в огородах Щукаря. А ночами с главным конюхом пасли табун. Вот уже третье лето дети в первый же день каникул оказываются в селе. Теперь сельчане ждут их появления. Им поручают ухаживать за малыми детьми и больными. Я постоянно занимаюсь с ними. Те двое – городские, а эти – наши смельчаки. Попросившись однажды в ночное, уже не могут жить без нашей весёлой компании. Пётр оказался энергетическим донором. Предан и безотказен. Он беспрекословно исполняет все требования, чувствует любое изменение в моём настроении и интересах. Да, пожалуй, и всей компании ребят. Ему верят, и он ни разу не подвёл друзей. Павел же – прямая противоположность брату, энергетический вампир, эгоист и фантазёр. Уже в прошлое лето дети свободно и в любой ситуации входили в транс, видели ауру, качали энергию, распознавали лечебные свойства растений. Пётр безошибочно находит нарушения в организме животных, чувствует и предсказывает опасные ситуации. Павел менее чуткий, зато энергетически более активный. Он

умело качает и накапливает энергию, не чураясь вытащить и у своих друзей, а потом направляет её на выполнение моих заданий. Поэтому он, пока что единственный, кто может притягивать к своему телу предметы и проявляет способности телекинеза. Возможности остальных членов «семёрки» не превышают достижений близнецов.

Два дня понадобилось друзьям, чтобы обустроить хату бабы Груни. На третий вечер Константин Иванович зажил в уже обжитой усадьбе.

Теперь в спальне бабы Груни был его кабинет. Здесь Василь успел соорудить книжные полки во всю стену. Председатель Скворода прознал, что Константин Иванович сын «того самого» генерала. Он подарил ему трофейный письменный стол. Этот стол пылился на складе и ждал, когда председатель унесёт его с собой на пенсию. К столу полагалось кресло, и Степан напомнил о нём забывчивому председателю.

То, что привёз с собой Константин Иванович, могло украсить любую библиотеку. Это были книги на русском, греческом, английском, арабском, латыни, санскрите и иврите. Был даже один свиток на китайском. Кроме литературы духовного содержания всех основных религий мира, были словари, справочники, учебники и монографии по фундаментальным наукам, атласы и основные труды философов почти всех веков и народов. Отдельное место на полке заняли тру-

ды Блаватской и Рериха.

—

Это всё, что я смог взять с собой. Остальное упаковано и ждёт моей команды. Там коллекции похлестче, чем в любом краеведческом музее и даже монастырских хранилищах. Есть даже мощи святых. Это для тебя.

—

Чего это, мощи святых — для меня?

—

Будем восстанавливать «историческую справедливость»!

—

Каким образом?

—

Стоп! Ты мне говорил, что когда историчка начала рассказывать про Сечь, ты увидел, что её рассказ не соответствовал тому, что было на самом деле.

—

Ну?

—

Что, ну? Ты говорил, что видел этих же людей в совсем другой обстановке.

—

Ну?

—

Ты меня разыгрываешь? Ведь это видение пришло к тебе, когда ты был в ночном. Так? — Василь кивнул. — И провёл

ночь на крутом холме. Так вот. Ты мне расскажешь всю эту историю более подробно. Мы её запишем, отошлём в институт истории Украины. Оттуда придёт опровержение. А мы организуем раскопки того холма с участием учёных– историков и докажем, что можно восстанавливать истинную историю при помощи ясновидения.

–

Ну, а мощи при чём?

-

А мощи у меня вместе с описанием бытия праведника. Я хочу узнать о нём всю правду.

–

Фантазёр! Нам нужно думать о методиках воспитания детей с расширенными способностями восприятия. А ты мечешься от эффектного поступка к сенсационному. Зачем? Хватит того, что я дал это интервью. Теперь приходится отвечать на кучу пустых писем, отбиваться от гебистов. Единственная настоящая польза от этого интервью, – что ты меня нашёл. Остальное – вода.

–

Да, я ведь не говорю, что мы этим займёмся сейчас. Надеюсь, что и до этого у нас с тобой дело дойдёт.

–

Надейся, но не отвлекайся.

–

Только один вопрос.

—

Ну?

—

Что за гебисты?

Василь подробно рассказал о визите учёных.

—

А этот кандидат, — спросил Константин, — он, правда, со способностями?

—

Да. Мы поняли друг друга. И это плохо. Я его напугал. Но думаю, что у него хватит ума не мешать мне. Он понял, что я не хочу сотрудничать. Если они появятся ещё, значит, он злобный.

—

И что будешь делать?

—

Не знаю. Там посмотрим.

—

Да шут с ним! Я тебе вот чего хочу показать, — Курочкин открыл дверцу тумбочки и вытащил полевой радиотелефон. — Эта модель несколько устарела для Генштаба, но ещё не появилась в войсках. Нам нужна техника, и она у нас есть, — заявил Кот и открыл другой ящик. Там были портативный диктофон и профессиональная видеокамера. — А это направленный микрофон. — Кот выглянул в окно и позвал

Василя: – Видишь, два мужика разговаривают? – он направил в их сторону микрофон. Через несколько секунд Константин включил диктофон, и из него полился такой мат, что пришлось сразу выключить. – Ну, ты понял...

–

Ух, ты!

–

Это ещё не всё! Я завтра поеду в город и куплю телевизор, компьютер и видеоматрифон. Вот тогда будет почти всё.

–

Здорово!

–

Мы должны работать. И если не фиксировать наши

разговоры, демонстрации, тренинги, то как ты собираешься создавать методики?

–

Я думал, что мы будем ...

–

Мы будем фиксировать весь процесс. А потом, когда решим, что всё обговорено, начнём собирать зафиксированную информацию и создавать из неё методические материалы. Это будут и звуковые записи, и видеоматериалы, и книги.

–

Может, ты и прав ...

–

Я прав. А теперь отдыхаем и думаем, с чего начнём.

—

Хорошо. Спокойной ночи!

—

Пока.

Василь вышел, а Константин включил телефон и набрал номер:

—

Папа! Привет! Как вы там? Пусть мама не переживает. У меня всё хорошо. Обжился. Да ты что? Никого я не беспокою. Мне выделили дом. Да, я сейчас кулак! Приедешь,

—

будешь раскулачивать. Всё? Вопросов нет? Теперь слушай внимательно. Тут есть опасение, что в Комитете заинтересовались способностями Василя. Скорей всего, они постараются использовать его по своему усмотрению. Я хочу обратиться к тебе с просьбой: пожалуйста, поговори с их руководством, чтобы они оставили его в покое. Он не будет с ними сотрудничать. Такого человека заставить невозможно. А он не лезет ни в какие политические интриги. Всё, чем мы собираемся заниматься, — это создавать методики воспитания детей с такими же способностями и открыть для них школу. Я думаю, что там должны понять: это нужно и для науки, и для государства. Папа! Очень прошу. Ты всего лишь тормозни их желания демонстрации силы. Это может только привести к трагедии. Василя невозможно заставить. Он не ведает

страха. Понял? Ну, спасибо! Позвонишь. Ладно. Дай трубку матери. Мам! Ты можешь быть спокойна. Я живу в отдельной хате. Ну, тебе ли не знать, как у вас в Хохляндии выглядят хаты. Беленькая, чистенькая. Кругом сад. Приедешь,

–
отдохнешь и душой, и телом. Я тебя очень люблю! Целую!

С этого момента в комнате Василя снова установился порядок. Однако Степанида опять была озабочена. Теперь её сын дома только ночевал, да и то не каждую ночь. Бывало, что они с другом просиживали за трудами и беседами до самого утра, а то и сутками.

В кабинете Маргарита взобралась в кресло с ногами и стала читать последние записи мужа. Обычно она с лёгкостью исполняла обязанности редактора его текстов. Ей всегда были понятны идеи новых рассказов, зарисовок, простых заметок. Но сейчас Деми явно перегнул – как можно писать о желаниии Князя Земли создать новое мироздание? Дьявол ведь не создатель, а просто один из ангелов?

–
И снова я восхищаюсь Вами, дорогая Маргарита, – Адамбек стоял перед камином, а кресло, которое он только что покинул, качалось в такт словам гостя. – Любой правоверный христианин скажет Вам, что в этом мире идёт борьба между ДОБРОМ (читается – Богом) и Злом, то есть Мной.

Да. Но не до такой же степени... это Ваше единоборство?

—

А почему? – Адамбек подбоченился, и его гордый профиль оказался похожим на изображение великого полководца из иллюстраций к восточным сказкам. – Воевать – так воевать! Что за война без победоносной цели?

—

Боже мой! – с ужасом подумала Маргарита.

—

Значит, зло может победить?

—

Представьте себе! Достаточно низвести Его до моего уровня и ...да запросто! Вот, подумайте. Он сотворил мироздание, создал человека, подобного себе, и

...

отошёл от дальнейших трудов, переложив на людей ответственность и заботы за всё в этом мире. Теперь Он – прошлое. Что Он может ещё? – Только уничтожить этот мир! А я выращиваю поколения новых цивилизаций. Я знаю людей, и они мне подчиняются. У меня вызревают армии таких, как Он. Неужели они позволяют Ему уничтожить свою колыбель?

Маргарита вжалась в кресло. Она зримо представила, как «благодарное человечество» сплотилось вокруг своего «учителя», который повёл это множество человеческих ци-

виллизаций к власти не только над природой Земли, но и ... страшно подумать!.. Ей стало плохо от одной только мысли, что ЗЛО станет владеть миром. Театральная поза Адамбека, его убедительные доводы, вера, звучащая в каждой интонации, не позволили даже усомниться

в осуществимости пророчества.

Несчастливая хозяйка ушла в себя настолько, что перестала слышать своего гостя. Она ругала себя за то, что согласилась принять его в дом, да ещё радовалась, что муж может общаться на таком уровне, даже испытывала чувство благодарности к этому Мефистофелю. Теперь «воплощённое зло» гостит в её доме. Дети... Как она могла допустить его так близко к ним? А теперь она не может прогнать гостя, отнестись к нему неучтиво. Гость – это святое. Хотя, какая тут может быть святость? Но она что-нибудь придумает. Обязательно придумает ...

Адамбек уже давно сидел в привычной качалке напротив кресла Маргариты, и весёлое ехидство играло в его лице. Когда Рита в сердцах разорвала лист, на котором были записаны последние откровения Властелина, Адамбек, умилённый её поступком, закрыл глаза.

—

Не зря я восхищаюсь Вами, дорогая Маргарита. Сначала Вы, в спокойном состоянии ума, абсолютно точно нашли парадокс в теологической системе рассуждений. Какое мо-

жет быть противостояние между Создателем и Его творением? Больше того, Ваше дружелюбное отношение ко мне не позволяет Вам даже думать всерьёз обо мне, как о воплощённом зле. Если Он – ВСЁ, и Он – ДОБРО, то... ?

Маргарита подняла глаза, увидела весёлую усмешку в глазах гостя и:

–

ВСЁ – ДОБРО?.. – выдохнула она.

–

Ну, вот. А «нет худа без добра» – народная поговорка, которая намного мудрее всех трактатов про Сатану. Я, как никто другой, могу рассказать Вам про всевозможные проявления зла. Но в любой ситуации будет справедлива эта поговорка. Добро в чистом виде встречается, но исключительно редко. Зло – никогда. Любой поступок, практически любое событие, несут в себе оба эти начала.

–

А злые люди? – Рита недоверчиво посмотрела на гостя.

–

Люди злыми не рождаются. Души ведь приходят от Него. Люди становятся озлобленными потому, что не все имеют силу духа праведника. Слабы людишки. На страже добра стою я. Это я из одной части слабых и озлобленных делаю убийц, а из другой – их жертв. Одни

отправляются в мир иной, другие – за решётку, как и по-

добает вымирающим хищникам. Это зло. Я ведь допускаю убийства! А в человеческом обществе добрых людей остаётся большинство. Это добро?

Адамбек усмехнулся, когда в руках Маргариты зашуршали обрывки разорванной страницы.

—

Как Вами не восхищаться, когда при таком прекрасном аналитическом уме, вы ещё и настолько эмоциональны!

Маргарита смущенно улыбнулась:

—

А как насчёт вашего соперничества с Ним?.. – Она показала клочки записи недавней беседы.

—

Каждый имеет свою мечту...

«ВЫХОДИТЕ ЗА МЕНЯ ЗАМУЖ!»

Вчера Ольга получила телеграмму, а сегодня пришло письмо от Василия. Она поднялась к себе, вскрыла конверт и стала читать.

«Уважаемая Ольга!

Мне очень захотелось написать это письмо. Если получится написать так, как хочется, – отошлю. Если не получится, значит, так тому и быть. Я уже час дышу на это письмо и никак не осмеливаюсь сказать то, что хочу. Всё время соблазняюсь красиво соврать. Это со мной впервые. Это слабость. Я, кажется, Вам говорил, что ложь – от страха и из трусости. Видно, я сейчас очень боюсь. Вы первый человек, которого

я боюсь чем-нибудь задеть. Но другого выхода не вижу.

ВЫХОДИТЕ ЗА МЕНЯ ЗАМУЖ!

Буду ухаживать за Вами всю жизнь.

Ваш Василий».

—

Вот это да-а-а! – вздохнув, вымолвила Ольга и положила письмо на кухонный стол, за которым сидела. – Лихой Василь на белом коне!.. Интересно, – думала она, – и как это будет выглядеть? Я – крестьянка... Шизонуться можно! Или, может, он думает, что переедет в Москву и будет давать представления? Станет знаменитым гуру? Угу! Так его и ждут здесь. Заглотнут – не поперхнутся. Вмиг спесь собьют, и будет одним неудачником-алкашом больше. Быстро научат врать, лебезить, лизоблюдничать, как это здесь делают все.

С этими мыслями она приняла душ, приготовила еду,

прибралась в квартире, позвонила отцу в Переделкино. Поела. Оделась и вышла. В семь её ждал Стас. Завтра выходной, а сегодня – Стас и театр. Всё по привычной программе.

Когда она вернулась домой, письмо лежало на столе.

«... Буду ухаживать за Вами всю жизнь.

Ваш Василий».

—

«Ухаживать всю жизнь» – сказка! Ухаживают до первой ночи – былль! – она заварила кофе. – У-у-у! – завывла женщи-

на. – А как хочется сказки! Но чтобы жить в сказке, надо быть сказочной принцессой или Золушкой. Для сказочной принцессы я слишком меркантильна, а для Золушки

–

чересчур избалована, – отхлебнув кофе, несостоявшаяся принцесса запела: – «Мой Ва – ся...» – и прыснула в чашку от смеха.

Но что-то было в этом письме такое, что не позволяло дальше смеяться над ним.

Она допила кофе и ещё раз бросила взгляд на письмо.

–

«Это со мной впервые. Это слабость», – прочитала Ольга. – Да, это точно, мужик крепкий! А как прожить в Москве безо лжи? Прибьют при первой же принципиальной стычке. Стоп, – остановила себя журналист. – Надо привыкать к новым терминам: не прибьют, а шлёпнут или пришьют; не принципиальная, а крутая; не стычка, а разборка. Что получилось? Пришьют на крутой разборке. То ли у портного шьют, то ли в механическом цехе разбирают. И всё это на крутой горе. Интересно, как я буду писать письма своим внукам? Во! Хороший сюжет для рассказа-фантазмагории: человек прочитал своё письмо будущему внуку! Волосы дыбом! Ничего не понял! Ну, и прочие перипетии. Запомним!

–

Ольга задумалась. – С чего это я? А! Да! Он не лжёт. Это хорошо. Клёво. Но, тогда и мне нельзя врать. А это, изви-

ните меня, – не клёво, потому что тогда пропадает интрига жизни. При нём ведь даже спрятать ничего нельзя! Не личная жизнь, а витрина. Не пойдёт, батенька! Мы москвички! Нам пристало флиртовать, блистать и. жаль, но это факт – врать. Всегда и везде – врать.

С этой мыслью она приняла душ, совершила все тайные женские обряды и, сбросив халатик, нырнула под одеяло. Ольга растянулась в постели, почувствовала негу, на секунду задержала дыхание, наслаждаясь внезапным ощущением покоя и защищённости, потянулась, зевнула и, свернувшись

клубочком, положила ладошку под щёчку, как учила за-сыпать мама.

–

Врать! – повторила она последнюю мысль. – Врать, что без ума от него. Врать, что он сильный, надёжный. Врать, что с ним спокойно, безопасно. Врать, изображая страсть, чтобы почувствовать себя счастливой женщиной. А кончается эта страсть чаще всего головной болью... У-у-у-у! – взвыла женщина и зарыла своё лицо в подушку.

Теперь Ольге Павловне Нечаевой как ведущей сотруднице основного идеологического отдела «рупора партии» приходилось ежедневно присутствовать на редакционных «летучках». А это обязывает. Приходится с утра надевать строгое платье или костюм. Носить аккуратную причёску и деловое серьёзное выражение лица. Приходится регулярно про-

смагивать «Вести» и слушать «Последние известия», штудировать утренние и вечерние газеты. Иметь своё мнение

–
необязательно, а знать, что «есть мнение», и как оно звучит,

–
стало жизненной необходимостью. А как иначе? Иначе тебя не поймут! А это чревато.

Сегодня очередное, судьбоносное для всей страны, собрание: надо наметить материалы, очертить тематику и характер их подачи с тем, чтобы читатель проникся главной идеей: «Партия своевременно берёт курс на ускорение». Эта гениальная мысль должна пройти на текущей неделе «красной нитью» по всем материалам газеты. Сплести эту «красную нить», сделать её привлекательной для читателя – сложнейшая задача в условиях срывающейся на крик, впервые появившейся на просторах Великой Родины – «гласности».

Ольга много раз была участницей молодёжных посиделок на кухнях старых друзей, у костра на привале или на бардовском фестивале. Ложь, которая сегодня её поразила, не становилась темой таких встреч. Но почему-то именно сейчас её вдруг замутило от казалось бы привычной лжи. Лгало всё! Каждое слово, каждый жест, мимика, звук голоса, последовательность слов и знаков препинания. А когда она представила, что вне этой лжи ничего нет, когда до неё дошло, что всё её окружение, всё, что ей дорого, к чему она

привыкла и без чего себя не представляет, – ложь, у неё закружилась голова. Ольга положила локти на край стола, опустила голову и обхватила её руками.

–

А если убрать всю эту ложь, – подумала партийный

агитатор, собирая всё своё революционное мужество, чтобы не потерять сознание, – что останется?

Одарённая прекрасным воображением, воспитанная в семье талантливого писателя и пианистки, Ольга представила эту объёмную пустоту. Она представила её настолько реально, что даже стол, на который опирались её локти, – исчез. Чем дальше она проникала своим образным видением, тем больший объём пустоты сгущался вокруг неё. Ей захотелось кричать, но, привыкшая к логичным поступкам, она задала себе простой вопрос:

–

А чего кричать, если кругом пустота? Тебя ведь, по–настоящему, никто не услышит. Могут, конечно, сделать вид, что слышат, но это тоже ложь. Пустота не может слышать!

И вдруг, когда её взгляд проник через сотни километров, она увидела сидящего на пне у дороги Василя. Он смотрел ей в глаза и говорил так, что она чувствовала нежное дуновение тепла от каждого его слова:

–

Хочешь? В горы тебя увезу.

Хочешь? Небо подарю и грозу.

Хочешь? Сказки говорить научу.

Хочешь?!

—

Нет, не хочу! — заорала Ольга Павловна Нечаева и, опрокинув стул, натыкаясь на всё, что можно, рванула из кабинета главного редактора всесоюзной газеты «Правда».

ПРОЛИТА КРОВЬ

Сквозь плотно закрытые створки ушей «слуг народа», отгороженных и от страны, и от народа толстыми стенами Кремля, слышались лишь свои идейно-партийные песни. А в это время первые ласточки гласности уже собрались в такие стаи, что их чириканье могло оглушить даже глухого. Когда диссонанс этих двух хоров стал рушить мощные стены Лагерь Социализма, в Кремле решились приоткрыть форточки, в надежде понять мелодии ласточек гласности.

В редакции газеты «Правда» отдел пропаганды опустел в одночасье. Все сотрудники были срочно командированы в столицы союзных республик для «освещения положения дел на местах». Привычно собрав свой рюкзак, Ольга в течение четырёх часов покрыла расстояние от редакции

своей газеты до редакции «органа ЦК КП* Грузии» газеты «Заря Востока».

В конце рабочего дня эта редакция напоминала муравейник. Авторы публикуемых материалов носились с гранками

полос от своих столов к ответственным дежурным; машинистки строчили всеми фалангами своих натруженных пальцев, корректоры вытирали вспотевшие очки, ответственный секретарь, держась обеими руками за голову, приводил в порядок макет номера. Все хотели быстрее попасть домой. И только Демиург Платонович, заведомо пропаганды, излучал самую любезность, радушие гостеприимного хозяина и галантность истинного джигита.

—

Сейчас я Вас познакомлю с сотрудниками отдела, — учтиво открыл перед гостьей двери редакции Демиург Платонович, — а потом мы поедem домой.

—

Почему домой? — удивилась Ольга. — У меня забронирован номер.

—

Вы бывали в Тбилиси?

—

Нет, ещё не приходилось.

—

А узнать город, познакомиться с интересными людьми, услышать неофициальные мнения, найти друзей вам не хочется?

—

Мечтаю.

—

Вот поэтому мы с Марго приглашаем Вас пожить у нас, а не коротать вечера в гостиничном номере чужого города.

—

Неудобно как то...

—

Неудобно отказываться от радушного гостеприимства. А доставить нам радость проявить гостеприимство – это и есть щедрость гостя.

—

Вот так? Буду рада доставить себе и вам удовольствие.

—

Спасибо!

Знакомство с редакцией и сотрудниками отдела заняло не больше четверти часа. Демиург Платонович дал сотрудникам необходимые распоряжения. А перед уходом они отметились у главного редактора.

—

Ну, Деми, ты знаешь, как организовать работу уважаемой Ольги Павловны. Я на тебя надеюсь, – с этим конструктивным и жизненно важным напутствием главного они отправились домой.

**ЦК КП – Центральный Комитет Коммунистической Партии.*

Марго радушно встретила гостью. Пока Ольга обживала гостевую комнату, принимала душ и наводила марафет, хо-

зыева накрыли стол. Этот журнальный столик стоял в гостиной возле дивана. На нём, рядом с бутылками вина и коньяка, лежали сушёные фрукты, орехи, шоколад. Хозяева, одетые совсем не по-домашнему, ели орехи, беседовали, попили мелкими глотками вино и поглядывали на экран телевизора.

–

Вы куда-то собираетесь? – спросила вошедшая Ольга.

–

Мы собираемся поехать на фуникулёр, посидеть на веранде ресторана и полюбоваться видом Тбилиси. Сверху виден весь город. Ведь мы люди ленивые и ходить с Вами по улицам нам лень.

–

Перестань дурачиться! – остановила каламбуриющего мужа Марго.

–

А может, мы просто посидим дома, – нерешительно предложила Ольга, – попьём чай, побеседуем.

–

Вот и побеседуем на фуникулёре на высшем уровне, – звонок телефона прервал его очередной каламбур. – Алё. Диах. Хо. Ки батано. Когда заедет? – Он посмотрел на гостью и снова перешёл на грузинский: – А что мне делать с нашей гостей? Как объяснить? Мы хотели прогуляться на фуникулёр. Хорошо. Пусть смотрят телевизор. Жду. – Он поднял

невесёлый взгляд на дам. – Так, девочки мои милые. Переодевайтесь в халаты, пейте чай и смотрите телевизор. А Вы, Ольга, непослушная гостья. Не хотите на высокий уровень – сидите дома. Я поехал. У меня сегодня ночные посиделки. – Он обратился к терпеливо ждущей жене: – Сейчас водитель подъедет.

–

А... – открыла рот жена.

–

Я на дежурство. Сделай, как всегда. – Он настойчивым взглядом проводил её на кухню.

–

А в чём дело? – заинтересовалась Ольга. – Что-нибудь случилось?

–

Не знаю. Просто по приказу сверху, – Деми с досады ударил ладонью по столу. – У нас ведь никогда не узнаешь, по чьему приказу! Поменяли всю дежурную команду на заведующих отделами.

–

Это серьёзно! Тогда и я с Вами.

–

Я спросил об этом. Но мне приказали Вас стеречь, чтобы никуда не выходили. – Он предупредительно закивал

головой. – Все новости – с экрана. Марго Вам будет пере-

водить и даже комментировать. У Вас с ней разные политические платформы. Вы только не подеритесь, – усмехнулся Деми.

–

Но я командирована для того, чтобы быть в курсе событий...

–

Все новости с экрана. Мне приказали Вас не выпускать из квартиры.

–

Кто приказал?

–

Те, кто боятся за будущее Грузии. Мне объяснили, что любое происшествие с Вами может здорово взорвать ситуацию.

–

А что может произойти?

–

Всё, что угодно. Сейчас всё накалено до предела. – Деми наклонился к уху Ольги: – Введены войска. Боюсь, что будет вторая Прага. Инцидент с Вами может оправдать бойню. Пожалейте нас. Мы ведь Вам лично ничего плохого не сделали? А я, как Смольный, – на проводе. Вы будете иметь все новости из первых рук, – он грустно улыбнулся Ольге. – Клянусь мамой!

–

Хорошо. Я поняла. Можете быть спокойны.

–
С друзьями говорят на ты. Спасибо тебе!

Марго принесла портфель с ночным рационом.

–

Ну, будьте умницами. Не устраивайте политических баталий в моём доме, – наставительным тоном произнёс Деми. –
Миру – мир!

Он поцеловал жену и откланялся.

Женщины переоделись в халатики, накрутили бигуди, намазались кремами, маслами и. ну, делали всё, чтобы быть ещё красивее.

–

Почему женщины ведут себя так весело, так карнавально, когда за ними не следят мужские глаза? – думает любопытный безусый юнец. – Загадка всех времён и народов.

–

Когда каждый день к тебе в постель ложится размалеванная ведьма с рощей рожек под косынкой, больной головой и усталыми ногами, – думает ещё трезвый отец семейства, – приходится удивляться, как до сих пор не спился?

Эти примеры рассуждений должны лишить иллюзий правдоискателей. Ведь они ищут правду, чтобы установить справедливость, которая, с их точки зрения, может быть

только одна. А как она может быть одна, если Создатель сотворил одного человека из двух совершенно непохожих

половинок?

Женщины дружно пообедали на кухне, посудачили и, не стовариваясь, обошли стороной политические темы. Обе уважали главу семейства и чтили его заповедь: «Миру

–

мир!» Однако когда передали, что «делегация женщин численностью почти тысяча человек простояла перед домом первого секретаря ЦК КП Грузии несколько часов, а к ним никто не вышел», – женщины в квартире главного агитатора КП Грузии единодушно предали анафеме такой ЦК.

–

Я не политик, – начала Марго, – а обыкновенная домохозяйка с неплохим гуманитарным образованием. Интеллигент – не профессия. Но как гражданка и грузинка могу предсказать: следующего съезда Коммунистической партии Грузии не будет.

–

Что случилось с большевиками? – отозвалась Ольга.

–

Вымерли, как мамонты. Трусливые твари! Даже женщин боятся.

–

А это значит, что они сами себе не верят. А без веры – какой может быть лидер?

–

Противно! – воскликнула Ольга.

–
Выпьем? С горя.

–
Лей!

–
Вина, коньяка, ликёра?

–
Нет! С горя пьют водку.

–
И я – водку.

–
Всех лгунов и трусливых тварей, чтобы... ну... как это?..

–
Чего ты мучаешься? Не достойны они, чтобы ты на них материлась, – Маргарита проглотила водку и застыла с открытым ртом и огромными удивлёнными глазами. Ольга тоже успела влить в рот свой глоток водки.

–
Это точно! – на выдохе выдала гостья, и женщины поканулись с хохота.

Часа через два, набалагурившись и хорошенько поддав, дамы заметили, что «пора у койку», и разошлись по спальням.

Марго долго не могла заснуть. Дети, Тинико и Тамази, звонили и попросили разрешения остаться у дру

га. Она знала, что этот друг живёт в Багеби*, районе, далеко от центра, но именно это и не давало ей покоя. Мать чувствовала вероятность подвоха. Но супруги решили, что никогда не будут оскорблять детей недоверием, но за ложь будут серьёзно наказывать. С этими мыслями она забылась беспокойным сном матери, ждущей своих детей.

Ольга, утомлённая перелётом, сменой часовых поясов и днём, растянувшимся на целых двадцать часов, легла в заботливо приготовленную гостевую постель и мгновенно заснула. Такой глубокий сон быстро восстанавливает физическую активность и не бывает продолжительным. Поэтому в шесть утра, когда дом внезапно наполнился движением, Ольга уже сидела на кровати.

—

Как вы приехали в такую рань? – задала детям вопрос мать.

—

Ночью позвонила тётка Шотика и попросила его приехать.

Ольга накинула халат, вошла.

—

Эта тётка в истерике кричала, что всех убивают. Мы поехали с Шотиком. Тётка сказала, что она на Хлебной площади. Возле Университета нас остановил военный патруль. Мы развернулись, поднялись на Вэрэ и оттуда попали в Соллаки. Тётку мы не нашли, но такого бегства, истерики, ра-

ненных... мама, что там творилось! – дети заметили Ольгу. –
Здравствуйте.

–

Это Ольга Павловна, – сказала Марго, – папина коллега из Москвы и наша гостя. А это наши дети Тинико и Тамази.

–

Очень приятно. – Ольга растерянно смотрела на молодых людей. – Что произошло?..

–

Русские солдаты воюют с грузинскими женщинами и детьми! – хлёстко, с чувством презрения, выдала Тина.

–

Бегом! Умываться, завтракать и в постель! – прервала мать юношеский порыв. – Простите её, – обратилась она к Ольге, – впечатлительная юность. Что поделать!

–

Какая, к чёрту, впечатлительность! Ты бы видела!..

–

Сахлиши стумариа,** – настойчивым тоном сказала Маргарита. Тинико замолчала.

**Багеби, Вэрэ, Сололаки – районы Тбилиси.*

***Сахлиши стумариа – в доме гость (грузинский).*

Зазвонил телефон. Марго подняла трубку, поговорила с мужем и попросила подойти Ольгу:

–

Слушаю. Да, через полчаса я буду у подъезда. Хорошо. Дождусь Вашего звонка. Пока. – Она положила трубку. – Я выезжаю. Простите меня, ребята. Поговорим, когда вернусь. Я ведь тоже что-то увидеть хочу. Мне разрешили.

Через полчаса «Волга» везла московского корреспондента в Центральный комитет компартии Грузии. За рулём сидел Демиург Платонович.

–

Я не мог себе представить, что вот так жестоко можно расправиться с мирной демонстрацией. Представьте себе: десятки погибших, сотни раненных сапёрными лопатками, тысячи отравленных газом и получивших увечья различной степени тяжести. Это всего лишь из-за того, что граждане требовали дать ответ на вполне законные вопросы. Тут говорят, что это войска спецназа, собранные со всего Союза. Я не могу понять, для чего? Кому-нибудь угрожали физической расправой? Нет!

–

В таких ситуациях выходит правительство и ведёт за собой митингующих.

–

Правительство у нас искусственное. Оно не понимает народ, и народ не доверяет ему.

–

Тем более, надо было пойти и заработать авторитет. Что осталось сейчас от власти? Пшик! Теперь не надо особых

усилий, чтобы опрокинуть власть. Нет! Она сама себя отстранила от руководства республикой.

—

Ладно. Сейчас пройдемся по верхам ЦК и Совмина*. Посмотришь и оценишь своих интервьюеров. Только постарайся, чтобы не стошнило от брезгливости.

—

Постараюсь.

В приёмной ЦК уже были заготовлены пропуска. Это Деми потребовал у главного редактора организовать интервью для Ольги. Однако интервью не состоялось ни с одним из руководителей республики ни в ЦК, ни в Совете Министров.

Они исходили пешком весь центр города. Побывали везде, где была пролита кровь, беседовали с очевидцами. Милиционеры помогали им найти свидетелей, сами охотно давали показания. Город погрузился в траур.

Ольга отослала собранный материал и попросила продлить командировку на две недели.

**Совмин – Совет Министров.*

Через три дня город хоронил погибших. Похоронили беременную женщину, молодую девушку, и у Ольги сдали нервы. Она попросилась домой. Деми взял ей билет ... на Киев. Самолёт улетал утром, а на вечер Ольга заказала разговор с Василём.

— Алло! Василий? Здравствуйте! Я завтра в десять утра

буду в Киеве. Нет. Приехать к Вам не получится. Сможете быть завтра в Киеве? Хорошо. А как мы там встретимся? Жду. Да, в аэропорт Борисполь. Хорошо. Да. Я дождусь. До встречи!

Пока в доме находилась гостья, Деми и Марго исправно исполняли роли радушных и гостеприимных хозяев.

—

Деми, дорогой! – нарушила Маргарита спонтанный, длящийся уже почти трое суток, обет молчания. – Что происходит?

—

Не знаю ... – хмуро потупил голову супруг.

—

И я ... не знаю.

—

Во мне такое чувство, будто я птенец, и меня вытащила из гнезда кошка. Я не могу ничего делать и жду. Жду смерти или чуда.

-Деми! – встрепенулась Маргарита. – Ты меня пугаешь!

—

Не бойсь ... – на лице мужа появилась усталая усмешка. – Просто не знаю, как себя вести. – Деми обнял жену. Прижал к своей груди дорогую головку так, что ухо Марго слышало ритм биения его сердца. Комок в горле изменил тембр голоса: – Я не готов жить в новых условиях. Я не

готов к войне, особенно гражданской. Понимаешь? Врагов у меня нет! Были друзья. Крепкие, надёжные. Теперь и они в таком же состоянии. – В сердцах он сильно хлопнул ладонью о стол. – Я не хочу жить в том, что происходит. Не потому, что это плохо, а потому, что я этого понять не могу. Я не готов жить в новых условиях. Не знаю, как себя вести. Куда применить ту веру в неизблемость устоев, которая давала силы. Мы служили идее и теперь не понимаем: слава Богу, что нас избавили от иллюзий, или надо бороться за идею, чтобы не потерять её, как реальную драгоценность? Я не могу больше ходить на работу и заставлять себя и других верить в какую-то «революцию сверху». Для революции

должны быть чёткая концепция и одержимые исполнители. Идея перестройки – муть. Что перестраивать и, главное,

–

во что? Этого никто не знает. А, значит, и нет никого, кто может быть реально одержим этой новой идеей. Её на самом деле нет! Это пустая отговорка.

–

Тебе кажется, что всех нас обманывают?

–

Нет. Они стараются себя обмануть. Что случилось? Как их бес попутал?

—

Просто, — раздался спокойный голос со стороны каминна. — Что их путать? Они запутались ещё в начале века. — Адамбек встал со своего кресла, и супруги увидели округлившееся, ещё недавно бывшее по-арабски вытянутым, лицо Князя Земли с тёмными пятнами на польсевшем черепе.

—

Перестройка идёт семимильными шагами.

Мы поставили цель, и процесс пошёл. Вы считаете, что цель не особенно явная, — жизнь подскажет, мы примем корректирующие постановления, и процесс пойдёт в нужном русле.

—

А то, что государство устроило бойню, — это как вяжется с перестройкой?

—

Уважаемый гражданин, — руководитель снял очки и, запустив процесс их протирания, продолжил диспут. — Вы, наверное, слышали поговорку: «Лес рубят — щепки летят».

—

Какие щепки? Люди гибнут!

—

В процессе исторических перемен гибли не только люди — страны, народы вымирал, исчезали цивилизации.

—

Во имя чего? Ладно бы в процессе противостояния с вра-

гом. А так – «процесс пошёл» – «щепки летят». Сами себя гробим!

–

Историческая необходимость.

–

Перестаньте валять дурака, уважаемый Адамбек,

–

Демидург закрыл глаза и продолжил почти спокойным тоном.

–

Эта «перестройка» – Ваша затея? «Разделяй и властвуй»

–

Ваш лозунг!

–

Вы мудрый человек. Всё, что делают люди, они делают самостоятельно. – Перед супругами вновь стоял Князь во всём своём великолепии. – Они создали империю безликих, одинаковых народов. Это что? Это взрывоопасная смесь. Мы с товарищем Иосифом старались её держать в равновесном состоянии, чтобы она не взорвалась. Остальные товарищи были менее честными перед собой и легко обманывались

видимым благополучием. Этот, последний, решил ... кто его поймёт, что он решил... скорее всего, просто послушал

своей бред, и он ему понравился. «Процесс пошёл», но не так, как он хотел, а так, как положено ему идти. Я не имею ничего против естественного хода событий.

—

Почему сегодня «естественный ход событий» такой страшный?

—

Я же сказал... Они взяли идею Создателя об общей человеческой душе и извратили её. Единая душа – не одинаковость личностей. Люди приходят с равными возможностями в этот мир «тренажера души», но достигают разных результатов. Идея всеобщего равенства – бред. Смыть результат этой ошибки приходится кровью.

—

А мне как жить?

—

Ты творческая личность. Ты живёшь и творишь по законам гармонии. Не предавай себя. Не ищи того, что тебе чуждо. Живи, как подскажет жизнь. Твори! Теперь многие будут стараться творить. Гласность... Вертеп в искусстве. Держись!

ИСЦЕЛЕНИЕ. ЛЮБОВЬ.

Автандил Джохадзе, ближайший сосед и дальний родственник Наны, матери Льва, проходя мимо калитки, заметил Мишку, возившегося возле машины.

—

Гамарджоба! – поздоровался он.

–

Гагимарджос! – ответил на приветствие Миша.

–

Я вот смотрю, ты много времени возишься со своей машиной, а вчера вы с Леваном ездили на мельницу, и я удивился, как тихо работает двигатель. Он новый?

–

Да какой там новый! Он старше меня в два раза.

–

Так редко какой двигатель работает. Я-то знаю. Уже пятнадцать лет за рулём.

–

Ухаживать приходится, как за ребёнком.

–

Молодец! Ты, видно, хорошо разбираешься в машинах. Вот скажи, что это может быть? Когда еду, – стук такой, как будто стучит кардан. Проверил. Нормально. Думал: подвеска, глушитель, рулевая, редуктор. Всё проверил. Всего три дня, как из ремонта. Сделали, – как новенькая. А стучит. Я уже не знаю, что и думать.

Из машины показалось лицо Льва. Он надевал выстиранные чехлы на сиденье и с этой стороны машины был незаметен.

–

О! – обрадовался Леван. – Автандил-батано! Как дела?

–

Леванчик! И ты здесь! Вот, – сосед начал пояснять Льву тему начавшегося с Мишей разговора, – я вижу, что наш гость хорошо разбирается в технике. А у меня машина после капитального ремонта стучит.

–

Нашего гостя зовут Михо, – представил друга Лев, – а это Авто Джохадзе, двоюродный дядя твоего соседа Зурико.

–

Очень приятно! – хором заявили оба профессиональных водителя.

–

А где сейчас стоит Ваш грузовик, батано Авто?

–

В парке механизации. Я оттуда иду. Машину поставил и домой.

–

Ну, что, Леван? – спросил Миша и опустил капот. – Поедем, посмотрим, что там стучит?

–

Нет, не надо, – остановил ретивого автомеханика Автандил. – Я с утра поеду на элеватор, загрузусь, а потом буду проезжать мимо. Если ещё будет стучать, заеду по дороге, посмотрите. А спросил я так. Может, что умное подскажет Михо?

—

Ты сказал, что всё проверил. Надо послушать, посмотреть. Приезжай, если будет стучать. Одна голова хорошо, а три — совсем хорошо.

—

Заеду. До свиданья!

—

До встречи!

—

Пока.

Вечером после ужина Леночка легла в постель, и Лев, как всегда, решил осмотреть её ногу, наложить повязку с лекарственным раствором. Он не поверил своим глазам: в самом центре злокачественной опухоли появился гнойный нарыв.

—

Има! — шёпотом позвал Лев. — Посмотри.

Старая женщина подошла и взглянула на ногу.

—

Ну и что? — спросила она.

—

Не видишь? Гнойник.

—

И что?

—

Гнойник, — повторил Леван.

—

Вижу. Это очень плохо. Что будем делать?

—

Это очень хорошо, — радостным тоном возразил

Лёва. — Это злокачественная ткань стала гнить. А значит, скоро опухоль переродится.

—

И что из этого? — не понимала женщина.

—

Опухоль станет доброкачественной.

—

И её можно будет удалить? — начала соображать Натали.

—

Не знаю. Наверное. Но злокачественная ткань стала гнить, вместо того чтобы расти. А значит, лечить рак уже не надо. Его и так не станет, сгниёт.

—

А что тогда делать?

—

Надо звать доктора Гогитидзе. Это уже дело классической хирургии. Пусть делают всё, что нужно, лишь бы не допустить гниение здоровой ткани и заражения крови.

—

Дай стул, — сказала старая женщина и облокотилась на стоявшего рядом Мишу. Иму трясло от рыданий. Она дрожала всем телом.

–

Я это увидела! Я это увидела, – повторяла она, опускаясь на принесённый стул, – я увидела чудо своими глазами! – плакала и радовалась женщина.

–

Има! Тебе дать валерьянку? – она мотала головой и рыдала. – У-у-ф! Имуля, родная, остановись, – уговаривал Лев, выливая полфлакона валерианы в стакан с водой. – Пей! – приказал он.

С помощью Мишки Льву удалось влить в дрожащие губы крёстной успокоительный раствор. Има постепенно успокоилась и обмякла, как это всегда бывает после эмоционального стресса. Ребята уложили её в кровать. Лев сделал перевязку Леночке. Они помолилась вместе и, пожелав девушке спокойной ночи, Леван и Миша вышли из спальни. Иму уже сморил сон.

Они посидели немного на балконе. Обсудили ситуацию и договорились, что завтра поедут в Тбилиси. Следующую часть лечения нужно провести в хорошем отделении хирургии, решили они.

Было ещё темно, когда Мишка разбудил Льва.

–

Где живёт этот Авто?

–

Который час? – спросил ещё сонный Лев.

–

Кажется, три. Где живёт Автандил? – настойчиво повторил Мишка.

–

Напротив, через дорогу.

–

Пошли.

–

Рехнулся? В три ночи. Кто по ночам в гости ходит, – ворчал Лев, вставая. – Что случилось?

–

Я сейчас во сне видел, что у него колесо держится на одной гайке. Поедет, – не вернётся. Это у него колесо стучит.

У Левана вмиг прошла сонливость. Ребята оделись и пошли к Джохадзе. Их облаяли все собаки деревни. Их обругала Гулико, жена Автандила. На них поворчал разбуженный водитель злополучного грузовика. Но свою задачу они выполнили: вдолбили в сонное сознание Автандила, что ехать нельзя, не проверив крепления колёс. Он неохотно сказал:

–

Хорошо. Спасибо! Я понял.

Они пожелали ему удачи и вернулись домой.

На обратном пути Миша рассказал подробнее:

–

Ремонтники старались быстро сдать машину и не зажали болты заднего левого колеса. Мне это приснилось, но так от-

чётливо, как будто я лежал под грузовиком. Как он ездил эти дни? Колесо могло слететь. А на наших серпантинах – это явная смерть.

К десяти часам сборы были закончены. Расселись в отдохнувший и обновлённый BMW, выехали со двора. Лев пошёл запирать ворота.

Из-за поворота выехал зелёный грузовик и остановился возле Мишки.

–

Стойте, ребята! – закричал Автандил, спрыгивая из кабины на землю. – Вы куда?

–

В Тбилиси, – ответил Миша

–

Нет! – воскликнул Авто. – Никуда вы не поедете. Сегодня у меня день рождения, и вы мои самые дорогие гости!

–

Хорошо, хорошо! – успокоил его Леван.

–

Вы мне жизнь подарили! Я сегодня снова родился.

–

Рассказывай, – строго сказал Лев.

–

Утром пошёл в парк. Подошёл к машине. Осматриваю колёса. На левом колесе нет трёх болтов. Меня пот прошиб. Если бы я поехал! А? На повороте. На спуске. Представля-

ешь! А я ведь вам не поверил. Спасибо! Вы мне жизнь подарили.

—

Слава Богу! Молодец, Михо! Ты понимаешь, что произошло? – Лев весело подмигнул Михаилу.

—

Вовремя сон приснился.

—

Нет. В результате духовного тренажа у тебя развилось ясновидение, во всяком случае в том, в чём ты профессионал. Это действительно левое колесо, и на нём осталась всего одна гайка. Это не сон, а настоящее ясновидение. Сон обычно намекает на событие. Часто во сне люди видят не само событие, а неконкретное указание на него. Бывает, что видят аллегорию. Ты же видел конкретный грузовик, конкретное колесо и конкретное состояние. Это ясновидение. Я тебя поздравляю! Ты меня поразил. Молодец!

Они проехали перевал и в блестящем настроении покатали по шоссе к Зестафони. Мишка включил радио. То, что они услышали, поразило их, как гром среди ясного неба: в Тбилиси войска разогнали мирную демонстрацию, в результате чего погибло много людей, сотни раненых, отравленных газом ещё не всех выявили.

—

Вай мэ, швило! – воскликнула Има, прижимая к себе ле-

жашую у неё на коленях головку Леночки. – Несчастье в нашем доме!

–

Только на грузинском! – приказал Леван. – Сейчас в Тбилиси переполох. Несчастье. Больницы, скорей всего, забиты ранеными. В онкологию вести её я не хочу. Лучше всего в хирургию. Михо, сколько до Зестафони?

–

Минут двадцать.

–

Хорошо. В Зестафони найди междугородный пункт. Позвоню доктору Гураму. Может, он что-то посоветует.

–

Прибавь звук, – попросила Ната. – Дай послушать. Они ехали молча. Ловили каждое слово. И каждая новая весть отзывалась в их сердцах болью, набатом беды была в мозги. В их прекрасном и добром городе, на их родном проспекте – кровь их близких. Катастрофа случилась без предупреждения. Это шок. Он поражает душу, лишает разума.

Миша остановил машину у обочины дороги и выскочил из кабины. Он обошёл машину. Присел на корточки возле заднего бампера, уткнулся лицом в ладони и задёргал плечами. Через минуту Михаил встал во весь рост. Расправил плечи, вытер лицо, высморкался и залез в кабину.

Леван сидел на своём месте с закрытыми глазами.

–
Швило! Гули мимдис*, – тихо сказала Има.

**Гули мимдис – сердце заходится (груз.).*

Лев открыл глаза и повернулся к ней. Натали Арье сидела бледная и тяжело дышала.

–
Где вода? – Миша подал ему бутылку. – На, Имуля, попей. – Она сделала несколько глотков. Лев распахнул дверь машины. – Дыши!

Через несколько минут бледность сошла со щёк старой женщины, и они продолжили путь.

Из Зестафони Има сначала позвонила Нане и узнала, что среди пострадавших участников митинга нет их близких. Поговорили с доктором Гурамом. Он попросил перезвонить через час. Доктор обещал подумать и направить их в ближайшую больницу к хирургу, достойному доверия.

Мишка нашёл неплохой ресторан с домашней кухней. Здесь, кроме хинкали, шашлыков, лобио, сациви, харчо и других чисто грузинских блюд, подавали грибы и рыбу. Они заказали по порции всего, брали к себе на тарелки то, что хотели, – получилось замечательное многовкусие.

Леночка была в восторге от такого обеда. Она так и не поняла, почему все её спутники в подавленном состоянии.

–
Има, – обращалась девушка к своей спасительнице, – ты

же утром была такой весёлой. Смотри, ты и ребятам настроение портишь своим пасмурным видом. Ты заболела?

—

Ничего, — старалась улыбнуться старая женщина, — мне немного нехорошо. Душа болит. Вот приеду домой — всё как рукой снимет.

Доктор Гурам ждал их звонка:

—

Вы сможете поехать в Кутаиси? — спросил он.

—

Да, — ответил Леван.

—

В городской больнице работает доктор Тамара Георгиевна Васадзе. Эта молодая женщина — прекрасный хирург и великолепный онколог. Она блестящий диагност. Я часто направляю к ней пациентов с сомнительными диагнозами. За несколько лет своей работы она ни разу не ошиблась. Я ей уже позвонил. Ждёт Вас с нетерпением. Леванчик, ты получишь удовольствие от общения с ней. Верьте ей! Она способна понять тебя и правильно оценить ситуацию. Честно говоря, я даже рад, что на этом этапе именно она будет с вами. В субботу постараюсь подъехать сам. Мне тоже интересно.

—

Спасибо, дорогой доктор! Будьте здоровы! До встречи!
Мишка развернул машину, и они поехали той же дорогой, только уже назад, в Кутаиси.

Доктор Васадзе показалась им эталоном женской грузинской красоты. Именно такой представляется грузинская княжна или сказочная фея. Овальное лицо под густой чёрной копной волос мгновенно привлекает взгляд. Тонкий, чуть с горбинкой нос разделяет пару огромных глаз лани с длинными ресницами и томным взглядом. А чётко очерченный рот и раздвоенный подбородок придают лицу ощущение строгости. Так впервые взору Льва представилось лицо, воплотившее понятие «строгой красоты».

—

Калбатано Тamar! – начал Леван, почувствовав, что пауза затянулась. – Я Леван. Господин Гурам сказал, что разговаривал с Вами.

—

Да. Жду вас, никак не дождусь. Где Ваша больная?

—

Леночка! – обернувшись в коридор, позвал Лев. Он распахнул дверь и пропустил входящую. – Вот наша Леночка.

Тамара Георгиевна смотрела на девочку, на её перебинтованную ногу, на цветущее и радостное лицо смиренной праведницы и... растерялась. Ей говорили о саркоме в последней стадии, о невероятных улучшениях в состоянии здоровья больной именно саркомой. Но перед ней стояла здоровая цветущая девушка с перебинтованной ногой. При таком внешнем виде под бинтом может быть только чирей или ра-

на, но никак не саркома.

–

Прилягте на кушетку, – кивнула доктор. – Садись, Леван. Рассказывай!

–

Вот история болезни из онкоцентра Москвы.

–

Дальше! – приказала Тамара Георгиевна, листая документ. – Последняя запись в истории болезни не оставляет надежд. А пациентка жива. Более того – здорова, весела. Вы что? Смеётесь надо мной?

–

Посмотрите больную, – смущённый таким тоном попросил Леван, – пожалуйста, доктор.

–

Повязку снять? – не понимая, о чём говорит Лев с врачом, спросила Лена.

–

Сними, – Лев смотрел в огромные тёмные глаза Тамары. – Господин Гурам ведь Вам рассказал, что я её привёз сюда, помогал ей лечиться, а сегодня нужно сделать заключение о полученном результате.

–

Покажите ногу! – доктор подошла к кушетке, на которой Леночка снимала бинты. Тамара Георгиевна осмотрела ногу, ощупала область около опухоли, задрала

блузку пациентки, прошлась пальцами по позвоночнику. – Дайте её паспорт.

–

Сейчас. Паспорт, паспорт... Вот чёрт, где же он? Вот это да! Потеряли, кажется.

–

А как мне проверить, что это её история болезни?

–

А Вы не верите? – Леванчик начал веселиться, поняв, что победа близка. – Думаете, я ту девочку закопал, а эту подсовываю? Ваш диагноз? На сегодня меня интересует Ваш диагноз по поводу опухоли на ноге этой девушки.

–

Обширный фурункулёз.

–

Лечить будете?

–

Да. Эту больную я буду лечить. Но оформить её Вам всё равно придётся.

–

Спасибо! Как оформлять? В стационар?

–

Да. Вот направление в приёмный покой.

–

Спасибо! Это в хирургию?

–
Да. А вы хотели в онкологию?

–
Нет, нет! Всё. Я побежал, – Леван открыл дверь и позвал: – Има! Останься с Леночкой, а я сбегаю в приёмный покой. Оформлю.

–
Иди, – Има вошла в кабинет. – Здравствуйте, уважаемая доктор Тамара. Я тётя Левана. В каком состоянии наш ангелочек?

–
Ваш ангелочек, – начала Тамара Давидовна, жёстко и с недоверием глядя в упор на старую женщину, – ничем кроме этого фурункулёза в жизни не болел.

–
Какого фурункулёза?

–
Вон того, – доктор кивнула в сторону ноги. – Оставь. Тебе её перебинтуют. Ложись и отдыхай, – обратилась она по-русски к Леночке.

–
У неё была саркома в последней стадии, когда мы с Леваном увезли её из Москвы.

–
Вы уверены, что это именно она болела и именно саркомой?

—

Конечно! Мы с ней пролежали в одной палате не один месяц.

—

Так и вы тоже онкологическая больная?

—

Да. Я запустила рак матки, а врачи упустили момент операции.

—

А история болезни у Вас с собой?

—

Да. Пожалуйста, — Ната отдала врачу свою историю болезни.

—

А как вы чувствуете себя сейчас? — продолжая читать документ, обратилась врач к больной. — Боли частые, длительные?

—

Нет. Болей уже совсем нет.

—

Как?

—

Боли у меня начали проходить ещё тогда, когда мы были в больнице, а с приездом в деревню я вообще забыла о своей болезни. Что значило моё горе, когда рядом умирал вот

такой невинный ангелочек!

—

Можно Ваш паспорт? Он при Вас? А то, может быть, и вы свой потеряли?

—

Нет. Паспорт всегда при мне. Пожалуйста!

—

Ага, а это чьё фото?

—

Это паспорт Леночки. А вот мой.

—

Она вот так и выглядела?

—

Хуже.

—

Придётся поверить, — спокойно произнесла Тамара, а потом резко повысила тон. — Вы понимаете, что сейчас стараетесь убедить профессионала, что он ничего не может, ничего не соображает в своём деле!

—

Почему? Если бы очень авторитетные специалисты не рекомендовали Вас как профессионала, мы бы к Вам не обратились.

—

Но, на мой посвящённый взгляд, то, что случилось у Вас и этой девочки, практически неосуществимо даже самыми

современными методами лечения.

—

Значит, есть ещё как минимум один метод, которого вы не знаете, но которым хорошо владеет мой Леванчик. О, лёгок на помине!

—

Вот документы. Я всё сделал. Бери Леночку, и идите в приёмный покой, пусть её положат, а я отнесу паспорт.

—

Я позвоню. — Тамара Давидовна набрала номер. — У меня в кабинете больная. Привезите коляску и отправьте её в приёмный покой.

—

Спасибо, доктор, — Леван сел напротив Тамар и стал очень внимательно её рассматривать. — Ну, и что будем делать?

—

С чем? С ногой? Заставим фурункулёз поскорее созреть, потом удалим его и залечим рану.

-

Вы будете прогревать её лампами?

—

Да. Как обычно, для провокации развития фурункулёза.

—

Нет, доктор. Это не обычный фурункулёз. Это злокачественная опухоль переродилась в доброкачественную. Ни в

коем случае нельзя допустить провокацию обратного хода. Поэтому, я Вас очень прошу, никаких лучевых процедур.

—
Хорошо. У тебя есть что-нибудь своё?

—
Да. Я могу сделать мазь на основе трав.

—
Ладно. Понадобится, — скажем. А пока, — санитары привезли коляску в кабинет и стали укладывать на неё Леночку, — идите отдыхать.

—
Имуля! Ты пока останься с Леночкой, а мы поищем жильё и заедем за тобой, — Леван не отрывал глаз от прекрасного лица доктора. — До свиданья, Тамара Георгиевна. Спасибо Вам! Я сегодня очень счастлив.

Левану пришлось резко встать, чтобы суметь отвести взгляд от завораживающего лица доктора. Он круто повернулся к Леночке и ... то, что он увидел, заставило его мгновенно поменять свои намерения.

Леночка сидела в коляске с обречённым и покорным судьбе выражением лица. Слезы навернулись на глаза, но она не позволила им хлынуть. Она ещё не знала языка, но уже понимала поведение близких ей людей. Все их мысли и поступки были ей понятны и никогда не вызывали протеста. А сейчас, когда она поняла, что болезнь отступила, когда ей захотелось расправить крылья и, так же как и Леван, радоваться

победе, – её вновь оставляли в больнице чужого города.

–

Стоп! – он наклонился и внимательно посмотрел в окаменевшее лицо девочки. – Так, это фурункулёз. – говорил он как бы самому себе. – Процедур, которые требуют оборудования, проходить не надо. Весь процесс лечения можно проводить дома. Так? – Тамара Георгиевна поняла, что вопрос был адресован ей. Она помолчала, подумала и согласилась.

–

Леночка! Ты меня слышишь? – она не отреагировала. – Мы тебя в больнице не оставим. Поедем вместе искать жильё.

–

Д-г-х-а-р-га-рх-у-у-у! – прорвалось из Леночки. Она схватила Левана и стала биться лицом в его голову, плечи, руки. Истерика высвободила столько энергии, что Лев по

чувствовал боль от стиснувших его пальцев, от ударов головы, от сотрясающей бедную девочку дрожи.

Врач Тамара стояла над Леночкой и вместе с санитаром старалась повернуть её лицо, разжать рот и влить успокоительное. В итоге ей это удалось, и она отступила назад. Леван с окровавленной шеей – следами ногтей вцепившихся в неё пальцев – старался успокоить Леночку. Има стояла за спиной своего Лёвушки и с ужасом смотрела, как бегут струйки крови по шее её драгоценности. Она дотронулась до его шеи,

ощутила на руке кровь и ... Если бы не санитар, который внимательно следил за ней, Натали Арье рухнула бы на пол. Санитары уложили её на кушетку, с которой недавно сняли больную девочку. Доктор Тамара дала старой женщине понюхать нашатырь, похлопала по щекам, увидела осмысленный взгляд Натали и отошла к Левану. Она посадила его лицом к женщинам. Натали старалась сообразить, почему она на кушетке в больнице, а Леночка плакала навзрыд слезами счастья, уткнувшись в ладошки.

—

Спасибо, ребята. Вы свободны, — обратилась Тамара Георгиевна к санитарам. — Коляску оставьте. — Она взяла вату, перекись, йод и подошла к Левану сзади. — Придётся тебе делать укол от бешенства.

—

Да. Я чувствую, что из этого кабинета хирурга для меня есть только два выхода, и один из них — в дурдом.

—

Согласна, — она прижгла ранки йодом. Леван сморщился, но не пошевелился. Врач оценила стоическую реакцию пациента. Она выбросила ватку в корзину и отступила. — А второй?

—

Второго нет, — Леван встал, повернулся к ней, взял её руку, наклонился и поцеловал. — Я здесь останусь. Хочу, чтобы меня всегда касались эти руки, и эти глаза смотрели на меня.

—
Спасибо. Я тронута! Но для этого ты ещё молод.

—
Это у меня судьба такая. Все женщины, которые от меня без ума, говорят, что я молод. Вот, — показал он на Натали, которая старалась сесть поудобнее на кушетке, — чего это она потеряла сознание? Има! Тебя кто-нибудь по голове бил? Нет? Так чего ты грохнулась в объятия двух красивых джигитов? Не надо, не отвечай. Я и без тебя знаю.

—
Ты маленький и несносный трепач. — Арье, наконец, смогла опустить ноги и усесться.

-
Вот. Слышали, дорогая Тамрико? Это говорит женщина, которая, как Вы только что могли убедиться, души во мне не чаёт. Поэтому я понимаю Ваш ответ как разрешение на ухаживание.

—
Твоя тётя права: ты несносный!

—
Ещё бы! Хотел бы я посмотреть на счастливых женщин, которых окружает робкое мужское племя. Человечество вымрет, если мужчины перестанут быть несносными.

—
Философ.

—

Угу. Уверяю вас, Тамрико, я знаю своё место. И Вы скоро убедитесь, что Ваше место рядом со мной.

—

Сколько тебе лет?

—

Будет двадцать.

—

А мне будет двадцать восемь. Я стара для тебя так же, как твоя тётя.

—

Если бы девчата имели столько, сколько имеет моя Имудля, — цены бы им не было. А Вы — само совершенство ... Для меня.

Лев подал руку Натали, и та ступила на пол. Он взялся за коляску, и Леночка подняла на него благодарные глаза. Лев посмотрел на Тамрико и увидел, как из самоуверенной хозяйки своего кабинета она превращается в робкую лань, ожидающую поворота судьбы.

Когда дверь за посетителями закрылась, Тамар перевела взгляд на зеркало, висевшее над умывальником.

—

Ну, что? Подцепил тебя мальчишка? — она выпрямилась. Теперь в зеркале отражалась снежная королева с чёрными глазами и иссиня-черной, вылезавшей из-под белого колпака, прядью волос.

–

Как мы мастерски пригнули головку, – овечка на заклании. Это должно придать ему прыти. А мы чё? Мы – ничё. Мы скромные недотроги. Это он нас совращать вздумал, плохой мальчик! – Тамар прыснула в своё отражение, встала, сорвала с головы колпак и подошла к умывальнику. – Ну, действуй, старая ведьма, – обратилась она к зеркалу. – Это подарок за все твои слёзы в подушку, за все ошибки, за стойкость. Это не ребёнок, это уникальный случай, и я должна ему соответствовать. Я добыю его, и он подарит мне весь мир. Но, – она оторвалась от зеркала, усмехнулась и стала растёгивать халат, – надо будет вести мальчика за собой. Я это сумею. Я пойду на всё, чтобы мне было очень хорошо.

Я это заслужила! А если он больше не появится? Это может означать только, что ты совсем стара. – Тамар бросила своему отражению взгляд, полный презрения. – Тогда я ему этого не прощу! – А что сделаешь? – Уничтожу, – всерьёз сказала женщина, распустила волосы, взяла в руки расчёску ...

В коридоре, у выхода из хирургии, повеселевшую Леночку, Льва, катившего её коляску с лицом растерянного ребёнка, и озабоченно косящуюся на него Иму встретил Мишка. Он извелся в ожидании.

–

Михо! – Леван передал коляску другу. – Идите к машине,

а я возьму рецепты и вернусь. Ждите.

Има схватила его руку и внимательно заглянула в глаза.

—

Не нужно тебе этого, — она настойчиво не отпускала его. —
Поверь. Я ...

—

Ты хочешь мне добра. Я знаю. А я хочу счастья. И ты прекрасно знаешь, что оно того стоит.

Ната потянулась и поцеловала его в лоб:

—

Ты страстный, как твоя грешная тётка. Ты прекрасен!

—

И ты, — он поцеловал её и вернулся в кабинет доктора Тамрико.

В коридоре Леван представлял себе, как войдёт, робко попросит рецепт, который они забыли выписать, и будет смотреть на неё и благоговеть. Он остановился, вздохнул полной грудью и открыл дверь кабинета.

В зеркале напротив двери смотрело на него отражение застывшей красавицы в распахнутом халате с распущенными, длинными, ниже талии волосами. Всё поплыло перед его взором, всё стало нереальным и несущественным. Неумолимая сила притяжения вдруг возникла и сделала своё дело: они слились в поцелуе так страстно и крепко, что стали приходить в сознание только после того, как почувствовали дрожь от напряжения в коленях.

–

Ты моя, – он держал двумя руками её голову и тонул в огромных глазах трепетной лани. Она слегка покачала головой. – Что? – нахмурился Лев. Уголки её рта приподнялись в улыбке. Она кивнула. Он поцеловал её глаза. – Рецепт дашь?

–

Чего?

–

Рецепт.

–

Какой?

–

Мази, – он засмеялся, отпустил растрёпанную головку, сел за стол, посадил её напротив, дал ручку и бланки

рецептов. – Пиши рецепт мази для Леночки.

–

Я не помню, – безвольно опустила плечи Тамрико.

–

Хорошо! – Лев взял со стола её левую руку и поцеловал:

–

Тогда пиши номера телефонов.

–

Каких?

–

Домашнего и рабочего.

Она написала номера.

—

Поехали с нами.

—

Нет. Я домой. Устала, — она посмотрела на него очарованным взглядом, в котором читалось, что не понимает она, откуда взялось это наваждение. — Ты меня утомил. — Тамрико опустила глаза и к своему удивлению увидела, что её рука ласкает его руку.

—

Поехали. Мы тебя подвезём, — чётко сказал Лев, и она восприняла его слова, как приказ. Через минуту Тамара Георгиевна Васадзе заперла кабинет и пошла с ним к машине.

—

Я бы могла вас оставить у себя, но у меня небольшая квартира в хрущёвке. Вам будет неудобно, — говорила Тамара, пока они шли к машине. — А там живёт моя подруга детства. Её муж коренной кутаисец, и у них огромный частный дом с большим садом. Там просто прекрасно. Лена и твоя Има смогут по-настоящему отдохнуть.

—

Да неудобно, наверное, беспокоить посторонних людей.

—

Леван, ты где вырос? — она с ехидцей заглянула ему в лицо. — Когда это гости в Грузии были в тягость? Тем более такие!

—
Какие?

—
Хорошие, – улыбнулась она, – и наглые до беспредела.

—
Ладно. Сама напросилась. Вези, – он посадил доктора рядом с Мишей. – Показывай дорогу.

Машина проехала центральную площадь, завернула в район старого города и остановилась в конце подъёма.

—
Софико! – Тамара зашла за калитку. В глубине большого сада стоял двухэтажный дом с широкими деревянными балконами.

—
Тамрико! Дорогая! Заходи, чего стоишь, – маленькая и аккуратно сложенная хозяйка дома вышла навстречу подруге. – Прекрасный сегодня день. Я так и знала, что произойдёт что-нибудь очень хорошее. Вот ты и явилась!

—
Спасибо, родная. Я не одна.

-
Заходите все.

—
Я тебе своих гостей привезла. Им нужно остаться на недельку в Кутаиси, а родственников нет. У меня, сама зна-

ешь, им будет тесно.

—

О чём ты говоришь! Ты мне гостей привела. Я у тебя в долгу, — она оставила подругу и побежала к машине. — Заходите, гости дорогие. В нашем доме вам будут очень рады.

Лев вышел и поздоровался с Софиго.

—

Можно завести машину во двор?

—

Конечно. Открой ворота и пусть въезжает.

Хозяйка разместила гостей по комнатам и спустилась на кухню.

—

Я тебя сто лет не видела. Рассказывай, как ты? Что нового? Твои всё ещё в Сухуми?

—

Только родители. Семья брата переехала в Тбилиси. Там её родители, родственники. Купили квартиру.

—

А где твоя сестричка Мириам?

—

На твоей исторической родине.

—

Как?

—

Просто. Вышла замуж за посла Израиля и умотала.

—

Вот молодец! Она такая тихая, скромная. Я всё детство её жалела. Ты всегда ею командовала.

—

Зюзя она!

—

Ага. Зато ты у нас... Поэтому до сих пор в девках ходишь.

—

Ой, не сглазь ... – вырвалось у Тамары.

—

Да? Ну, ну, рассказывай. Хотела бы я посмотреть на того, кому ты готова сдаться.

—

Придёт время, увидишь.

—

Когда?

—

Когда придёт время. А твои родители где?

—

В Ашдоде. Есть такой город на побережье Израиля.

—

И Девины родители там?

—

Да. А его сестра с мужем в Дрездене. Там у него родня. Раскидало нас.

—

Ну, и что от них слышно? Устроились?

–

Да. Слава Богу! Правда, говорят, что эмиграция совсем не похожа на туризм. Работают. Все не по специальности. Столько лет учёбы и опыт работы – коту под хвост!

–

Да. Я вот не представляю, как можно уехать в чужую

страну. Здесь всё своё. Уже сколько лет я в Кутаиси, а всё в Сухуми тянет. Там детство наше.

–

Да. Детство. Когда я долго не вижу тебя, то мне кажется, что этого детства и не было. Зато когда ты появляешься, – это праздник. Здесь только мы двое с тобой – из нашего детства. Ни родителей, ни братьев, ни сестёр. Ты у меня самая родная!

–

И ты! – подруги обнялись и даже прослезились.

–

А меня кто обнимать будет? – в дверях стоял хозяин дома. – Муж домой пришёл, а жена обнимается.

–

Деви! Дорогой! Тамрико нам гостей привела.

–

Хорошо. Почему не вижу? Только какая-то фашистская машина во дворе. Я подумал, что уже немцы в городе.

—
Гости сейчас отдыхают. Накроем стол, позовём гостей.

—
Тогда я приведу себя в порядок и принесу вина.

—
Давай, дорогой!

Леван был, что называется «в ударе». Сегодня его день! Леночка больше не больная ... Это такая сказка! Трудно поверить, но победа уже зафиксирована диагнозом ... его Тамары. Его Тамрико! И это тоже сказка. Она действовала на Льва, как красное полотнище на быка. Он не чувствовал усталости и не представлял себе, что в мире есть непреодолимые преграды. Сегодня ему было всё по плечу. Сегодня его день!

Мишка вдруг стал мягким и пушистым, как ласковый котёнок. Когда Лев ему признался, что доктор Васадзе – его мечта, Мишка чуть не заплакал от счастья. Он так сдерживал себя! Он так старался не выдать своих чувств к Леночке! А теперь Миша счастлив – его ангелочек свободен! Он так рад, что можно уже не опасаться обидеть друга, можно ему рассказать, как он любит Леночку! Миша забыл всё на свете и радостно ухаживал за своей мечтой.

Леночка вдруг поняла: она не больная, которую все жалеют, а любимая и желанная. Окутанная вниманием и любовью такого огромного и ласкового красавца, она впервые почувствовала свою значимость и с неприкрытым удоволь-

ствием стала делать то, что раньше не смела позволить себе. Она стала привередничать, капризничать, надувать губки и радоваться от того, что её кокетство доставляет огромному Мишке радость и ощущение сбывающегося счастья.

Только Натали Арье... В образовавшейся пустоте одиночества она исходила физической болью из-за того, что

её идеал, её единственная в этом мире осязаемая победа, радость, смысл жизни – прямо на её глазах бросает свою судьбу великого гения на плаху любви к дьявольски хитрой, жёсткой и эгоистичной, однако царственно красивой Тамар.

Эта боль мешала ей разделить радостный триумф внучатого племянника.

О, если бы Тамар была: лет, ну, пусть, двадцати, наивной и приветливой, доброй и самоотверженной, самозабвенно влюблённой!..

Натали разрывала свою душу на части. Такого приступа душевной боли она не испытывала со времён юности!

–

Леван! – наконец, она решила прервать его. – Я устала. Проводи меня. – И обратилась к хозяевам: – Пойду, прилягу.

Хозяева проводили её с почестями и благодарностью. Леван взял свою дорогую Иму под руку, и они поднялись в спальню.

–

Радость моя! – заранее ощущая бессилие этой попытки,

обратилась старая женщина к юноше. – Я понимаю, что перед такой красотой мужчина не может устоять. Но у тебя жизнь только начинается. Ты должен получить образование. Возможно, придется поехать по свету, чтобы стать настоящим мэтром своего дела. Тебе нельзя так самозабвенно влюбляться. Это тяжёлый груз на шее. Он может потащить тебя на дно.

–

Има! Сколько раз ты влюблялась не самозабвенно? А? Ты кого и от чего хочешь оградить? Спокойной ночи! – он поцеловал свою Имулю, открыл дверь, повернулся и, расплывшись в улыбке, добавил: – Сегодня мы с тобой победители!

Когда он спустился, Миша с Леночкой сидели в саду на скамейке у мангала, а хозяева дома прощались с Тamarой.

–

Мы тебя проводим, – говорила Софико, – Деви, переодейся, и мы ...

–

Не беспокойтесь, дорогая Софико. И господин Деви

сегодня устал от работы и от нас всех. Я провожу доктора Тамару.

–

Я и сама дойду...

–

Нет, доктор, пойдёмте! Пациента надо слушать, – он от-

ворил калитку.

—

Вот Вам ключ, — Деву достал из кармана брелок с ключами и снял один, — мы сейчас ворота закрём.

—

Благодарю за доверие. Спокойной ночи! — Лев подал руку своей Тамрико, и за ними закрылась калитка.

Софико с Деву, обнявшись, пошли к дому.

Леночка, увидев их, с сожалением посмотрела на Мишку, которому показалось, что она сказала с обидой: «Вот. Не успел». Он разинул рот и, возможно, долго стоял бы в таком положении, но Леночка зашевелила губками:

—

Я пойду спать. Тётя Ната не заснёт, пока я не лягу.

Она отняла из его лапы свою ладошку. Ошарашенный

Мишка поплёлся за ней. Возле двери спальни она обернулась и уставила на него строгий взгляд:

—

Ты куда?.. Ваша спальня там.

—

Спокойной ночи! — кивнул он и остался на месте.

—

Спокойной ночи! Иди.

Мишка повернулся и пошёл.

« »

Через неделю после отъезда Имы Леван с Мишей сно-

ва сидели в кабинете Тамары Георгиевны Васадзе. Доктор в это время делала Леночке операцию по удалению доброкачественной опухоли. Когда они остались одни в этом белом, как медицинский халат, кабинете, Мишка сидел за столом, обхватив голову руками, а Лев вольготно развалился на кушетке.

—
Михо! – нарушил затянувшуюся тишину Лева.

—
У-у-у! – заурчал в ответ Мишка.

—
Чего урчишь?

—
Ей сейчас, наверное, очень больно.

—
Да

·
—
Лучше бы мне было больно.

—
Нет, Михо-джан! Женщина никогда не отдаст свою боль мужчине. Вот всё, что хочешь, отдаст – себя, молодость,

красоту, жизнь, – боли своей ни за что не отдаст.

—
Это почему?

—

Есть такая притча. Женщины возмутились: «Почему мы носим ребёнка, страдаем, потом рождем с болью? Сделай, Господи, так, чтобы боли достались отцу. Это будет справедливо!» Бог внял мольбам. Вот она стала рожать, а муж приготовился переносить боль. Когда во время родов вдруг закричал от боли сосед, женщина взмолилась: «Господи, я лучше сама буду страдать»! Бог внял и этой мольбе.

—

Ты пошляк!

—

Не я – пошляк. Притча такая.

—

Это пошлый анекдот.

—

Теперь это называют анекдотом, а в древности люди страдали отсутствием чувства юмора и воспринимали анекдоты, как поучительные притчи. Угрюмый был народ. И ты сегодня угрюмый. А надо радоваться.

—

Чему?

—

Тому, что у вас будут детки в полосочку. Полоска белая, полоска чёрная. Нет. Полоска розовая, полоска ... Слушай, ты какого цвета?

—

Я белый человек! – гордо воскликнул Мишка.

–

Нет, Мишенька, ты каштановый. И дети твои будут в каштановую полоску. А мы с Тамуней будем крёстными родителями.

–

Тебя в церковь не пустят.

–

Тогда будем твоим мальчишкам делать обрезание в синагоге.

–

Твоя Тамара уже делает обрезание. Если всё пройдёт хорошо, я согласен на синагогу.

–

Придётся мне и тебе делать обрезание. – В дверях стояла Тамара с белым колпаком в руке и распущенными волосами. – Всё, Михаил! Быть тебе обрезанным по самые уши.

Что творилось в кабинете доктора Васадзе в следующие пятнадцать минут, может описать только очень талантливый хореограф. А вот когда эйфория прошла, а сбежавшийся персонал больницы покинул кабинет, доктор потребовала гонорар:

–

Я кушать хочу.

–

Что прикажешь?

-
Всё! Самое вкусное и самое красивое.

-
Едем! – воскликнул Мишка, схватил обнимающуюся пару и потащил к машине.

Когда сняли швы, Тамара взяла отпуск, и четвёрка молодых, красивых, здоровых и влюблённых покатила в Тбилиси.

После того как Гурам Гогитидзе узнал о диагнозе доктора Васадзе, его ожидание приезда Льва и Леночки обернулось навязчивой идеей организовать консилиум на самом высоком уровне. Он связался с Соломоном и, когда приехала Натали Арье, организовал контрольную процедуру диагностики её организма. Был проведён весь спектр исследований. Приглашённые им самим врачи не нашли явных признаков онкологии.

Гурам позвонил в Москву доктору Саше и пригласил его на организуемый консилиум. По приезде в Тбилиси Леночке тоже пришлось пройти контрольную диагностику. Поговорив с Леваном, Гурам решил привлечь на консилиум психиатров и патриархов грузинской православной церкви.

Единственное, чего не смог добиться Гурам Гогитидзе, это официального статуса консилиума и участия в нём руководства министерства здравоохранения. Доктор рвал и метал, убеждал, что это только информационное мероприятие, но воспитанные в духе коммунистического шовинизма дети

пролетариата не вняли мольбам профессионального исследователя. Уже уходящий в историю «гегемон идеи всеобщего равенства» оставался слеп и глух ко всему, что противоречило его мировоззрению.

Только после того, как врач поговорил с родителями Лены, он понял, что министерские функционеры не самый жестокосердный народ.

–

Никаких консилиумов я не знаю, – заявил отец Лены. – Пусть эта вертихвостка возвращается домой, если уже выздоровела. Нечего ей по грузинам шляться. Мала ещё! – и повесил трубку.

После этого телефонного разговора великолепный врач, любящий отец, прекрасный друг, никогда не пьянеющий тамада – впервые в жизни валялся на диване смертельно пьяный.

Дай, Бог, ему здоровья!

Аминь!

СУПРУГИ СЛАВЕНКО

Василь положил трубку и уставился на Константина отсутствующим взглядом.

–

Алё! – Кот водил рукой перед широко раскрытыми глазами друга. – Очнись. Чего остолбенел?

–

Оля завтра в десять будет в Киеве.

—

Ну?

—

Я обещал встретить её в аэропорту.

—

Ну?

—

Значит, сейчас надо ехать на вокзал.

—

Зачем?

—

Чтобы утром быть в Киеве.

—

А машина для чего?

—

На машине далеко.

—

Всего-то меньше пятисот километров. За шесть часов до-
едешь, ковыряясь в носу.

—

Да?

—

Да! И не будешь телепаться в автобусах с девушкой, а по-
садишь в машину — и вези.

—

Куда?

—

Сначала в ресторан.

—

Покушать?

—

Догадлив!

—

А потом?

—

Подождёшь, пока я свечку зажгу...

—

Хорошо. Сейчас. Машину вымою, в баньке попаримся, оденусь и .

—

Иди топить баньку, а машину я приготовлю.

Мужчины попарились, и в три часа утра Василь покати́л по сельской улочке. В начале девятого «Москвич» Васи́ля остано́вился на парковке аэропорта Борисполь. Он откину́лся в кресле, представи́л себе место, где произойдёт встреча, запер машину и пошёл в сторону аэровокзала. Искать это место долго не пришлось. Возле здания, из которого выходят прибывшие, нашёл три садовые скамейки. Он уселся на средней, расслабился, снова зримо представи́л встречу и увидел, что подносит букет роз. В таком состоянии туго соображается, однако он всё-таки сообразил, что нужно эти розы ку-

пить. Похвалив себя за находчивость, Василь пошёл искать букет. В киоске были только жёлтые и розовые, а он

точно помнил, что розы были бордовые. Уже дважды обошёл он территорию вокзала. Бордовых роз не было. Постоял, подумал и решил, что подарит цветы, только когда найдёт бордовые.

Было почти десять. Он пошёл к месту встречи, снова сел на скамейку и стал ждать. Рядом подсел бородатый коренастый мужик в белом костюме. Он раскурил трубку и грудным басом спросил:

—

Какой рейс ждёте?

—

Не знаю. Вообще-то она москвичка. Значит, московский.

—

Хм, — хмыкнул сосед, — встречаешь и не знаешь, какой рейс?

—

А зачем? Она будет после десяти, и мы встретимся здесь.

—

Так договорились?

—

Нет. Ну, почти.

—

А кто она?

—

Невеста, – вырвалось у Василя. Он смутился, а потом решил, что кокетничать не стоит. – Моя невеста! – подтвердил он.

—

А почему без цветов? Ты что, старовер?

—

Нет, просто не нашёл роз тёмно-красного цвета.

—

А розовые не пойдут?

—

Нет. Я должен подарить бордовые.

—

Слушай. Тебе же не шестнадцать. Что ты, как юнец? Подари ей любые цветы. Если встретишь без цветов, радости от встречи не жди. Это я тебе как старый ловелас говорю. Поверь. Опыт – вся жизнь и все веши государства Российского. Женщине важно преподнести всё вовремя. Дай ей при встрече хоть хиленький цветочек. Тишина. Даже поблагодари. А вот если подаришь шикарный букет только после напоминания, – рискуешь схлопотать этим букетом по роже. Тебе это надо?

—

Нет, – развеселился Василь, – не надо меня розами по морде.

—

Так беги, покупай хоть жёлтые, хоть какие!

—

Ну ...

—

Что «ну»! Это с женой, может быть, и обойдётся. А невеста. В этом звании они стервенеют. Потом, почувствовав узду, начинают понимать, как ходить в упряжке.

Вдруг он вскочил и ... принял на свою грудь здоровенные лапы мохнатого пса.

—

Роджер! Дружище! От ты какой! Шеен мшобелдзагло*! Здравствуй, здравствуй! – он минут пять трепал пса, который скулил и тёрся возле него, как щенок. Счастливыми выглядели оба. – Всё. Всё! Успокойся. – Он обратился к Василию: – Это Роджер. Где мы только с ним ни были! – наконец, он обратил свой взор на другой конец поводка, который держал юноша призывного возраста. – Ну, Темо, иди, родной, дай поцеловать тебя.

Юноша бросился на шею отцу.

—

Слушай, сын, ты чего это с цветами? Кому привёз?

—

Тебе, – ответил Темури и протянул отцу большой букет бордовых роз, – мама передала.

—

Ну, Медико, Медико! – у него вдруг послышался чуть заметный грузинский акцент, и глаза налились доброй влагой. Он принял букет таким жестом, как будто обнимает нежное хрупкое создание. – А табак она прислала?

–

Да. Весь, тот, что ты порезал.

–

Хорошо! – он повернулся к Василию. – Вот! Это достойный букет твоей невесте. Приезжай ко мне в Зугдиди. Зимой я дома. Спросишь Шалико Туташхия. Нас там двое. Так я – Шалико, внук Дата. Запомни..

–

Спасибо тебе! – принял подарок и пожал протянутую руку Василь. – А я из Запорожья. У меня здесь машина. Довезу. В баньке попаримся. Вы с моим отцом подружитесь. Он тоже весёлый мужик

–

Некогда! Прощай! Невесту не обижай, но и не балуй.

–

Спасибо!

Василь повернулся к выходу из здания вокзала и замер. Прямо на него шла стройная, красивая, с распущенными длинными светлыми волосами родная его сердцу Ольга. Она подошла к нему вплотную, заглянула в его широко раскрытые глаза, обхватила за шею и поцеловала:

–

Отомри, зачарованный витязь! Прекрасный букет, – она взялась за букет, а он не сразу понял, что надо разжать пальцы. – Может, цветы не мне?

–

Тебе, – вдруг ожил Василь, – тебе, родная! – Он снял с её плеч рюкзак, взял под руку и повёл к машине.

**Шеен миобелдзагло – ты сукин сын (грузинский).*

.– Куда едем? – поинтересовалась Ольга, пристёгивая ремень безопасности.

–

Меня научили, что ухаживать надо начинать с еды. По-едем в ресторан.

–

Сейчас утро. В городе рестораны ещё закрыты. Так что, если хочешь меня кормить в ресторане, давай поедим здесь. Привокзальные рестораны работают круглосуточно.

–

Хочешь? Поедим здесь. Командуй!

–

Ага. Приехала бы я, если бы хотела командовать? Обещал ухаживать всю жизнь, – начинай.

–

Ах, так? Поихалы! Держись! – он лихо развернул машину и быстро набрал скорость.

–

Куда мы едем?

—

До дому.

Ольге вдруг стало страшно.

—

Нет! Я кушать хочу.

—

Поедим по дороге.

—

Васичка! – взмолилась Ольга. – Давай остановимся в гостинице. Поедим. Отдохнём. Подумаем. Ну? Чего нам спешить?

—

Да, некуда нам спешить. Мы теперь будем жить размеренно, наслаждаясь каждой минутой. Я тебе обещаю

—

торопиться никогда не будем. Всё станем делать в своё удовольствие. Я ведь начал за тобой ухаживать? Значит, – он посмотрел на неё в зеркало, – распусти морщинки на лбу. Отныне тебе не придётся их напрягать.

—

Что? Я больше не должна буду думать?

—

Почему? Боже, сохрани! Думать ты будешь много, но

—

только о хорошем.

—
А о плохом?

—
А о плохом думать нельзя! Заборонено!

—
Что?

—
Запрещено!

—
А-а-а!

Василь свернул с трассы и остановил машину возле придорожного бунгало.

—
Пошли есть, – сказал он. Выключил мотор. Вышел из машины. Обошёл её. Открыл дверь и подал Ольге руку. Она грациозно вышла, взяла его под руку, и они сели в том бунгало, которое выбрала она. – Что будешь пить? – спросил он, когда заказ был сделан.

—
Шампанское.

—
К мясу шампанское не пойдёт. Шампанское – к десерту. А к мясу мы возьмём красное, сухое. А мне – томатного сока.

Ольга смотрела на своего ухажёра и не могла понять, откуда у этого крестьянина берутся такие манеры. А когда нож

для разделки куска мяса оказался в его правой руке, Ольга не выдержала:

—

Скажи, пожалуйста! Сколько ты ... Откуда ты всё это знаешь?

—

Я обещал за тобой ухаживать? — Ольга утвердительно кивнула. — Это значит, что я должен делать всё, чтобы тебе было хорошо. А тебе нравятся хорошие манеры. Пожалуйста! Будут манеры. Ты удивляешься, откуда они берутся? Я прожил больше тридцати лет. Не глухой, не слепой и не дурной. Я много читал. Кое-что видел. И если мне нужно вести себя, как лорд Уэльский, — нет проблем; как профессор университета, — пожалуйста.

Мгновенно изысканная небрежность в манерах Василя сменилась на напряжённо-въедливый взгляд, втянутую в плечи голову и сложенные ладонями руки. Ольга почувствовала радость и спокойствие. Она даже позабыла о неловкости, с которой задавала свой вопрос. Вмиг всё встало на свои места. А Василь, снова став галантным и спокойным молодым человеком, взял её лежащую на столе руку, повернул ладонью вверх и поцеловал.

Когда подошли к машине, Ольга прижалась к нему вплотную, обняла за талию и, глядя ласково в глаза своего избранника, попросила:

—

Мне сейчас никто, кроме тебя, не нужен.

—

Значит, едем в Киев.

Она потянулась, и Василь в первый раз обнял и поцеловал её.

Ровно через неделю, в это же время из Киева на Запорожье выехал «Москвич-412». В его багажнике и на заднем сиденье кроме рюкзака корреспондента лежало два чемодана.

—

Приехали, — объявил Василь, проезжая мимо стенда с приглашением в город. Ольга, дремавшая рядом, открыла глаза.

Этот день они провели в Запорожье. Подали заявление в ЗАГС, куда неделю назад уже обратились с предваритель-

НЫМ

визитом Степан с Константином. Переночевали в гостинице. Утром, после завтрака, оба посетили парикмахеров. В полдень к гостинице подъехала чёрная «Волга», украшенная свадебными лентами. На переднем сиденье восседали Степан со Степанидой, а сзади Константин и Мария Борисовна, которую Ольга избрала своим свидетелем.

На пороге гостиницы появился Василий Степанович в черном удлинённом костюме под руку с Ольгой Павловной в бело-розовом воздушном платье и фате, которую удерживала на голове корона. В холле звучала музыка в исполнении

оркестра Поля Мариа.

Через полчаса Ольга уже под марш Мендельсона поменяла свою девичью фамилию Нечаева на семейную – Сла-венко.

Как только чёрная «Волга» показалась на просёлочной дороге, церковные колокола зазвонили торжественно и призывно венчальным звоном. Колокольный звон вновь зазвучал радостно, взхлёб, когда в распахнувшихся дверях церкви, как на иконостасе, показались осенённые крестным знаменем молодожёны.

Деревня веселилась! У молодёжи появилась возможность позабавиться, и она не упустила ни одного момента. Крали и продавали туфли невесты, саму невесту, перекрывали улицу, торговались, потешали и потешались сами. Когда к калитке дома Славенко подошла свадебная процессия, зазвучал бархатный добрый бас:

«Под разливы деревенского оркестра Увивался ветерок за фатой.

Был жених серьёзным очень,

А невеста

Ослепительно была молодой».

У порога Степан со Степанидой встречали молодых, и обречённая тарелочка попала под каблук Ольги...

«Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба Пела и плясала,

И крылья эту свадьбу Вдаль несли.

Широкой этой свадьбе было Места мало!

Ей неба было мало И земли...

« »

А на медовый месяц молодая чета Славенко поехала в Москву. Ольге надо было приводить в порядок свои дела и документы. Она заранее ощущала вкус интриги от знакомства своего прямого, как струна, мужа с кручёными представителями столичного бомонда.

Однако медовый месяц прошёл не на Кутузовском, а в Переделкине, на даче мэтра современной русской прозы Павла Никаноровича Нечаева. Автор крупных полотен бытописания современной России «Берендеевка души», «В поисках Сотворителя», «Умора лапотная» жил скромно, но красиво. Он очень дорожил своей независимостью, поэтому мысль пригласить молодую чету в гости не могла прийти ему в голову. Но они с дочкой прекрасно понимали друг друга, и её вопрос, нет ли у него желания позвать их на пару дней в качестве гостей, – не вызвал протеста в душе комфортабельного отшельника. Ему было понятно желание дочери посмотреть, как её суженый будет выглядеть на фоне элитного папаши.

–

Стой! – скомандовала супруга, и Василь остановил машину возле калитки дачи. – Ты подумал, как будешь обращаться к папе?

–

Как прикажешь.

—
А сам?

—
Павел Никанорович, Паша, папочка, папа, папулька, те-
стюшка, – выбирай!

—
Ладно. Сами разберётесь, – она вышла из машины, зашла
за калитку и открыла ворота. Василь заехал, а Ольга побе-
жала в дом.

—
Здравствуй, папа! – Ольга обняла отца.

—
Ну, замужняя дама, где твой супруг?
Василь запирает ворота.

—
Добрый день! – обратился он к хозяину дома. Мужчины
пожали руки и внимательно посмотрели в глаза друг другу.

—
Так, – оценивающе сказал Нечаев. – Тяжёлый у тебя
взгляд.

—
Добрый, – возразила дочь.

—
Тут, видно, кому как, – согласился отец. – Заходите и рас-
полагайтесь. Вы у себя дома.

Спасибо! – Василь вытащил из багажника чемодан и понёс в дом.

–

Будете спать на мансарде, – распорядился отец, – там воздуха больше.

Василь поднял чемодан в мансарду, снял костюм, надел спортивную пижаму фирмы Адидас, на покупке которой настаивала Ольга, и спустился во двор. Нечаев сидел за садовым столиком.

–

Ну, – обратился он к зятю, – как тебе здесь нравится?

–

Я очень люблю деревню.

–

Я тоже, но всю жизнь прожил в городе. Вот теперь, на склоне лет, заработал спокойствие души и тела.

–

А я вообще не хочу покидать деревню.

–

Интересно. А как ты представляешь свою жизнь в деревне с такой столичной волчицей, как твоя жена?

–

Просто. У неё много дел. Ей не придётся скучать.

–

Ты надеешься, что она станет образцовой крестьянкой?

—
Я надеюсь, что скучно ей не будет.

—
Мне это трудно представить, но – тебе видней...

—
А Вы здесь постоянно живёте?

—
Нет. Приходится ездить в редакции, Союз писателей. Часто приглашают на книжные ярмарки, встречи с читателями. Но всегда спешу обратно.

—
И давно Вы приобрели эту дачу?

—
Да вот уже лет пятнадцать. Здесь лучше думается. Я здесь закончил «Сотворителя» и сразу, на одном дыхании накатал «Умору». – Он подумал: – Читал?

—
В армии родители присылали моему другу всё лучшее, что печаталось в литературных журналах. Там я прочёл Вашу «Берендеевку души». А сборник рассказов у нас был в библиотеке. Я их ещё в школе читал. Из рассказов помню про однорукого дровосека. Потом, когда у меня что-либо не получалось, то представлял себе, что я и есть этот дровосек. С тех пор появилась привычка: иду к нашему старому дубу, ложусь под ним и представляю, как надо сделать, чтобы получилось. Пока не увижу всё, до самой мелкой детали, – не

встаю.

—

Помогает?

—

Всегда.

—

А «Берендеевка»?

—

К тому времени я уже разобрался с православием и язычеством. Мне было интересно, как относятся к этим вопросам другие. Так что Вашу «Берендеевку» я прочёл с интересом.

—

Ну! И совпали наши мысли?

—

Сомнения совпали. А результат — нет.

—

Да? — Нечаев уже стал ощущать значимость своего творчества и входить в воды славы. А тут... такой облом! С ним, видите ли, — не согласны!.. — Тогда расскажи о своих результатах.

—

Как? — Василь оторопел. — Как мне вам о них рассказать? Это.

—

Не надо деталей. Принцип. Объясни, в принципе, в чём

мы не сходимся?

—

Да. Пожалуй, — мысленно Василь перебрал варианты простых ответов. Не нашёл. — В принципе? Верить одинаково, даже двум единомышленникам, не удастся.

—

Как это?

—

Просто. Каждый человек — это отдельный мир. Каждый слышит по-своему, видит, чувствует по-своему. Я уже не говорю, что каждый и думает по-своему. Как же два человека могут верить в одно и то же, если они это даже видят, слышат и чувствуют по-разному.

—

Нет! Речь ведь не идёт о частных ощущениях. Речь идёт о принципах.

—

Тогда это не основа совести, а основа идеологии.

—

А какая разница между совестью и идеологией? Совесть ограничивает свободу и направляет деятельность. И идеология работает точно так же.

—

Да. Просто совесть моя, а идеология «наша» — ничья.

—

О! Так ты единоличник! Эгоист?

—
Да

·
—

Тогда, — Нечаев стал подбирать слова, — мы с тобой идейные враги!

—

Нет. Я прост и понятен и для себя, и для Вас, и для всех. А Вы непонятны для себя, а поэтому безоружны перед любым, кто захочет на Вас сыграть свою игру.

—

Интересно! Хотел бы я посмотреть на того, кто осмелится сыграть на мне! Великий Шекспир вложил в уста Гамлета такие слова: «Я не флейта, и играть на мне — нельзя!»

—

Гамлет руководствовался совестью, а не идеологией. Поэтому он сказал правду.

—

Ну, как, мои дорогие мужчины? — Ольга появилась в проёме окна. — Проголодались? Будем завтракать?

Найти более неподходящий момент для того, чтобы обратиться на себя внимание, Ольга не могла. Поэтому её вопрос

остался без ответа.

—

Так значит — я лжец?

—

Нет. Просто Вы воспитаны идеологией. Она для большинства людей заменила совесть. Вот пример. По идеологии мы все равны. А по совести – каждому нужно своё: свой дом

—

не общежитие; своя семья – не коммуна; свои дети, свои родители, свои мысли, чувства, своя рубашка, которая всегда ближе к своему телу.

—

Так что получается? Герои революции, гражданской войны – умирали за ложь?

—

Такой вопрос сам подразумевает ответ. Если ответить «да», получается, что я враг Советской власти. Если ответить «нет», тогда я лгу самому себе, потому что гражданская война – подлое братоубийство. По моей совести, братоубийца

—

преступник, а не герой.

—

Хм. А ты философ! Интересно. Нам с тобой, по–видимому, всегда будет, о чём поговорить.

—

Мне тоже интересно с Вами. Я ведь никогда не разговаривал со знаменитыми людьми, которые думают и говорят от имени народа.

–

«От имени народа», – писатель задумался. – Да. Придётся всерьёз подумать. Я ведь был уверен, что говорю от своего имени. Мне казалось, что я смело высказываю свои мысли. А возможно, что я заидеологизирован – зомби...

–

Идите домой, – Ольга, не дождавшись ответа, поступила так, как ей было удобно. – Я приготовила завтрак.

–

Пошли. Чай остынет, – Павел Никанорович встал из-за стола. Василь открыл дверь и пропустил тестя. – Да, Ольге всегда нравились хорошие манеры. Теперь понятно, чем ты её подкупил.

–

Если бы я купилась на хорошие манеры, так в ГИМО таких кавалеров – воз и малая тележка. Надо было мне в Запорожье ехать?

–

Ну! А что ты в нём нашла?

–

Пообщайся с ним. Тоже найдёшь.

–

Да, уж имел удовольствие. Пофилософствовали.

–

Ну и как? – Ольге нужно было мнение отца. Она ждала поощрения своего выбора.

–
Нестандартен твой муженёк. Это дорогого стоит!

–
Ой! Вась, разлей чай. Я сейчас, – Ольга бросила полотенце и побежала на антресоль. – Вот, – принесла она

бумагу. – Это квитанция на получение компьютера. Вася с Котиком купили и выслали на твой адрес.

–
Компьютер? А зачем он здесь?

–
Это будет Ваша умная пишущая машинка. Научитесь пользоваться – ни корректора, ни редактора, ни черновиков не надо будет.

–
Пап! Это тебе наш подарок на мою свадьбу.

–
Глупость какая-то! Это я должен вам сделать подарок на свадьбу.

–
Ну, папуля! Это само собой, а то – само собой. Одно другому не мешает. Когда Котик купил компьютер, Вася стал на нём работать. На третий день он почувствовал, что писать на компьютере легче. Они поехали и выслали тебе точно такой же.

Это очень удобный инструмент. Вы оцените. Просто нужно привыкнуть.

—
Но ведь он же стоит бешеных денег!

—
Привыкай, пап! Он не транжира, но и не жадоба. Это мой муж. Я буду стараться быть достойной его.

—
Воистину, неисповедимы пути Господни! Кто бы мог подумать, что эта девчонка-сорванец, которая играла не в куклы, а в войнушку с мальчишками, скажет когда-нибудь такие слова? За это надо выпить! — Павел Никанорович открыл буфет и достал рюмки. — В холодильнике графинчик. Это медовуха. Её гонит наш пасечник. Мастер!

Василь достал графин и разлил водку.

—
За вас! — Нечаев посмотрел на дочь, потом на зятя. — Оказывается, приятно сознавать, что рядом с твоей дочкой взрослый человек. — Он привлёк к себе и поцеловал дочь. — И чего это бабы плачут на свадьбах? — Он помолчал, а потом резюмировал: — Наверное, потому что горько. Надо бы подсластить!

Молодые целых два дня с удовольствием подслащали одинокую жизнь Никанорыча.

Только молодожёны занялись предотъездными сборами, как у калитки остановилось такси, и во двор вошла хозяйка

дома. Софа Андреевна прибыла с гастролей.

—

Мама! – Ольга первая увидела её из окна мансарды. – Пап! Мама приехала!

—

Софа! Ты должна была приехать послезавтра, – муж вышел из-за угла дома, где они с зятем заканчивали строи

тельство собачьей будки.

—

Я прослушала автоответчик и поняла, что вся семья должна быть здесь, – супруги поцеловались, и муж взял её сумочку.

—

Умница, Софочка! Умница! Хорошо, что застала ребят. Ещё пара часов, и их уже здесь не было бы.

—

Здравствуй, доченька! – они обнялись. – Ну, где твой рыцарь?

—

Здравствуйте, Софа Андреевна, – перед маленькой холёной дамочкой нарисовался здоровенный детина с топором в левой руке.

—

Ой! Стенька Разин! – воскликнула тёща. – Будем знакомы. – Она протянула свою холёную ручку и уже готова бы-

ла вскрикнуть от крепкого мужицкого рукопожатия. Василь положил протянутую ладонь в свою лапищу, нагнулся и поцеловал её. Софа Андреевна внимательно посмотрела на зятя. – Приятно, – удивлённо констатировала она. – Пойдёмте, Василий, знакомиться.

–

Пойдёмте, – он передал топор тестю, согнул левую руку в локте, приглашая тещу воспользоваться поддержкой. Тёща кивнула и взяла его под руку. – Куда присядем? – галантно спросил кавалер.

–

Вы устали?

–

Нет.

–

Тогда прогуляемся по саду.

–

Как прикажете.

–

Пап, они, по-моему, неплохо спелись. А?

–

Да. Два актёра погорелого театра. Представляются.

–

Разрешите представиться? – в прежнем тоне продолжил Василий диалог с тещей.

–

Пожалуйста. Будьте добры.

—

Я, Василий Степанович Славенко. Из крестьян. Православный. Военнообязанный. Имею высшее образование. Два. Живу с родителями в деревне на Украине, в Запорожье. Имеем хатку, старый «Москвич-412», велосипед.

—

Всё?

—

Да. Если не считать пса, кота, петуха, ...

—

Если у Вас есть ещё и осёл, то я знаю, кто Вы. Вы трубадур из Бремена.

—

Нет. Осла нет. А вот бурёнка, два хряка и выводок цыплят – найдутся.

-

Эх, жаль! Я думала – вы трубадур. Тогда получалось, что моя дочь – принцесса. Из этого следовало, что я королева.

—

Нет. Не повезло Вам с зятем. Не быть Вам королевой...

—

Да. Жаль, – они дошли до беседки в дальнем конце заднего двора. – Пожалуй, присядем.

Тёща зашла в беседку и села. Она решила твёрдым тоном

спросить у этого мужлана: как он представляет себе жизнь с её дочерью в деревне? Она собралась поставить его на место, чтоб он знал это самое место и не высовывался. Придётся его терпеть, но надо всё сделать, чтобы её семья не стала пошмищем для всей Москвы.

—

Можете не беспокоиться, — усевшись напротив тёщи, начал Василь, — никому в Москве не придёт в голову неуважительно отозваться о нашей семье. А жизнь в деревне ни для Ольги, ни для её отца не представляется ссылкой.

—

Вы что, — побледнела Софа Андреевна, — умеете мысли читать?

—

Да, и книжки тоже, — Василь улыбнулся широко и открыто.

—

Я Вас всерьёз спрашиваю.

—

А никто шутить и не собирается. Я просто очень люблю членов моей семьи и стараюсь, чтобы каждый на своём месте, — он сделал ударение на последних словах, — был доволен и жил счастливо.

Светская дама, привыкшая по мельчайшим признакам прочитывать настроение, состояние партнёра и рисковавшая не раз предсказывать судьбу, Софа Андреевна, умевшая да-

же в катастрофических ситуациях оставаться спокойной и стойкой, – сидела с разинутым ртом против зятя, подавшись вперёд и не моргая.

–

Мама, – Василь решил добить кокетливо увядающую красотку, – я счастлив, что мне удалось познакомиться с Вами до того, как мы с Ольгой сделаем Вас бабушкой.

–

Я, я, – тёща впилась руками в стол.

–

Спокойно! – твёрдо сказал Василь. – Расслабьтесь. Хорошо. Я Вам очень понравился. Мы будем хорошими друзьями. Ведь правда?

–

Ты уникален, – улыбнулась тёща. – Пошли. Нас заждались.

Василь вновь согнул локоть, и тёща с удовольствием взяла его под руку.

СУПРУГИ АРУТЮНОВЫ

С момента приезда в Тбилиси Мишку как подменили. Из податливого преданного ученика он внезапно превратился в мужчину, который умеет стоять на своём и взваливать на себя заботы о ближних. Он жёстко заявил, что Леночка отныне не особенно нуждается в присмотре Левана и Тamar и может жить у них в семье под покровительством его матери

Генриетты Грантовны.

В доме Арутюновых давно позабыли, что входная дверь должна иметь ключ и её необходимо запирать. Щеколда на внутренней стороне высокой дубовой створки защёлкивалась на ночь, и то не всегда, а с утра и до отхода ко сну дверь только иногда прикрывалась.

Мишка с Леночкой вошли в квартиру бесшумно. Она шла за его широкой спиной и, когда мать, занятая мытьём посуды, обернулась, то увидела только своего сына.

—

О! – воскликнула краснощёкая матрона, – слава Богу, что вспомнил дорогу домой! Я должна кормить твоих собак и ругаться с соседями, чтобы не выбрасывали твои железки? Если бы я ещё знала, где ты шляешься, и какая мне от этого выгода?!

—

Вот такая, – Мишка поцеловал мать, и она вдруг увидела маленькую светленькую, ясноглазую мордашку на высоте своей груди.

—

Здра-а-авствуй, девочка! – впервые в жизни заикнулась мадам Грантовна. – Ты чья?

—

Моя, – гордо ответил ей сын, – это моя Леночка. – Он прижал девушку к себе и нахальным взором посмотрел на растерянную мать.

—

Это ... ты привёл мне дочь?

—

Да

.

— Цаватанем*! — воскликнула наконец-то прозревшая наследница баронского здоровья и протянула руки. — Иди ко мне, моя цыпочка. Ты моя маленькая. Этот верзила пусть тебя не пугает. Я всегда тебя защищу. — Леночка растерянно посмотрела на своего избранника и сделала шаг навстречу большим и сильным рукам Генриетты. — Как ему не стыдно!

**Цаватанем — дорогая (обращение, арм.).*

Обманул такую маленькую куклику. Ты мой куклик-джан! Не бойся. Я тебе, ... ему покажу, как обижать маленьких. Иди! Я сейчас тебя кормить буду.

—

Здравствуйте, — пробормотала утонувшая в объятьях живой копии мадам Грангузье копия Дюймовочки.

Михаил Арутюнов испытывал бесконечное блаженство. Эти две женщины и есть смысл его жизни: её начало, радостный и буйный расцвет, а вместе они для него — осознание благодатной неги от полноты счастья.

Елена Чадова, только что владевшая ласковой и податливой горой, готовой защищать её от всего мира, теперь оказалась накрытой огромной массой теплых и мягких грудей.

–

Чего стоишь? – прижав к себе Леночку, закричала Генриетта на сына. – Ходишь где-то, гуляешь. Я что, обязана за твоими собаками смотреть? Иди, покажись им, чтоб не забыли.

Мишка схватил Леночку за руку и выдернул из-под мамкиных грудей.

–

Пошли. Я тебе моих собак покажу.

–

Ах-а-ай! – вздохнула мадам Грантовна. – Дети. Сейчас захотят делать детей. Они не знают, что пока я жива, у них ничего до свадьбы нэ будет.

И уже через неделю Генриетта Грантовна поженила своих детей – они расписались в местном ЗАГСе.

НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

Вадим гонял по Москве, созванивался, договаривался о встречах, посылал и принимал факсы, часами просиживал с Димой Хволесом. После того, как Розочку представили коллективу фирмы, Вадим погрузился в создание большого финансового холдинга.

А Роза не особенно любила светиться на своей работе. Там и без её участия всё шло своим чередом. Крох прекрасно управлял фирмой и с удовольствием проводил время в беседах с Розой, стараясь заинтересовать её и вовлечь в дело. Она со вниманием слушала его рассказы и пояснения, но

отказывалась от любого предложения взять на себя часть забот Кроха.

-

Некогда мне, Крох, – заявляла она, – некогда! У меня дом, муж. За ними требуется уход. Это время. А его мне не хватает.

Так, появляясь к десяти, в двенадцать она выходила из кабинета и давала секретарше ценное указание:

-

Ирочка! Я пошла. Веди себя прилично. – Закрывала за собой дверь, садилась в машину и мчалась домой. – Боренька, – обращалась она к водителю, – заедешь на рынок и купишь всё вот по этому списку.

-

Твой Боренька просто прирождённый хозяин, – говорила она Вадиму. – Он прекрасно выполняет все поручения, привозит отличные продукты и всегда укладывается в выделенную сумму. Представляю, как он хозяйничает дома. Что делает его жена рядом с таким хозяином?

-

Ничего. Эта жена бросила его и дочку. Ребёнку тогда было всего полгода.

-

Господи! Как же так? А сейчас сколько девочке?

-

Года два.

После этого разговора Роза старалась, по возможности, не гонять зря водителя.

Зазвенел телефон.

—

Слушаю. Ольга? Ты откуда? Когда приехала? Ах, даже так? Ну, и когда познакомишь с мужем? Хорошо. Я прямо сейчас позвоню Вадьке, чтобы был вовремя. Пока.

—

Приехали, — объявила Ольга и вынула ключ из зажигания. — Это наш двор, а это наш дом.

—

С приездом! — поздравил Василь.

—

Ты не против того, чтобы вечером к нам зашли мой друг детства с женой? — спросила Ольга.

—

Ты же знаешь, — всё, что связано с тобой, мне интересно. Твои друзья — это интересно.

—

Тогда я сбегаю в гастроном и куплю что-нибудь к вечеру. Торт, шампанское.

—

Молока не забудь.

—

О! Вот в этом вы с Вадькой похожи. Он тоже молоко лит-

рами пьёт.

—

Значит, подружился.

—

Я пошла. А ты приготовь что-нибудь поесть. Проголодались ведь. Хлеб я куплю. Всё остальное – в холодильнике и этом шкафу.

Василь порылся в шкафу. Крупы, макароны, чай, кофе,

какао, приправы. В холодильнике интереснее: колбаса, ветчина, яйца, овощи и даже бананы. Наверняка Софа Андреевна постаралась. Во! Нашёл кусок сала. Боже мой! Такого худого сала он в жизни не видел. Отыскал сковороду, кастрюлю и начал стряпать.

—

Вась! Ты так здорово готовишь! Для чего тебе жена? – спросила Ольга и положила голову на колени мужа.

—

Я всё могу. Ничто человеческое мне не чуждо.

—

«Вот за это я тебя люблю-у, да-да...» – пропела Ольга.

—

А ты хулиганские песенки поёшь.

—

И мне ничто человеческое не чуждо.

К семи часам замурлыкал телефон.

–

Алло, – сонно выдавила из себя Ольга. – Конечно. Пусть берёт. Вадьку без гитары я в жизни не видела. Ждём! – Она встала с дивана и пошла искать мужа. Василь сидел в кабинете и что-то читал.

–

Что читаешь?

–

Солженицына. Очень хотел прочесть. Нигде не мог найти.

–

Ну, и как?

–

Никак. Я не понимаю, как он, пострадавший от власти великой державы, вновь мечтает о великом государстве. Государство великое не для души – для власти. В великом государстве может быть только власть силы. Она не считается с человеком. Это закон. Тут не Сталин – так Гитлер, не Гитлер – так президент США.

–

Ну! Штаты – самое демократическое государство.

–

Не верю. Там своеобразное насилие, которого мы просто не понимаем, но оно реально есть.

–

Может быть. Пошли на кухню. Сейчас подойдут ребята. Звонок в дверь застал их в коридоре.

—

Здравствуйте! Вот вы какой! Начитаны, наслышаны! Идём на кухню? Это вам: цветы жене, а коньяк мужу! — наперебой говорили гости.

—

Меня зовут Вадим. Мы с Олечкой с одного горшка.

—

Василий.

—

Василий Степанович Славенко. Давно уже знакома с Вами. А я Роза.

—

И я знаком с Розой и Вадей уже не первую неделю.

—

Тогда — на «ты»?

—

Давно пора!

—

Идите в гостиную. Поговорите, а мы с Розой похозяйничаем, — распорядилась Ольга.

—

Как Москва?

—

А я её ещё не видел. Долго ехали по ней до дому. Шумная.

—

Непривычно?

—

Я люблю деревню, лес. Там душа отдыхает, и работать спокойно. В городе, — как в армии: за тобой надзирают. Тяжело.

—

Интересно. Я как-то не задумывался... Точно. Как под колпаком.

—

А ты бизнесом занимаешься?

—

Да. Закончил финансовый. Тут перестройка. Никогда не думал, что стану бизнесменом. Понесло.

—

Судьба?

—

Нет. Старая знакомая решила выслужиться перед руководством. Подставила меня. Я выполнил задание её партийного босса. И понеслось!

—

Ну, и как сейчас?

—

Сейчас я на распутье. Ищу сферу деятельности. Создал финансовую группу. В ней два банка, брокерская служба на валютной и сырьевой биржах и трастовая компания.

—

Ну, ты меня забил. Всё бы ещё ничего, но эта трастовая компания! Банки, биржи, брокеры – и это не по-русски. Хоть про трастовую компанию расскажи.

–

Прости. Это термины специальности. Не все обязаны знать. Я не учёл.

–

Да, ничего. Ты объясни. Мне это интересно.

–

Правда?

–

Ну! Мне ведь жить в этой перестройке. А мы знаем только сберкассу и кассу взаимопомощи. Никаких банков, брокеров, трастов.

–

Ладно! Начнём сначала. Банк – это кошелёк. Тот, кто держит деньги в кошельке, должен их охранять. Поэтому банку платятся «банковские услуги». Ибо даром никто не работает. Биржа – это рынок, базар. На базаре все не поместятся, давка начнётся. Там работают купцы. Они покупают и продают по заказам своих клиентов. Им клиент платит за «брокерские услуги». Этих купцов называют бро– ке– ра– ми. Не путай! Всё, что тебе не нужно для жизни, но ты

хранишь и надеешься продать – это капитал. Деньги, дома, земли, машины, порванные носки – хранишь, значит, ко-

пишь, создаёшь капитал. Капитал предназначен для торговли. Значит, это товар. Товар надо охранять, рекламировать, продавать. Чтобы не держать капитал дома, люди сдают его на хранение и управление – в траст. Трастовые компании. Сдаёшь свой капитал и говоришь, что с ним делать. Они выполняют тра-сто-вы-е операции. Всё.

–

Хорошо быть специалистом. В двух словах всё объяснил, а я сейчас сутки буду настраивать свои мозги, чтобы понять. Пока я только понял, что ты всё это собрал в одну группу. Так?

–

Да. Я создал такой финансовый кулак. Но он оказался никому не нужен.

–

Потому что ещё не созрели бизнесмены, да?

–

Молодец! Самое то! Нет капиталистов, нет ещё рынка. Ничего нет. Ну, мои банки сейчас работают, как отделения при госбанке и сберкассе. Брокерская контора работает с Нью-Йоркской биржей на капиталах моих и моего друга и компаньона. А вот трастовой компании не с чем работать, кроме наших капиталов. Никто не вкладывает. Нет в стране капиталистов. Нет людей, у которых есть капитал. Стараюсь убедить государственные структуры, – бесполезно. Они хотят взяток, а не прибыли с капитала. Нет у людей капитала.

—

Значит, ты бежишь впереди телеги. Подожди. Ты стал капиталистом, и другие подтянутся.

—

Ты прав. Придётся пока играть на свои. Всё равно это интересно. А ты? Что ты думаешь делать?

—

Я? Хочу учить детей жить в этом мире, а не в придуманном.

—

Это как?

—

Знаешь... Нет ещё такой науки, которая придумала бы для моих мыслей правильные слова. Вот мы с Константином, это мой друг, и решили создать такую науку в виде методики обучения.

—

Я знаю то, что написала и рассказала о тебе Ольга. Ты владеешь уникальными способностями. Ваша методика об этих способностях?

—

Да. Я знаю, как их развивать.

—

Ну, так открой школу. Назови её как-нибудь, вроде «школа экстрасенсов».

-

Для этого нужно разрешение. А для разрешения надо представить методику. Вот над этим мы с Константином и работаем. Современная наука не признаёт таких слов, как аура, биополе, экран, информационная основа мира, Создатель, душа. Всё это они считают мифами, предрассудками, религиозным бредом.

-

А по-твоему?

-

По-моему, основой мира является информация. Это дано в библии. Мир был создан Творцом словами: «Сказал Он да будет... – и стало так».

-

И ты в это веришь?

-

В то, что Он сказал? Не знаю. Может, не сказал, а подумал. Мне Он не говорил этого. Но в то, что есть проект мироздания, – верю, и даже знаю.

-

Ты знаешь проект мироздания?

-

Я знаю, что он есть. А его пониманию мешает вера людей в экран, который называется материей. Они думают, что за экраном ничего нет. А за этим экраном и находятся те образы, которые отображает экран.

—
Как в телевизоре?

—
Ну . пусть пока будет такая модель. На самом деле она сложнее.

—
Значит, всё, чему учат религии, – правда?

—
В принципе, да. Но за тысячи лет религиозные знания раздулись для целей служителей культов. Теперь религия больше грешит бытописанием мира Земли, чем когда-нибудь. Она больше похожа на идеологию.

—
А есть та часть религии, которая похожа на науку о мироздании?

—
Есть. Такая часть называется Каббалой. Но она написана в понятиях людей, живших тысячи лет назад. Поэтому нам трудно её понять. Кроме того, в ней записаны и многие предрассудки тех людей. То же самое и с египетскими свитками, тибетскими верованиями.

—
А что, наши учёные глупее древних мудрецов?

—
Нет. Они просто исследуют земное. А эта наука за гранью их ощущений. Кроме того, снова разница в терминах. На-

пример, я знаю, что есть кошелёк, купец, рынок, доверенное лицо. Но вот банк, брокер, биржа, траст – это непонятные мне термины.

–

Но я же смог перевести их для тебя.

–

Только потому, что я ещё жив. А поколению, которое будет жить в мире без денег, ты не сможешь этого объяснить.

–

Я вот тоже думаю, что деньги отомрут. Останется понятие капитала, как меры возможностей человека.

–

Вот и объясни им, что такое купец или кошелёк.

–

Слушай, Василь! А чего бы тебе не объявить о создании новой религии?

–

Мне не по нраву любая идеология. А религия – это, скорее, идеология, а не описание сотворения Мира. В религии есть идол. Даже у каббалистов. А иудаизм построен на основе каббалы, только уже в форме идеологии. Они уделяют больше внимания ограничениям, чем свободам.

–

А твоя методика будет учить ...

–

Абсолютной свободе в рамках законов гармонии – законов взаимосвязи образов.

–

Ребята! – Ольга решила, что мужчинам хватит философствовать. – Нам уже скучно!

На кухне были светские сплетни, анекдоты, песни. Уже за полночь гости решили уйти.

–

Молодец Ольга! – сказал Вадим. – У тебя уникальный мюзик.

–

Знаю.

Весь следующий день Василий провёл в квартире один. Он перерыл почти всю библиотеку, сгрыз все сушки и фрукты, выпил много чая. Ольга бегала по своим делам в редакцию, паспортный стол, магазины. В отделе культуры редакции она выпросила контрамарки в Большой театр, на Таганку и в кукольный Образцова. Так что культурная программа на неделю была свёрстана.

–

И нам, грешным, есть, чем удивить Вас, господин чародей, – думала, улыбаясь про себя, Ольга.

При полном отсутствии каких бы то ни было планов и представлений о будущей книге рукопись больше походила на поток скачущих мыслей. Демид не утруждал себя особой

заботой о соблюдении последовательности или увязывании времени и места событий.

Чуткое и доброе сердце Риты всегда билось в унисон интересам мужа. Поэтому она легко наводила

порядок в его творческой мастерской. Она собирала и соединяла разрозненные зарисовки и компоновала их в единое повествование.

Когда Деми прочёл отредактированный Ритой текст, он искренне удивился, обхватил голову руками, и вихрь противоречивых мыслей наполнил её.

—

Послушайте, маэстро, – лёгкой ироничной улыбкой Адамбекрешил успокоить сомнения автора, – Вы творческий эгоист. Поверьте, я хорошо разбираюсь в человеческой психике. Больше того – я только в ней и являюсь настоящим специалистом высочайшей квалификации. Вы себе даже не представляете, до какой степени это является абсолютной правдой. Вы нигде не найдёте моих следов, кроме как под черепной коробкой гомо сапиенс. Там мой космос, мой офис, моя кухня.

Демиург слушал, разинув рот, опешив от сознания того, что получает величайшее откровение от первоисточника.

- Да, да, – гость хозяйским жестом открыл бар, плеснул в пустой фужер коньяк и подал владельцу дома. – Выпейте. Это Вам сейчас очень полезно. – Он подождал, пока Демиург

пригубит коньяк. После того как жидкость произвела ожидаемый эффект расслабления тела и умиротворения мыслей, Адамбек продолжил.

Тон его речи всегда отличался конкретной интонацией, а сейчас он стал звучать жёстко, как приговор:

—

Итак, как уже было нами сказано: «Вы творческий эгоист». Вам, видите ли, недостаточно передать читателю смыслиобразы Вашего произведения. Вам маловубедительной форме представить читателю свою самую невероятную идею, заставить его поверить в реальность создаваемых Вами героев, ситуаций и образов. Вам необходимо ещё и передать ему сложность творческой кухни, да так, чтобы он удивился и преклонился перед мощью Вашего творческого интеллекта. Вот как бы недостаток этого Вас и смущает в сотворённой Ритой редакции. А ведь она действовала в строгом соответствии с высказанными Вами интересами. Это Вы пожелали написать роман, который прочтут и правильно поймут миллионы. Так вот. То, как скомпонованы Ваши рассказы, полностью отвечает принципу простого и доступного повествования.

Автор должен был признать справедливость

слов Адамбека. Он лишний раз убедился в чёткости суждений прототипа героя своего романа.

—

Я вот люблюсь, – гость вертел в руке стопку печатных страниц. – Почти две сотни страниц прекрасного текста. Браво, маэстро!

–

Похвала из Ваших уст дорогого стоит. Уж мне-то известна Ваша строгость в оценках.

–

Правда – не лесть. Её не стыдно и произносить, и слушать. Заслужил – получай.

–

Что-то мне не по себе. Вы не будете против бокала шампанского? – писатель открыл бар. – Нет. Шампанского нет. Есть коньяк.

–

Можно. Собираетесь отметить триумф? Ужже?

–

Ну, зачем так? Я далёк от нарциссизма. – Автор с улыбкой подал критику бокал. – Просто Вы открыли кампанию литературной критики нашего творчества. Вот за это и выпьем!

–

А скромностью маэстро не страдает, – лукаво заметил критик.

–

С чего вы это взяли?

–

Вы сказали: «...Нашего творчества». Я так понял, что «Нашего» – это с большой буквы.

–

Ну, что Вы! Роман – результат не только моего труда. Где бы всё это было без моей Риты? Я-то делаю самую интересную часть, а ей достаётся рутинная. – Он секунду подумал. – Нет. Она все тексты переписывает и компокует в строгое повествование. Так что, скорее, я делаю только эскизы, а она создаёт полотна.

–

Тогда позовите её. Пусть и она послушает заслуженную критику.

Писатель вышел и вернулся вместе с Ритой. Она увидела бокалы на столе и всплеснула руками:

–

Вы пьёте, и нечем вам, беднякам, закусить.

–

Ничего, – попробовал удержать её критик. – Мы только коньячку. По чуть-чуть.

–

А коньячок без фруктов и сладостей, – что бальзам без водки. Я сейчас.

В мгновение ока она вернулась с подносом, полным десерта.

–

За что пьёте?

–
Отмечаем открытие кампании критики нашего

литературного творчества, – Деми подал Рите бокал.

–
А откуда взялась критика, если не было публикации?

–
Я прочёл все рукописи и имею право оценить литературное произведение, в котором прототипом одного из героев являюсь сам?

–
Безусловно! Ну и как Вам уровень мастерства? – лукаво спросила хозяйка.

–
Мастер – есть мастер.

–
Так выпьем за мастера и его творчество! – провозгласила свой тост Рита. Зазвенели бокалы.

–
Вот, – продолжал критик, – а мастер говорит, что он пишет только эскизы, а картины создаёте Вы, уважаемый редактор.

–
Ну, не совсем так, – возразила Рита. – Он готовит блюда, а я сервирую стол.

–

Хотел бы я посмотреть на состояние блюд, для которых не был накрыт стол. Так что, дорогая пани, Вы своим творчеством вселяете Живой Дух в его мастерство. Я предлагаю выпить за Вас, как за воплощённую Любовь – Живительную Силу всех Творений.

—

Спасибо! – благодатное сияние света любви вспыхнуло в глазах Маргариты. Звон бокалов в этом сиянии зазвучал, как Перезвон Колоколов Вечности. – Я вас оставляю. У меня ещё много «творений, которые ждут приложения моих живительных сил».

Она вышла и унесла с собой недопитый бокал благодарственного тоста.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПЛОДЫ СТРАХА (Два года спустя)

ЗАМУЖНЯЯ ЖЕНЩИНА ЛЕНОЧКА

Всё это лето Леночка с Михаилом провели в деревне, вынашивая планы торжественной церемонии венчания в церкви. Отец Георгий оказался сыном Автандила Чхеидзе, так что эта пара не была обделена вниманием пастыря.

После вечерней молитвы отец Георгий каждый вечер посещал невенчаных супругов. Он не вёл с ними богословских занятий, хорошо понимая, что наставительные разговоры не способны возбудить интерес к религии у молодых лю-

дей. Священник упивался в их компании атмосферой любви и добра, которая исходила от этой пары, а заодно рассказывал, как будет проходить обряд венчания, чтобы ребята не чувствовали себя неловко и могли наслаждаться торжественностью процесса. Леночка восприняла отца Георгия, как пророка, и относилась к нему с благоговением. Это забавляло священника, и он отвечал ей нарочитой уважительностью, а Мишка получал удовольствие от наблюдения за их реверансами.

Леночке очень нравилась роль взрослой замужней женщины. Она, с чувством хозяйки дома и матёрой супруги, выходила на посиделки, повязав голову платком на манер своих новых подруг. Вначале, пока она объяснялась жестами и мимикой, всё, что говорили женщины, вызывало её улыбку и одобрение. Но однажды ей показалось, что женщины смотрят на неё с сожалением.

—

Дали, — обратилась она к самой молодой из них, — почему они так смотрят на меня? Я разве больная?

—

Нет, просто они тебя жалеют как женщину.

—

Почему?

—

Ты каждое утро повязываешь голову платком.

—

А что? Нельзя?

—

Можно, но голову платком повязывают тогда, когда она болит.

—

Нет. Она у меня не болит.

—

А почему повязываешь?

—

Я думала, что у вас так принято.

Дали покати́лась со смеху. Женщины перестали наперебой щебетать и стали спрашивать Дали, что её так рассмешило. Когда приступ смеха прошёл, женщина

пересказала подружкам их диалог. Теперь уже смеялись все, а Леночка, надув губки, решила уйти.

—

Стой! — остановила её Дали. — Ты не обижайся. Это мы — дуры. Мы жалели тебя, потому что думали, что у тебя по утрам всегда болит голова, а муж твой такой здоровый и красивый.

—

Да не болит она у меня! — чуть не плача, воскликнула Леночка. — С чего бы ей болеть?

—

Вот и мы думали: с чего она болит? А вообще-то когда у

женщины болит с утра голова?

—

Не знаю. От бессонницы, может?

—

Э, девочка! От бессонницы у женщины только румянец на щеках и беременность появляются. Поняла? А голова болит, когда нет причины беременеть. Ясно.

—

Нет.

—

Вот дурочка! Ну, когда муж её не хочет. Поняла? Мы думали, что он к тебе даже не притрагивается. Вот и жалели.

—

Это мой Мишенька не притрагивается! – у мужниной жены глаза наполнились слезами. Она обеими руками сорвала с головы платок.

Женщины катались со смеху, успокаивали свою новую соседку и снова заливались хохотом.

После этого Лена выходила на посиделки, повязывая поясницу тёплым шарфом. О, если бы она раньше делала это!

Два года в Грузии превратили тихую, привыкшую за время болезни к мрачным и грустным мыслям Леночку в проворную, ласковую и весёлую шалунишку. Через два месяца жизни в деревне она стала бегло и певуче говорить по-грузински. Правда, со смешным русским акцентом, который соседям очень нравился, и они часто заставляли её что-нибудь

рассказать.

Уже не ребёнок, а законная жена, Леночка с особым азартом училась готовить грузинские блюда. Её полное невежество в премудростях кулинарии пошло на пользу. Она ни в чём не сомневалась, ничему не удивлялась, и у неё всегда всё получалось вкусно. Ну, так, по крайней мере, говорил её «добрый медведь».

Когда Леночка забеременела, Мишка подарил ей дога Эмму, названную по имени героини фильма «Чёрная Эммануэль». Собака тоже была беременна, и Леночка привязалась к ней. Она, прислушиваясь к своему организму, понимала

Эмму и её проблемы.

—

У вас с Эммой даже взгляды похожи, — сказал как-то Миша.

—

Это как? — спросила Леночка и приготовилась обидеться.

—

Вы смотрите внутрь себя.

Супруга счастливо улыбнулась и прижалась к мужу.

—

Это потому, что в нас сидят детки, — она посмотрела на нежно и уверенно держащие её руки любимого. — Я бы уже умерла от этой усталости, если бы тебя не было рядом. Зря ты не подпускаешь к нам Гегемона. Эмме, наверное, тоже

без него трудно.

—

Нет. Он своё дело сделал. Теперь ей нужны мы. Мы о ней лучше позаботимся.

—

Мужик ты! Ничего не понимаешь. Твоя мать тоже обо мне лучше позаботилась бы, но мне нужен ты.

—

Это серьёзно? Ну, тогда я привезу Гегемона.

В неделю раз Миша просыпался в районе трёх ночи и уезжал в Тбилиси. Укротитель автомобилей и собак успевал проверить все свои незаконные операции с собаками и автомобилями, повидать мать, друзей, загрузить машину необходимым, посещая все рынки на пути, и к десяти вечера возвратиться к своей супруге. Так он привёз лимонад и боржоми для свадебного стола, посуду, которую в деревне не нашёл, свечи и прочие обрядные атрибуты, например, иконку Богородицы, которую мадам Генриетте подарила её бабушка в день свадьбы.

Мишка выполнил просьбу жены – привёз Гегемона.

—

Смотри, как обрадовалась Эмма. Смотри, как она соскучилась по Гегемону! – Леночка, сидя на корточках, возилась с четой игривых собак.

—

Послезавтра приедут твои родители, – он сделал паузу в

ожидании её реакции на приезд родителей. – На венчание моя мама приедет вместе с Наной и Соломоном. Господин Деми привезёт Иму и других родственников. Доктор Гурами возглавит кортеж остальных гостей.

–

Всё, всё, всё! Пошли вон! – Скомандовала хозяйка собакам и обратилась к мужу. – А сколько людей соберётся на наше венчание?

–

Зура говорит, что не менее тридцати человек.

–

Откуда столько?

-

Ну, моих только самых близких родственников – человек двенадцать. Твои трое – уже пятнадцать. – Вот и считай. А ещё вся деревня. А? Я думаю, что стол придётся накрыть на всю сотню гостей.

–

И я должна буду при всех тебя целовать?

–

Нет. Это я буду тебя целовать.

–

А я?

–

А ты будешь краснеть и губки подставлять.

—
Значит, я не буду целовать тебя?

—
Нет.

—
Тогда иди и венчайся сам с собой.

—
Хорошо. Тогда ты будешь меня целовать, а я краснеть.

—
Нет. Давай оба будем целоваться.

—
Договорились.

Молодые сидели, обнявшись. Кончалась идиллия уединения.

Осталось пройти маленький участок по времени и по тропинке, чтобы войти в храм Божий...

Леночка, в фате и бледно-розовом, спадающем с плеч подвенечном платье, упакованная в броню из любви, нежности и восторга своего могучего супруга, олицетворяла высшую власть жизни — любовь. Гости испытывали благоговейный восторг от общения с этой парой, стоящей пред ликом Всевышнего в храме Бытия. Венчание исполнялось слаженным хором организаторов в сопровождении талантливого оркестра гостей. Щедро изливалось счастье абсолютной гармонии на фоне райских кущ Грузии.

Как и всякое состояние восторга, обряд венчания закон-

чился мгновенно и, если бы не праздничный свадебный ужин, Леночка почувствовала бы обиду от мимолётности этого состояния абсолютного счастья.

В стране царило междувластие, и ездить по дорогам было опасно, поэтому лейтенант гвардии Зурико Вашаломидзе организовал кортеж машин. Каждые три-четыре часа машины заезжали на очередную поляну, и Леночкин праздник продолжался. Воистину нет большого худа без маленького добра!

Могучий добрый дом, обеспечивший беззаботность и защиту своих гостей, опустел мгновенно и почувствовал свою ненужность, как мать, отдавшая единственную дочь за заморского принца и оставшаяся наедине со своей старостью.

-

Если Вы заметили, уважаемый маэстро, я оценил ваши рукописи, но не сказал ни слова о романе в целом.

-

Господи! – Деми развалился на диване и был погружён в созерцание игры бликов света на поверхности коньяка. – Когда это было?

Адамбек замешкался. Не понравилась Князю поза самодовольного мэтра. Такова человеческая природа – она даже самого Дьявола способна вывести из равновесия.

-

Слышь, кореш! – решил он поменять тон. Место чалмы

на его массивном черепе заняла кожаная фуражка, фигура приклатнённо изогнулась, шикарный, но узковатый костюм завершил преобразование внешности Великого Владыки в лужковатый* стиль. – Давай свалим отсюда.

–
Куда? – безразличным тоном проронил писатель.

–
Ч-ч-ч-у... В недалёкое будущее, – лужковатый зашептал ему прямо в ухо. – Ты чё? Тише. Она услышит, – пиши пропало.

Автору романа пришла в голову грандиозная идея: с самим Адамбеком побазарить по-мужски за кружкой пива. Он встал, и они на цыпочках вышли из квартиры. По дороге борзой москвич прихватил три стаканчика и по горсти конфет и орешков. На улице стоял душный августовский вечер.

–
Так, ну, куда рванём?

–
Прежде нужно определиться, – наставительно заметил князь, – чего бы мы хотели?

–
«...по традиции, – запел Деми, выгнув спину и снизу вверх заглядывая партнёру в глаза, – от общественных дел вдалеке... всё культурненько, всё пристойненько, и закусточка на бугорке»**. Пойдёт?

Круто, – согласился князь. – Теперь это легче. Страна спускает на тормозах очередной сухой закон. А поэтому, если тихо, то можно.

**Лужковатый – от: Лужков – бывший мэр Москвы. Носил кожаную фуражку.*

***«по традиции...» – Из песни Высоцкого.*

Трость, которую новоиспечённый пахан не пожелал оставить, взмыла вверх на уровень плеча. Глазки змеи сверкнули в сторону проезжей части, и такси со страшным скрежетом тормозов остановилось возле них.

–

Куда едем? – спросил Деми.

–

Шеф, – обратился князь к таксисту, – нам водочки и тихое местечко на природе.

–

А что платим?

–

Не пожалеешь.

–

Поехали, – согласился водитель.

Писатель вольготно растянулся на заднем сидении.

–

Трубку, кальян, дозу дури? – учтиво предложил таксист.

–

Да нет, – Деми начал смаковать ситуацию. – Вот от хорошей сигаретки я бы не отказался.

Ему прикурили сигарету «Давидов». Князь лихо переключал большую гаванскую сигару из одного угла рта в другой, а таксист держал в зубах массивную «носогрейку» из тёмного дерева в виде головы кобры с большими томными глазами и красными гранатами в зрачках.

В салоне запахло пряными ароматами воскурений.

–

Шеф! – обратился Деми к таксисту.

–

Я не шеф, – парень обернулся к мастеру всем телом, но продолжал крепко держать руль. – Ты что, не видишь? Я рулевер.

–

Это что за специальность? – Демиург удивился, что его несколько не обескуражило то, как таксист держит руль у него перед носом и полностью забыл о дороге.

–

Какая может быть специальность у номенклатуры? Ты как с неба свалился. Меня назначили рулить, – я рулю.

–

Как же ты водишь такси, если шофёр – не твоя профессия?

– Да, я тебе не водила! Я рулевер. Ты что, не понимаешь? Спроси – отвечу. Я для того и рулевер, чтобы отвечать на

все вопросы про руль.

—

Уважаемый, – в сложившейся ситуации Деми не нашёл другого обращения к Адамбеку, – это что?

—

Это жизнь, – спокойно ответил Уважаемый и тоже обернулся. Теперь они сидели тёплой компанией друг против друга и наслаждались запахами воскурений. – Ты что, не узнаёшь его? Вы же встречались, если мне память не изменяет. Ладно, потом вспомнишь. – Он посмотрел на

своего номенклатурищика, и тот отшивёрнул руль, потёр ручки и вытащил из-за пазухи бутылку. – Вот, теперь он... – Уважаемый пощёлкал пальцами, призывая рулевера помочь.

—

Теперь я разливер.

Они сидели в чаще леса на пнях, которые торчали так, чтобы лесным гулякам было комфортно на них сидеть.

—

Да, – подтвердил его начальник. – Теперь он отвечает за разлив.

—

Этот специалист называется сомелье.

—

А кто тебе сказал, что он специалист? Он – ответ-

ственное лицо. А разливать будешь ты.

—

А-а-а! Так он отвечает, а я разливаю? — маэстро понравилась игра. — Хорошо!

Он взял у разливера бутылку и разлил водку по стаканам.

—

Мне один глоток, я так привык, — комментировал он свои действия. — Вам — полная чаша, поскольку — со всем моим уважением. А ему каплю, чтобы раздражить.

—

Нет! Разливер, как ответственное лицо, получает максимум от сферы своего влияния — полный стакан. Я, как начальник, — положенную мне толику, и не меньше. А ты, как специалист, получаешь запах и моральное удовольствие от качественно, на высоком профессиональном уровне выполненной работы.

Как только стакан попал кразливеру, он, не дожидаясь окончания речи хозяина, мгновенно его опустошил.

—

Так, — сказал новоиспечённый сомелье и собрал стаканы. Он разлил ровно по глотку и вопросительно посмотрел на лидера тройки.

—

Правильно, — сказал тот и вытащил три конфетки. Две передал разливеру: — Будем!

Тост понравился всем, они чокнулись и выпили. Зашуриша-

ли обёртки, и владельцы конфет закусили выпитый напиток. Разливер одну конфету спрятал в карман.

—
Поясните! – раздражённо потребовал профессионал.

НАТАЛИ В ТРАНСЕ

Натали Арье всю жизнь, где бы она ни находилась, вела записи. В молодости она делала это вечерами. Однако с возрастом люди теряют вкус к утренней неге в тёплой и мягкой постели. Теперь Натали вставала, когда первые лучи солнца возвещали начало дня. Она брала свою тетрадь и

записывала события прошедших суток. В это время все спали и видели утренние сны, поэтому о деятельности философа никто и не догадывался.

Невидимое солнце посеребрило облака.

Натали умылась, надела тёплый халат, чулки, тёплые тапочки, повязала голову платком, взяла свой дневник и ещё одну чистую тетрадь, цветные карандаши, ручку, на кухне прихватила чистую тряпку и пошла в сад. Вытерла мокрый от росы стол, разложила письменные принадлежности, вытерла скамейку и села.

«Комментарии к ЧУДУ», – прочла она запись двухлетней давности на титульном листе новой тетради.

«История человечества насчитывает 50 веков. Я прожила 68 лет. Из них 50 я училась, учила и постоянно искала ответы на основные вопросы философии. Получается, что я за-

нималась этим ни много ни мало, а один процент времени от истории всего человечества. Это совсем немало! Я всегда имела доступ к любой, накопленной веками информации и к мнениям не менее осведомлённых, честных, творчески мыслящих и талантливых людей. Кроме того, весьма вероятно, что в моём роду, на протяжении всех этих пятидесяти веков были грамотные люди, поскольку евреи – народ книги. Всё это позволяет мне надеяться, что имею право на самостоятельный анализ и свои мнения.

Решимость написать эти комментарии пришла ко мне лишь после того, как я лично пережила событие, которое во всех признанных человечеством источниках классифицируется, только как ЧУДО. Личное участие в таком уникальном событии само по себе является маловероятным и тоже может быть приравнено к ЧУДУ. Нескромно, но я горжусь тем, что это ЧУДО подготовила сама. Я воспитала человека, сотворившего это ЧУДО, а, значит, могу надеяться, что знаю о его истоках не только из посторонних источников».

Она в задумчивости подняла взгляд. Утренняя мелодия многоголосия птиц, запахи земли и растений, которыми пропитан рассветный туман, краски деревьев, цветов и далёких гор, – всё это великолепие вдруг обрушилось на её сознание. Прямо перед ней меж жёлтых цветков жасмина распустились фиолетовые цветы точно такой же формы. Над деревьями и кустами мерцали серебристые ореолы. Каждый лепесток, листок, веточка были чётко очерчены.

Единственная очарованная свидетельница неземной красоты сидела и впитывала в себя эту райскую идиллию.

—

Никогда прежде я такого не видела, — стоило ей только так подумать, как красота сбросила свой сказочный наряд: куст жасмина потерял фиолетовые цветы и стал сплошным желтым пятном, серебристые ореолы деревьев исчезли, кроны их слились в одну общую массу зелени, многоголосие птиц потеряло мелодию и ритм.

—

Как? Почему? Куда вдруг всё исчезло и стало таким обыденным? — недоумённая и напуганная неожиданным мгновенным преобразованием, она, молча, сидела и старалась постичь суть происшедшей метаморфозы. — Что только ни почувдится? — успокоила себя Ната. Она закрыла глаза, облокотилась о спинку садовой скамейки и запрокинула голову.

—

Имуля, — слышался знакомый шёпот, — ты всю ночь здесь просидела?

—

А тебе-то что не спится? — спросила воспитательница своего питомца. — Покоя от тебя нет.

—

Доброе утро... — он обнял её за плечи и поцеловал в лоб, — нет, оно просто шикарное!

Има опустила голову, открыла глаза и уставилась на куст жасмина.

—

Ты мне рассказывал, что мир намного красочнее, чем мы обычно видим его.

—

Да. Надо только расслабиться и уйти от постоянных мыслей. Весь мир мгновенно покажет тебе своё многоцветие. Появится много новых красок, каждый лепесток отдельно будет говорить с тобой, звуки сольются в мелодию, деревья утонут в серебристой ауре.

—

Посмотри на этот куст жасмина! Мне недавно показалось, что там рядом с каждым жёлтым цветком цветёт точно такой же едко-синего, скорее, фиолетового цвета.

—

Слава Богу! Имуля! Ты смогла войти в транс? Молодец! А ауру деревьев видела?

—

Да. Было всё, как ты только что описал. Я видела каждый листик, каждую веточку.

—

Так, продолжай.

—

Не могу. Как только я поняла, что вижу что-то необыкновенное, — всё пропало.

—
Это от страха. А вот дети только так и воспринимают

природу. Как только научишься медитировать, сможешь всегда видеть эту гармонию красок. Я тебя потренирую. Но теперь пойду спать. Мы должны быть в больнице к часу дня.

—
Иди. Выпись, родной.

Она проводила его взглядом. Помолилась за его судьбу, прося Бога не карать мальчика за мелкие шалости, открыла тетрадь и нашла в оглавлении ссылки на медитацию. Перечитав все свои заметки об этом, Натали выписала основные мысли на отдельный лист бумаги. Эти заметки активизировали все прочие знания, которые имелись у неё от занятий по психологии, философии, медицине, религиям. Сложилась интересная картина: все они призывали использовать для обострения восприятия состояние транса. У человечества накопилось огромное количество всевозможных методик достижения этого состояния. Древнейшие восточные религии даже считают это целью бытия. Христиане и мусульмане призывают к массовым медитациям во время молитв. Иудеи и буддисты создали целую науку по подготовке тела и духа к восприятию «божественных откровений». Психиатрия рассматривает способность расслабления и концентрации как основу для приведения человеческой психики в нормальное состояние. Гипнотизёры овладевают методами

мгновенного транса, без которых невозможно психическое воздействие.

Философ обхватила голову руками и вознесла страстную молитву:

–

Наш Создатель! Воистину Ты велик! Как просто и мудро Ты наказал людей, даровав им мозги, полные самодовольства! Даже получив от Тебя Тору, в которой вся мудрость Твоя, люди не нашли ей лучшего применения, чем сделать из неё идола. Букву Твоей мудрости мы нагло трактовали по-своему, создав вокруг неё бесконечные тома талмудов. Мы, напыщенные грешники, упиваемся своими выдумками, вместо того чтобы просто открыть глаза и смотреть на мир взглядом честным, непредвзятым и беспристрастным. Создали кучу сект иудаизма, христианства, магометанства. Помыслами Твоими мы нагло торгуем. Именем Твоим торгуем ради получения презренного золота и истребления себе подобных. Спасибо Тебе, Господи, что ты так мудр в своей простоте! – она закончила молитву и, подумав о себе, чуть не заплакала.

– Я всю свою жизнь посвятила поиску ответа на «основной вопрос философии»: что первично – материя или сознание? – начала Натали свою исповедь. – Воистину, величайшие умы человечества бес попутал. Это надуманный вопрос мудрствующих правдоискателей. Первичен Ты, а сле-

довательно, и мы, поскольку являемся отражением Тебя самого. Мы есть альфа и омега всего: есть мы, есть Ты и творение Твоё; нет нас, нет ни творения, ни Тебя самого. Это ведь просто, и слово Твоё это подтверждает. Я всем своим существом понимала, что любовь – основное предназначение человека. Меня распирало от чувства любви, но как часто страх казаться слабой сдерживал мои порывы! Теперь я понимаю, что грешила и против тебя, и против себя самой. Но я вложила все свои нерастроченные чувства в воспитание моего Леванчика. Это и привело к появлению такого праведника. А мне всю жизнь казалось, что я его воспитываю силой своих знаний. Прости мне эти заблуждения. Теперь я поняла, что только великая любовь способна быть безгрешной и творить не уродов, а праведников. Сочти мой вклад в воспитание Твоего праведника искуплением моих грехов. Аминь!

–

Хозяин! – воскликнул разливвер. – Ты кого притаранил? Этот шкет ни бельмеса не смыслит в политэкономии. Во, профан!

–

Какой ты не политкорректный! – хозяин брезгливо посмотрел на разливера. – Это ты здесь, как у себя дома: лес, природа, дикие звери и подвыпившие рулеверы. А профессионал – существо высшего порядка с чуткой душой, добрым сердцем и пытливым умом. – Он обратился к своему профи и стал пояснять «текущий момент»: – Уважаемый ма-

эстро! Оглянитесь вокруг. Вы видите девственный лес, свободно живущих в нём диких зверей. Это величайший заповедник девственной природы – Беловежская пуца. Здесь, в первозданной неприкосновенности работают законы, данные ИМ при творении. Это законы выживания. И вот сейчас, в этот момент, вон в том скромном здании сошлись рулеверы большущей империи. Они, в состоянии эйфории, стараются урвать свой кусок, чтобы рулить в нём единовластно. Страсти кипят нешуточные. И хотя

о романтической любви между ними говорить излишне, они сейчас готовы зачать рождение многих независимых... государств. А всё почему? Потому что они, хоть и не сильны в любви, зато, как выразился наш неполиткорректный собутыльник, сильны в политэкономии.

—

Да. Эти разливеры наливают по полной. Они сейчас дурят и себя, и других. Клянутся, что сольются в другомразливе, а сами ничего не хотят, кроме как поиметь свою чарку сполна. Видишь? – мановением руки номенклатурищик раздвинул стены, закрывающие от посторонних глаз холл в правительственной даче Вискулей. – Вон тот, с мясистым носом, хочет владеть большей частью. Этот, вертлявый и чопорный, самый хитрый, – он уже свою неньку поимел. А вот этот

...

Ну, что тебе сказать, – белорус! Он сильный, добрый, работающий, но преданный и прямой, как жердь, – ну, ни грамма хитрости! – растопыбив пальцы, он вынес приговор. – Не умеешь торговаться, – не лезь на базар.

–

Так это же

... -

у профи от растерянности непроизвольно забежали глаза, как на маятниковых часах в деревне у бабушки. – Это же наши! Этот – Николай Борисович, а этот Кравченко. И этот, ну

...

как его?

–

Во, во! – рассмеялся и показал большие пальцы разливвер. – Во! Два – борзые рулеверы. Ты их знаешь. А этот

–

профи, и ты, пф-р-р, его не знаешь. Вывод: рулеверы – главнее мудроверов.

–

Да. Этот – мощный мужик. А тот – славный физик и политик, и политэкономист, и, даже, патриот. Эх!

–

театрально закручинился хозяин. – Жаль, что и сам чёрт ему не брат. – Он подумал

... -

Да, ладно

...

Ему – не брат. Найдём другого, и побратаемся.

–

Это точно, – подтвердил холуй. – Нам ведь всё равно, лишь бы страх ведал да гордецом шагал. Побратаемся. А мозги – необязательно. Мы братку свои вложим

...

–

Эх! – продолжал кручиниться хозяин. – А может, с возрастом, лет через двадцать... Уж я бы постарался дать ему возможность порулить.

–

Нет, – оппонировал шефу разливер. – Рождённый мудровером рулевером быть не сможет.

–

Как это получается? – задумался мастер.

–

Просто, – ответил старшой. – Совесть и образование

–

тяжёлый груз для бега на длинные дистанции по пересечён

ной местности. А политика очень похожа на такой бег.

–

Значит, рушится империя, и появляются малые государ-

ства? Это здорово!

—

Да. Это здорово. Когда будет много маленьких государств, легче мне будет управлять ими. Мой девиз: «Разделяй и властвуй!» — в действии. Хочешь, покажу, как это будет?

У интеллигента перехватило дыхание от возможности заглянуть в будущее.

СЕМЕЙНО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОСНОВ МИРОЗДАНИЯ

Соломон был из той особой категории людей, для которых реальным был мир книги. Всё, что вне книги, — досадная необходимость. Нет, Соломон Арье не был отшельником. Он активно участвовал во всех проблемах семьи, дружеских затеях и мероприятиях партийных и профсоюзных энтузиастов, однако сам никогда не выступал в роли инициатора. Он откладывал книгу с чувством досады, глядел в упор на нарушителя его идиллии и чётко выполнял просьбу. Часто он совершал действия, не отрываясь от книги. Пил и ел автоматически, не глядя ни в тарелку, ни в стакан, чем здорово веселил шутников.

Эта особенность Соломона была основой спокойствия семьи Арье. Нана ещё до свадьбы привыкла чувствовать себя хозяйкой в доме. Соломон и Натали всегда что-то читали или писали, а она находила себе занятия: занималась хо-

зьяством, и всегда была при деле. Ко времени свадьбы она привыкла и к другой особенности своего жениха: если в его присутствии спор заходил в тупик, он, не откладывая книгу, выдавал «Соломоново решение». Это могло относиться и к бытовым проблемам, и к решению сложнейших задач квантовой механики, которой он посвятил свою жизнь. Поняв, что читающий и внешне отчуждённый Соломон не безразличен к её интересам, Нана Чхеидзе решила выйти за него замуж и никогда, ни на секунду не разочаровалась в своём выборе.

Сразу после своего выздоровления Натали завела с племянником творческие беседы, стараясь выудить из него крупицы знаний и представлений современной науки. Послушав долгие гуманитарные охи-вздохи, Соломон

обычно отвечал уже после того, как Има переставала ждать ответа:

–

Вот что я тебе скажу, моя дорогая тётечка Натуля, – начал Соломон очередную беседу с Имой, положив на стол три листочка аккуратно исписанной бумаги, – здесь представлена первоначальная база модели мироздания, описанная языком математической логики. В основе этого описания лежит представление о том, что никак не противоречит любой из существующих философских моделей мира:

–

есть элементарнейшие понятия, которые лежат в основе описания всего мироздания;

–

основополагающие законы мироздания работают всегда и везде;

–

всё в природе взаимосвязано;

–

природа не терпит пустот.

Не существует ни одной серьёзной философской школы, которая посмела бы отрицать эти постулаты. Таких законов должно быть минимальное количество. В математике это звучит так: «необходимое и достаточное». Только при условии, что есть такое количество основных законов, можно говорить о полноте и непротиворечивости любой системы. Если законов недостаточно, то система может оказаться неустойчивой, в ситуации, когда не работает необходимая совокупность законов. Но природа – устойчивая система не потому, что в ней тьма основополагающих законов, а потому, что их необходимое количество.

–

Хорошо, – Ната почувствовала, что «мозги закипают» от избытка новой информации. – Дай я продолжу. Если в процессе участвует большее количество законов или соотношений, чем нужно, то они могут входить в противоречие и создавать тупиковые ситуации.

—

Да. И это грозит ...

—

Катастрофой!

—

Катастрофа – мелкое недоразумение по сравнению с зависанием всей системы. Вот остановится вся система – это конец мирозданию. Так что избыточное количество законов смертельно для любой системы.

—

Это и есть закон гармонии!

—

Точно. Только, может быть, это не закон, а условие наличия гармонии.

—

Хорошо. Но тогда отсутствие пустот – следствие условий гармонии?

—

Ну, наверное. Если законы работают везде, то такие участки, где их совокупность создаёт пустоты, уже не входят в мироздание.

—Ладно. Я понять-то поняла, а вот поверить и принять то, что основа мира – всего лишь информация, трудно. Дай я это всё переварю, а потом продолжим.

—

Хорошо. Подумай.

Натали Арье встала и пошла в свою комнату. Философу понадобилось целых две недели, чтобы осмыслить полученную информацию, получить её подтверждение из суммы собственных знаний и опыта. Натали исписала много страниц вопросами, на которые не нашлось ответов.

—

Слушай, мой дорогой Соломончик! Вот вопросы, на которые я хочу получить ответы, чтобы полностью принять твою версию основы мироздания. Прежде всего: что такое материя?

—

На самом деле, материя – это носитель информации. О таком носителе гении высказывались давно, чуть ли не с первых письменных свидетельств истории. Последним мудрецом, предположившим наличие такого носителя, был Вавилон. Он, как и Платон, считал, что весь мир пронизан «эфиром». Ну, так он назвал этот носитель информации. Эфир исследовать мы никогда не сможем, поскольку его свойства лежат за пределами нашего мироздания.

—

Как это?

—

Да, точно так же, как и Создатель. Он вне нашей системы мироздания, и технология производства носителя информации тоже принадлежит Его мирозданию. Хочешь аналог?

—
Ну!

—
Первая вычислительная машина была механической. Положение шестерёнок соответствовало некоторой запоминавшейся информации. Потом информацию запоминали при помощи электронных ламп-триодов. Потом на полупроводниках, на магнитных сердечниках, на микросхемах, сейчас на чипах, завтра на каком-нибудь биологическом носителе, потом на жидкости, потом на некотором «эфире». От носителя не зависит суть информации и её закономерности. А значит, и не меняются законы мироздания.

—
То есть материя – это «эфир»?

—
Господи! Это некоторый носитель информации. Одни называли его «эфиром». Другие, ну, например, каббалисты – «экраном». Но суть одна –местилище описания мироздания.

У Натали Арье, сумевшей пристегнуть к своим новым интересам мудрого племянника, начался творческий зуд. Она внезапно появлялась перед Соломоном, клала руку на страницу книги и глядела безжалостным пламенным взглядом в его мгновенно потухающие глаза.

Вот смотри, – начинала она очередной допрос, – если мы не можем определить Создателя, то, может, не имеет смысла вообще Его упоминать?

–

Ах вы, философы-революционеры! Вам бы только сметать «всё до основания». А что, если просто подумать? Что мы знаем о Создателе? Он вне нашего времени и нашего пространства. Далее, нас не интересует, как он выглядит. Нас интересует, что он создал. А создал он «информационный континуум». Этот информационный континуум строго изменяется по законам логики, которые и являются «законами мироздания». Мы воспринимаем образы из этого бесконечного информационного потока, и всё, что нас окружает, и мы сами, – суть образы. Далее. Поскольку мы наделены способностью не только воспринимать образы, но и создавать новые, мы участвуем в процессе преобразования мироздания, но не можем нарушить данные Им законы гармонии. Ещё мы знаем, что преобразование информации происходит под воздействием некоторой энергии. Все образы, составляющие осязаемый нами мир, наделены этой энергией. Если мы научимся смотреть на мироздание с этих позиций, то сумеем решать наши насущные проблемы, идя не от обобщения частных случаев к выявлению закономерностей, а наоборот: зная абсолютные законы, применять их для решения своих задач. Все чудеса, с этих позиций, станут понятны и перейдут из ранга чудес в ранг научных фактов. Всё! Теперь

думай сама и делай необходимые выводы.

—

Слушай, мой персональный физик-теоретик, да ты, никак, правоверный иудей?! Тебе хоть понятно, что сейчас наговорил? Ты, который никогда в руки не брал никакой религиозной литературы, выдал мне самый основополагающий постулат иудаизма: нам не ведомы ни облик, ни имя Творца, пути Господни неисповедимы, но мы способны

предугадывать Его желания, если будем правильно понимать его заветы и стараться следовать им.

—

А кто тебе сказал, что древние были глупее нас? Просто они выражали те же мысли, но своим, далеко не научным языком.

—

Вот и я о том же: меня умиляет то, что ты, современный образованный интеллеktуал, оказался не глупее древних кочевников!

—

Ладно, Ната! Один-ноль в твою пользу. Прикальываешься, как студентка. Несолидно!

Натали показала язык своему критику, одарила его уничижающим взглядом и пошла в свою комнату. В последнее время она жила в присутствии музыки, возродившей в ней силы и интерес к жизни.

—

Рулевер! – командовал князь. – *Вперёд!* – Он обернулся к Деми: – *В первой трети века, если Вы помните, многоуважаемый маэстро, классики описали сговор с участием одного «отца русской демократии». Тогда совсем незначительно пострадали кошельки участников собрания. Теперь мы присутствовали при сговоре сразу трёх «отцов русской демократии». А это уже катастрофа! Вообще надо, наверное, запретить «русскую демократию» – очень уж страшные вещи происходят каждый раз, когда её декларируют.*

—

Куда прикажете? – пни, на которых они восседали за дружеским выпивоном, снова превратились в кресла кадиллака. Хозяин и рулевер вновь оказались на передних сидениях, и мотор, мягко урча, покотил машину по лесной чаще.

—

Давай, – Адамбек перебрал только ему известные варианты и командовал: – *На огонь!*

—

Огонь? Пли! – выдал рулевер, и машину затрясло по горным дорогам. Демиурга бросало из стороны в сторону на каждом повороте серпантина. С одной стороны под машиной зияли пропасти, с другой – над ней вздымались скалы.

Прямо перед машиной вдруг взорвалась мина, и рулевер резко затормозил. Демиурга выбросило в одну из образовавшихся воронок, а на её обочину спокойно воссели его попут-

чики.

—

Приехали, — констатировал хозяин. — Вылезайте, маэстро. Из этой ямы Вы ничего интересного не сможете увидеть.

Маэстро вскарабкался и сел между своими компаньонами.

—

Где это мы? — ошеломлённый взрывом и чудесным спасением выдавил он.

—

Это — Кавказские горы, — спокойно ответил Мефистофель. — А это, — он указал на растерзанные и разбросанные вокруг трупы, — бывшие крестьяне, прекрасные семьянины, бесстрашные воины, преданные друзья, одним словом, — чеченцы. А вот тот, — он указал на труп, который отбросило дальше всех, — боевой генерал, отличный лётчик. Вот в него и целились те, кто вывел нас из машины. Первый и последний президент независимой республики Ичкерия. Он был плохой политэкономист, но ничего не боялся. А грохнули его хорошие экономисты и очень трусливые политики.

—

А зачем эта бойня? — ужас заставил мастера шептать. — Договориться не смогли?

—

Договориться можно с равными. А при разговоре неравных исход может быть только таким: трусы грохают смельчаков.

—

А почему не наоборот?

—

Это закон. Если в дикой природе гибнут слабые, то люди придумали избавляться от сильных — мешают они своей неугомонностью.

—

Но так ведь можно всех боевых генералов лишиться!

—

Ну, почему? Рулевер, вперёд!

НАТАЛИ. ТЕЛЕФОННАЯ ВСТРЕЧА

«ЧУДОТВОРЦЕВ»

Темперамент и творческий посыл Имы захлестнул не только семью Арье. Их ощущали соседи, знакомые и родственники. А по отношению к незнакомым, но необходимым людям у Натали Арье срабатывал талант агитатора, наделённого огромной силой обаяния. С первых фраз она умела привлечь к себе внимание, а к концу беседы ей обещали выполнить любую просьбу и благодарили за сотрудничество или доверие.

С момента возвращения в Тбилиси прошло уже более двух лет, и совершенно неудивительно, что на старую эн

тузиастку навалилась отражённая волна её собственной активности. Ей стали предлагать сотрудничество, участие в научных, религиозных и мистических мероприятиях. Только благодаря строгой организованности Арье удалось не утонуть в этом водовороте информации. Она умела отсеивать случайное и воспринимать только нужное. Поэтому когда незнакомый энтузиаст прислал ей статью из газеты «Правда» «Жить бы в раю, да страх не пускает», Натали бросилась искать героя. Она готова была поехать в Запорожье, но зазвонил телефон:

—

А-а-а! Здравствуй, здравствуй, Деми, дорогой! Да. Эта статья меня очень заинтересовала. Что? Эта корреспондентка – твоя знакомая? Была здесь при событиях девятого апреля? Есть адрес? Телефон? Записываю. Прекрасно! Спасибо! Передай большую благодарность Марго. Она так мне помогает! Я без неё и Наны никак не смогла бы справиться с этим потоком информации. Да. Это я тебе гарантирую: ты будешь первым, кому я разрешу написать об этой книге. Конечно. Это большое счастье – присутствовать и понимать. Это моя «лебединая песня». Поэтому я очень стараюсь быть предельно честной. Да? Какие? А? «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»? Да. Да. И я, видно, тоже стараюсь сотворить себе такой памятник. Дай, Бог, чтоб получился! Спасибо! До встречи. Пока.

Има положила и тут же снова подняла трубку телефона. В дверь её комнаты тихонько постучали, и голос Льва позвал:

–
Имуля! К тебе можно?

–
Я тебя всё утро жду, – ответила деловая дама и набрала номер телефона. – Госпожа Нечаева? – солидным, но благожелательным тоном спросила она. – Добрый день! Вас беспокоит профессор философии Натали Арье. Я звоню из Тбилиси. Ваш номер мне дал Демиург Платонович. Да. Вам сердечный привет от него и всей его семьи. Да, Вы правы

–
это прекрасные люди. Спасибо Вам! Наши семьи дружат уже много лет. Я к Вам вот по какому поводу. В своей статье Вы рассказали про Василия Степановича Славенко, целителя из Украины. Не могли бы Вы помочь мне связаться с ним? Дело в том, что я пишу книгу на аналогичную тему. Мы собираем консилиум учёных, служителей культов и людей с эзотерическими способностями. Цель этого собрания

–
привлечь внимание официальной науки и основных

религий к таким необыкновенным людям и их уникальным способностям. Что! – Има подпрыгнула в кресле так, что Леван, подошедший, чтобы поцеловать её, получил затылком по зубам. – Не может быть! Вот это везение! Да, ко-

нечно, я жду, – она побледнела, дрожащей рукой протянула Льву трубку и слабым голосом произнесла: – Это, кажется, твой Василий.

Взгляд Льва словно нахально говорил: «У старухи крыша поехала». Он облизал рассечённую губу и взял трубку:

– Василий? – достаточно было услышать короткое «Да», чтобы поверить Име. – Я – Леван. У-чи-тель! Мы с тобой побе-ди-ли-и-и!

« »

Василий Степанович Славенко вытянулся во весь рост, и его широко раскрытые глаза засветились. Спокойно сидевшая на только что запертом чемодане Ольга вдруг увидела, как воздух вокруг её супруга стал бесконечно прозрачным, словно сам из себя светящимся. Она была очарована и очнулась только после того, как он заговорил:

–

Ну, жёнушка, ты совершила чудо.

–

Я? В твоих руках и камень заговорит, – улыбнулась Ольга.

–

Нет. Дело в том, что по твоей статье меня нашёл мой ученик.

–

А причём тут чудо? Легко сообразить, что можно найти тебя через меня.

–

Но он меня не искал.

—

Значит, он на тебя случайно напоролся?

—

Не совсем. Меня искала его воспитательница.

—

Интересно! Что это за принц, у которого воспитательница — доктор философии, а учитель — Василий Славенко?

—

Ну, я... не совсем учитель. Это он меня так называет. А я только помог ему найти способ излечения больной девушки. Он — очень близкая мне душа. Долго за ним наблюдал. Когда же он смог выйти на контакт, я понял, что методика поиска и воспитания способных людей работает.

—

Так ты это понял только сейчас?

—

Нет. Я же говорю: когда он вышел на контакт со мной.

—

Ну вот. Сейчас он и вышел.

—

Нет. Сейчас он нашёл возможность телефонной связи. А вышел он на диалог, когда задумал спасти больную девочку. В тот вечер «еврейских кучек» он впервые услышал меня.

—

Стоп! Явно, что-то здесь не так. Он в Грузии – ты в Запорожье. Где он тебя мог услышать?

–

Мы вышли с ним на телепатический диалог. Он не зависит от места и расстояния. А до этого я наблюдал за Львом несколько лет. Когда я его впервые почувствовал рядом с собой, это был ещё ребёнок, который часто пребывал в астрале. Стоило мне войти в транс, как неизвестная сила послала меня прежде всего навестить Льва. Только после того, как я повидаяю его, мне давалась возможность выбора. А вот в последний год мне не удавалось его посещать. С чем это связано, – не знаю.

–

А-а-а! Так это твой астральный ученик? Вы с ним поддерживаете телепатический диалог?

–

Да

.

–

И сколько у тебя таких собеседников?

–

Пока – он один. Это из учеников. Так же со мной общается Великий Русский Старец. Это мой учитель. Мы с ним часто путешествуем. Можно было бы общаться и со многими, но Старец научил меня держаться подальше от гордецов. А наблюдаю многих – восторженные души. Но они ещё не

способны выходить на диалог. Среди них много детей. Если получится, то может возникнуть целая школа, как ты говоришь, астральных учеников.

—

Василь! – Ольга смотрела на своего избранника с удивлением и испугом. – Для чего тебе всё это?

—

Человек всегда ищет дорогу к свободе. Адам не мог смириться с запретом съесть плод с Древа Познания. Вавилоняне – с недостижимостью небес. Евреи – с рабством в Египте. И вообще люди постоянно стремятся освободиться от любых ограничений. А с того момента, как Господь заповедал Человеку: «В поте лица своего добывать хлеб свой», – люди так забегались за «добычей», что все свои свободы растеряли, гоняясь за куском хлеба. Евреи, которым было завещано хранить духовные ценности, променяли их на кусок хлеба в Египте...

—

Вась! Мы о евреях ещё поговорим, а сейчас надо ехать. Бери чемодан.

И вновь мотор урчит, и машина прёт по раздолбанному вдрызг большаку, который на официальном великорусском языке называется «трассой государственного значения».

—

Господин рулевер! Мать Вашу! – взревел пассажир с зад-

него сиденья. – Будьте так добры – не скачите по кочкам. Выезжайте на трассу! Ей Богу, по серпантинам Кавказа мы ехали с большим комфортом.

–

Хозяин! – рулевер в шлемофоне вытянулся и отдал честь командиру, который успел обзавестись усами, трубкой и облачиться во френч. – Этот маэстро не уважает реликвии истории великой Империи.

–

Тут он прав! – двойник генералиссимуса назидательным тоном обратился к мастеру. – Назначение боевого генерала на пост мэра оправдало наши ожидания. Он, как истинный патриот, тратит казну в правильном направлении. Беречь в неприкосновенности просторы Курского Котла, воспитывать на них патриотов великого Советского Союза – героический поступок патриота и генерала.

–

Но Советского Союза нет! – воскликнул Деми, ударился головой о косяк дверцы машины и потерял сознание.

–

Вот, – хозяин показал танкисту на безвольно болтающееся по полу тело. – Вот что значит отсутствие боевого духа и непонимание исторической ситуации: Союза нет, но советский народ жил, жив и будет жить вместе со своими великими вождями.

–

Кончайте ломать комедию! – заорал вползший на сидение советский интеллигент. – *Вам удалось отбить у меня всякую охоту заглядывать в будущее этой страны.*

–

Стоп, рулевер! – скомандовал князь. – *Мы, кажется, заигрались. Маэстро – инженер человеческих душ. Он, видите ли, плохо переносит катастрофы, которые ломают и уродуют его прекрасные проекты. Он страдает от вида изуверченных душ.*

–

Да! Я не хочу иметь ничего общего с этими параноиками – рулеверами, – он с отвращением посмотрел на рулевера за рулём.

–

Хозяин! – возмутился танкист, и его пенсне метнуло на ругателя злой ослепляющий лучик. – *Чего он на меня уставился? – Деми начала бить мелкая дрожь. – Чё смотришь на меня, как на живой труп? Я тебе не живой и не труп. Я –*

плод твоего больного воображения, и неча на меня пляться. Не нравлюсь, – придумай что-нибудь получше, а я больше с тобой пить не буду!

–

Плод моего воображения? – вскипел маэстро. – *Так это я придумал армию безжалостных недоумков, которые разогнали полстраны по всему миру, разодрали её на клочья и*

затягли братоубийственные войны на своей земле?

—

Исчезни! – скомандовал Адамбек, и рулевера как ветром сдуло. Демшиург тупо уставился на князя.

ПРЕКРАСНАЯ ТАМАР

Натали Арье уже давно поставила крест на своей научной деятельности. Но сейчас она была убеждена, что ей удаётся обобщать и систематизировать опыт всех предшествующих поколений мыслителей человечества. Осознание этого окрыляло. Оно придавало силы, и Натали бегала, как молодая аспирантка, по библиотекам, задавала вопросы учёным и религиозным деятелям всего мира. Пришло время даже домохозяйкам Нане Арье и её подруге Марго пожалеть о том, что в молодости учились в институте иностранных языков и были аспирантками кафедры переводов научных текстов. Этим двум счастливым в своём неведении общественнополезного труда мужниным жёнам теперь приходилось часами сидеть за переводами корреспонденции Имы.

Соломон, как хронический лентяй начисто лишённый честолюбивых помыслов, снисходительно относился к забавам старой тётки, однако как истинный учёный отвечал на её вопросы максимально полно и даже писал отдельные куски, когда нужны были глубокие знания физики и математики. Леван и Тамара были постоянными критиками каждой новой главы, а часто и отдельных абзацев.

Тамара Георгиевна Васадзе находилась в состоянии эйфо-

рии. Ей казалось, что Земля вертится персонально для неё. Это её любит самый талантливый, красивый и молодой мужчина. Это она своими руками поставила победную точку в чудесном излечении Леночки. Это она читает, обсуждает и вносит свои ценные предложения в философский трактат, который пишет умнейшая из женщин. Это ей отведено одно из почётнейших мест в созываемом научном форуме.

Когда Миша позвонил доктору Васадзе и попросил разрешения повезти Леночку к морю, Тамара Георгиевна впервые не потрудилась сделать должный профессиональный анализ.

—

Тот факт, что эта девочка проведёт неделю на морском пляже, должен забить осиновый кол в души скептиков, — подумала она и разрешила поездку.

—

Я восхищаюсь Вами, прекрасная Тамар, — услышала она хорошо поставленный глухой баритон и обернулась. В углу, возле двери стоял стройный, невероятно элегантный мужчина. Эту элегантность порождали, как ни странно, сочетания практически несовместимых цветов, фасонов и стилей одежды: из жёлтых лакированных штиблет вырастали зелёные махровые носки, волосатые икры обхватывали чуть ниже колен манжеты белых бриджей, над которыми развевался подол майки а ля-тельняшка, а на голой шее красовалась красная бабочка. — «Осиновый кол» — это совсем в духе моих

мистерий. Bravo! Вы быстро осваиваетесь в новых для Вас мистических обрядах.

Посетитель почувствовал возникший у собеседницы интерес к своей персоне, подошёл к столу и сел напротив неё.

—

Встретить женщину, влюбившую в себя молодого и безгранично талантливого человека, сумевшую не раствориться в нём, а нашедшую свою нишу в сфере его интересов, — прекрасно.

—

Вы, собственно, о чём? — Тамара была поражена и заинтригована.

—

Как это — «о чём»? О Вашей способности понять новые условия, принять их, сумеет найти свою мелодию, не потерять индивидуальность.

—

Я чего-то не понимаю. Можете пояснить?

—

Да, с удовольствием. Беда всех талантливых мужчин — самоотверженно служить увлечённой их сфере деятельности. Они безнадёжные альтруисты. Их мало волнует прибыль от сотворённого. Они трудятся ради самой идеи. Ваш избранник такой же?

—

Да. Он увлечён...

–

Вот видите! А Вы – женщина дальновидная, практичная. Вас интересует не столько процесс, сколько результат. Вам мало добиться успеха в деле. Вы нацелены на признание. Он рисковал ради достижения цели, а вы готовы рисковать

ради получения признательности, славы и, наверное, не прочь получить всевозможную прибыль. Так?

–

Ну, разумеется!

–

Все непризнанные гении – трудяги-одиночки. Вашему избраннику здорово повезло – рядом с ним женщина, не лишённая здоровых амбиций. Именно Вашими усилиями к нему придёт признание. Только, если позволите, я дам Вам дельный совет? – Тамара, заморожённая пронизательностью и доброжелательным настроем гостя, кивнула. – Не позволяйте никому разделять лавры его успеха. Это он сотворил невероятное, он вернул к полноценной жизни обречённую, он гений-самородок. Все остальные – только Его слабая тень. Это – сопутствующие Ему помощники. Ведь, на самом деле, так оно и есть?

–

Конечно!

–

Рад был нашей встрече. Разрешите откланяться. Очень

приятно провести несколько счастливых мгновений рядом с воплощением женской красоты и мудрости. – Гость встал, поклонился и направился к двери.

Тамара заворожённо смотрела на уже опустевший стул и не заметила, как он вышел.

–

«Успех Левана»... – закрутилось в мозгу Тамар. Дар анализа снова занял в нём своё место. – Успех Левана, а оформляет результат бабка-Натка. Пишет книгу, собирает симпозиум. Она, в этом случае, основа, а он, я, профессор Гурам – исполнители. Ловко! Но причём тут она? Ведь на самом деле она даже не подопытный кролик. Она – иллюстрация позитивного побочного действия методики Левана.

Великое искусство – стратегия. Уметь оценить ситуацию, увидеть роль и место каждой фигуры, чётко осознать свои цели и одним лёгким элегантным движением развернуть позицию в свою пользу – редкий талант.

Уже на следующий день Тамара Георгиевна Васадзе создала документы для регистрации частной медицинской консультации по проблемам онкологических заболеваний. Приём больных должен был происходить в реабилитационном центре электровозостроительного завода, где она договорилась арендовать три комнаты. В проекте рекламного проспекта говорилось, что «приём ведут опытные врачи– онкологи и практикующий целитель, экстрасенс Лев Арье.»

-

Вот! – Тамара Георгиевна Васадзе положила на стол доктора Гурама Гогитидзе проект уставных документов. – Батонно Гурам, я подумала, что Леван должен иметь практику для своей методы. Поскольку в Минздрав лезть с таким предложением бессмысленно, я решила создать частную медицинскую консультацию. Это уставные документы.

Гурам пристально всмотрелся в хорошо знакомое лицо красавицы.

-

Ты счастлива? – спросил он и склонил голову на плечо, как делал всегда, когда сомнения рождали очередную мысль.

-

Да, – немного смутившись, ответила бывшая любимая аспирантка.

-

Я спрашиваю, – Гурам переложил голову на другое плечо, – ты по-женски счастлива?

Не за исповедью к духовнику шла она. Гурам мгновенно уловил смену состояния женщины, выпрямился и протянул руку к документам.

-

А по мне не видно? – Тамар проследила взглядом за движением руки доктора.

-

Тогда, – он стал листать страницы, – зачем тебе всё

это?

–

Чтобы он имел практику и совершенствовал свою методику, – она подалась вперёд и выпалила в упор: – И ещё, чтобы быть максимально независимыми. Слава Богу – перестройка, и никто не мешает зарабатывать на своих способностях.

–

Хорошо, – профессор улыбнулся своим мыслям. – А я тут причём? Дерзайте!

–

Батоно Гурам! – Тамар была готова к такому вопросу.

–

Ваш профессионализм, широта знаний, опыт, авторитет и титулы нужны такому предприятию. Кроме того, я подумала, что Вам будет интересно участвовать в нашем проекте.

–

Ты права, – задумчиво листал страницы профессор.

–

Интересно. И даже очень. – Он поднял взгляд на свою бывшую ученицу: – И ты хочешь, чтобы я всё это прочитал?

–

Ну, не будете ведь Вы подписывать вслепую?

–

А что здесь касается меня лично?

–

То, что Вы становитесь учредителем вместе со мной и Ле-

ваном.

—

А степень ответственности?

—

Только за анализ верности диагноза и назначенного

курса лечения, как в учреждениях Минздрава.

—

Ладно, моя дорогая Тамрико! Давай, подпишу.

Она открыла страницу с подписями учредителей.

—

А где ваши с Леваном подписи.

—

Вот, – Тамара улыбнулась и положила руку на ладонь со-
учредителя. – Я бы хотела, чтобы это была Ваша инициатива.
Боюсь, что Леван тоже начнёт спрашивать меня: «Ты счаст-
лива? Тогда какого чёрта тебя тянет во всякие бизнесы?»

—

О! Женщины! Какая страшная сила в вас заключена! Как
здорово вы умеете манипулировать нами! – Он притянул её
руку, лежавшую в его ладони, и поцеловал. – Ладно. Подыг-
раю тебе. Дело-то того стоит.

« »

—

Так он что? – встрепелась Тамара, выслушав рассказ
Левана о его способе общения с Василём. – Он может на-

блюдать за тобой всегда?

—

Наверное, — не заметив подвоха в вопросе, ответил Лев.

—

Ты! — у Тамрико сжались зубы, губы сложились в клюв, глаза сузились и стали нормальной величины. — Ты хочешь сказать, что я всё это время была перед ним, и всё, что было между нами, он видел, как на телеэкране?

—

Что? — Лев поперхнулся таким всплеском фантазии своей возлюбленной. — Ты думаешь, что я позволил бы кому-нибудь быть?.. Я не знаю, как это назвать!

—

Чего ты не знаешь? — у Тамары на голове волнами зашевелились волосы, из глаз посыпались искры, она смотрела на Левана взором, способным испепелить камень. — Это ведь то же самое, что поставить у нас в спальне кинокамеру для скрытой записи.

—

Тамуня, любимая! — он растерялся, почувствовав, но не осознав ещё, опасность, нависшую над его счастьем. — Это ведь бред. Как ты могла даже подумать о том, что я позволю кому бы то ни было разделить с нами наш интим! Я абсолютно уверен, что Василь может общаться со мной только в то время, когда я вхожу в транс.

—

А ты всегда в чём-то, где-то. Могу я знать, когда ты тут, со мной, когда ты в трансе, а когда гуляешь по астралу?

—

глаза Тамар наполнились влагой. Теперь они смотрели на своего любимого двумя огромными озёрами. Из глубины их тёмных вод готова была вырваться магма ненависти. Слезы залили пожар во взоре красавицы.

—

Так, – Лев собрал всё своё внимание, чтобы сконцентрироваться и повернуть ход мыслей Тамар, но представил себе бредовость возникшей ситуации и чуть было не рассмеялся.

—

Ты хоть понимаешь, что ревнуешь меня к моим мыслям, привычкам, способностям? Ещё немного – и у нас начнутся споры о том, в какой руке мне держать нож, в какой вилку, как поворачивать голову и с какой ноги вставать.

—

А! Значит, я психопатка, которой нравится устраивать сцены? По-твоему, я шизофреничка? Я хочу оградить нас от постороннего присутствия! Я женщина, и вижу то, что ты считаешь недостойным внимания. – Страх перед Василём, который мог прочесть её мысли, а результат этого – потеря власти над Леваном; страх впустить в свою судьбу постороннего человека, который явно имеет мощное влияние на её

гения, овладел коварной женщиной. Слезы хлынули из прекрасных глаз. – Все вы, мужчины, считаете нас дурами. Бездушные эгоисты! – всхлипнула она и бросилась ничком на кровать.

Растерянный и подавленный такой реакцией, Лев стоял посередине комнаты и не знал, как вести себя в подобных обстоятельствах. Одно он понял точно и сразу: таких ситуаций в его жизни будет много.

–

Покажите мне судьбы моих героев, – усталым голосом попросил Деми.

–

Ну, маэстро!.. Вы всё смешали. Я способен показать Вам историю реального мира, в котором мы находимся, а судьбы Ваших героев – это Ваша прерогатива. Хм... – улыбнулся властелин Земли. – А ведь Вы спрашиваете об их судьбах, потому что потеряли ощущение реальности. Вы понимаете, что «в сложившейся исторической ситуации» Ваши герои не могут прожить жизнь, как хозяева своих судеб.

–

Могут! – с жёстким упрямством возразил автор.

–

Уважаемый маэстро! – Властелин Земли сидел на своём троне в пурпурной парче и в золоте. Голова его-

упиралась в серебряные облака, а ноги ласкали волны океана. Фигуры героев мифологий всех стран и народов мира, как кружева, создавали фон за спиной владыки, разыгрывая сцены былых преданий. – Вы, постигший кладезь мудрости, правильно определили разницу законов Его Вечности и законов Земного Бытия. Я оценил Ваше желание показать людям истинные причины их страданий – стяжательство, страх и ложь. Вы смогли понять и изобразить, что я никогда ничего не делаю без их желаний. Не я творю их беды – они сами творцы своих страданий. Мне не дозволено оберегать их от последствий их же деяний. Я не могу принуждать людей выполнять Заветы. Я не способен удержатъ людей от желаня трактовать их по своему усмотрению. Я не имею возможности заставить их стать такими же любвеобильными, как Христос. Не моим именем, а именем своего Божества они жгли на кострах таких же любвеобильных и свободных людей, как герои Вашего романа. Не я строил Гулагы и лагеря смерти, а люди, призывавшие к всеобщему благу. Они мостят дороги зла и творят беды. – Он встал, и его облик покрыл всю планету. – Покажите это в Вашем романе. Не совершайте ошибок либеральной интеллигенции – не умиляйте Ваших читателей идиллической картиной «хэппи энда». Люди о нём, конечно, мечтают, но не способны удержатъ свои страсти. Покажите это, и Ваш роман будет реалистичным.

Уважаемый Владыка Людских Слабостей! – самодовольно ухмыльнулся Демиург. – Вы не заметили, что мои герои свободны. Они сами творят свои судьбы, не ведая страха и заблуждений. Их миновала участь детей, которых лишили врождённого духовного богатства воспитанием общепринятых взглядов. Они живут и творят по Его законам. Поэтому они – хозяева своей судьбы, и никакие Ваши козни их не ломают.

–

Уважаемый Знаток Человеческих Душ! – любезно ответил Князь на выпад писателя. – Всеми своё место и время. Таков Его закон. А посему этот закон абсолютен. Действующие лица Вашего романа живут на Земле в то время, когда надо «собирать камни», которые я разбросал. Им никуда от этого не деться. Хотите посмотреть, куда заведут Вашего героя его сильные страсти?

Демиурга прошиб холодный пот – предложение было

судьбоносным. Страх за участь любимых героев сжал горло. Но уверенность в своих убеждениях часто заставляет нас упрямиться и рисковать.

–

Если бы я не верил в то, что мой герой способен пустить по ветру любое зло, зачем бы мне писать этот роман!

–

Да. Сильные ребята. Для них такой чёрт, как Ваш лю-

битель экстравагантной бабочки, небольшая угроза. Но я предлагаю показать мастер-класс. Согласны?

—

При условии, что они не предадут своих интересов, способностей и убеждений.

—

Больше того! – лукаво усмехнулся Сатана. – Все лучшие качества, которые Вам, маэстро, так дороги, будут продемонстрированы самым явным образом. – Он сделал паузу, наклонился и подал руку своему оппоненту. – Будьте моим гостем, дорогой маэстро, и мы наблюдаем свысока за тем, как распорядится судьба Вашим любимым Львом.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КЛОНДАЙК

Василь, по привычке, проснулся с первыми лучами солнца. Похозяйничал на кухне. Вытащил литровую бутылку молока и пошёл с ней в кабинет.

В девятом часу Ольга подошла к мужу, посмотрела, что он читает, и поцеловала. От неё исходили тепло и нега. Василь посадил её на колени, обнял и размяк.

—

Господи! – прошептал он. – Как хорошо!

Ольга словно прилипла к мужу. Они долго сидели так, не шевелясь. Забылись в неге. Василь пришёл в себя первым.

—

Простынешь. Иди, оденься.

—

Пошли завтракать, – сказала жена, взяла пустую бутылку молока и потянула его за собой.

«За годы перестройки, – вещал учёный муж с экрана телевизора, – разработки проектных институтов академии наук, ввиду их перевода на коммерческую основу, резко сократились. Если прежде эти разработки проводились в соответствии с государственными планами и финансировались за счёт госбюджета, то сейчас учёным и проектировщикам надо искать инвесторов. А как и где их искать, никто не знает. В государстве отсутствуют соответствующие службы. Нет рынка новаций. В настоящее время в проектных и

научно-исследовательских институтах накопилось огромное количество невостребованных разработок. Это огромный интеллектуальный капитал...»

–

Оля, позвони быстренько Вадиму.

–

В чём дело?

–

Потом, потом. Дай номер.

Она продиктовала номер.

–

Вадя! Это Василь. Включи телевизор. Первый канал. Кончится передача, – позвони.

Оля ела и внимательно слушала передачу:

«Если такое положение дел продолжится ещё пару лет, – завершал своё выступление учёный муж, – от великой советской науки не останется и следа. Жалобы на то, что наша страна остаётся сырьевым придатком мировой экономики, превратятся в реальность, и этот процесс окажется необратимым. Грош цена любой смене политических систем, если её результат – потеря своих приоритетов. Важнейшим приоритетом Советского Союза была мощнейшая школа фундаментальных наук».

–
А чего ты звонил Вадьке? – спросила Ольга.

–
Он как-то жаловался, что нет в стране капитала.
Зазвонил телефон. Василь снял трубку.

–
Да. Как что? Ты жаловался, что нет капитала, который можно взять в траст. Есть! Как какие? Завалы интеллектуального капитала. – Василь долго слушал. – Да любой автор изобретения будет выполнять любые твои задания, если ты гарантируешь заказчика. Подумай. Пока.

–
Ты думаешь, он сможет это сделать?

–
Если дело только за капиталом, а он талантливый организатор.

–

Теперь это называется «менеджер».

—

Если он талантливый менеджер, — согласился Василий, — то это поле, которое можно пахать всю жизнь.

—

Вась! Так ты у меня генератор идей!

—

А ты думала!

—

Нескромный ты, Вась. А кажешься таким простым.

—

Я прост и спокоен. А скромность — чадра для бестолковых.

—

Ух ты! Какое точное сравнение!

—

А ты думала?

—

Вась. Прости меня за всё, что я думала.

«—»

Закончив телефонный разговор со своим необычным соседом, Вадим подумал несколько минут и набрал номер:

—

Клара, привет! Как дела? Да? Ничего страшного.

Переморгаем. Плюнь и разотри. Не хотят, не надо. Ты вот

что, позвони сейчас в академию наук. Попроси руководство академии собрать совещание на тему: «Возможности трастовых компаний в обеспечении внедрения новаций». Докладчик я. Записала? Но предупреди, что на совещании должны быть все первые – поняла? – первые лица академии, которые ответственны за внедрения. Да, включая президента академии наук. В противном случае доклада не будет. Нет. Я в них не нуждаюсь. Это они в нас нуждаются. Так что пусть принимают условия. Время согласуй со мной. Пока.

Он снова снял трубку.

–

Димка! Чем занят? Когда освободишься? Патентоведением не занимался? Жаль. А у вас в институте? Во! Вот добудь этого академика и попроси встретиться с нами. Договорись, а я постараюсь не подвести. Где хочешь. Можно в офисе, можно в институте. Я его и у себя дома могу принять с бутылкой коньяка. Только чтобы на днях. Хоть сейчас. Пока. Жду.

Через неделю Вадим почти наизусть знал весь доклад, который написали Хволес со своим академиком. Ещё через неделю состоялось совещание, а через два дня академия подала список готовых к внедрению проектов. Из этого списка они с Димкой и Крохой выбрали тот, который оказался наиболее привлекательным. Это был новый метод очистки нефти. Опытная установка работает в Тюмени. Аналогов нет. Из Азербайджана, Украины, Казахстана, Сибири при-

шли однообразные ответы на запрос о возможности внедрения установки: знаем о ней. Хотим. Но денег нет. На возможность бартера все ответили положительно. На вопрос долевого участия от прибыли отрицательных ответов тоже не последовало.

—

Во, чёрт меня дери! – вырвалось у Вадима, когда он вёл свою машину домой по забитым улицам Москвы. – Это

Клондайк!

—

Совершенно верно, – с заднего сидения отозвался старый знакомый в бабочке. – Что думаешь делать?

—

Надо поехать и посмотреть установку.

—

Правильно. Когда поедешь?

—

Можно хоть сейчас.

—

А ты не забыл, кто подсказал идею?

—

Ну! Что ты? Такого забыть нельзя.

—

Возьми его с собой. Этот крестьянин не видел промышленных гигантов.

–
Тоже идея. Хороший парень. Спокойный.

–
Вот и растормоши его.

–
Ты даёшь дельные советы. Поедешь с нами?

–
Я буду рядом. Можешь быть уверен.

–
Хорошая компания.

–
Она даже лучше, чем ты можешь себе представить!

Вадим заехал во двор, остановил машину, собрал документы и поднялся домой.

Вечером они сидели вчетвером на кухне у Розочки. Вадим пил коньяк, пел студенческие песни и рассказывал, как ловко он раскрутил идею Василя.

–
Всё. Завтра едем в Тюмень. Вася! Ты светоч перестройки. Это же надо – помнить наш разговор двухгодичной давности и так чётко среагировать на новую информацию! Ты спаситель русской науки. Ты отец прогрессивных технологий переработки своего качественного сырья. Отныне советский капиталист станет стеной против коммунистической идеи, которая требует производить бракованный продукт со знаком качества, – Вадим посмотрел на своего нового друга

взглядом с «добрым ленинским прищуром» и попросил: –
Поехали, Вась! Тебе понравится. Вот увидишь.

Когда молодожёны поднялись к себе, Ольга спросила:

–

Вась! Ты поедешь?

–

Зачем?

–

Не знаю. Вадька просит.

–

Ты хочешь, чтобы я поехал?

–

Нет. Я хочу поехать с вами.

–

Ах, вот как? Ну, тоди поихалы.

«ПОД МЕРНЫЙ СТУК КОЛЁС...»

Под мерный стук колёс мысли, играючи, скачут, выхватывая фрагмент за фрагментом из прошедших ситуаций и рисуя картины вероятных будущих событий. Успех кружит голову, картины новых побед кажутся лёгкими и представляются в виде практически свершившихся фактов. Эта игра воображения не даёт уснуть, и уже во втором часу ночи Вадиму надоело лежать с открытыми глазами на своей полке. Он встал, прикрыл одеялом спящую Розу, тихонько приоткрыл дверь и оказался в коридоре вагона.

У окна напротив соседнего купе, на откидном стуле сидел его старый приятель в домашнем халате, с неизменной красной бабочкой на голой шее.

—

Когда молодому человеку не спится, — обратился попутчик к Вадиму, — это значит, что его мучат неразрешимые проблемы, либо эйфория от побед будоражит воображение. Я прав?

—

Да. Проницателен, до чёртиков.

—

Так что? Проблемы или победы не дают уснуть?

—

Ну, вроде бы проблем пока не вижу, а успехи кажутся реальными.

—

Эта вечная беда молодости — недостаточная прозорливость — приводит к краху любых благих начинаний.

—

Я не пророк, я аналитик. А для анализа нужны факты. Пока что, — Вадим трижды плюнул через левое плечо, — ничего тревожащего не вижу.

—

Вот. Беда аналитиков в том, что они доверяют пророкам, поступают по их указке, а потом, попав в беду, говорят, что их «чёрт попутал». И это вечная история: одни заваривают

кашу, вторые её расхлёбывают, а виноватым остаётся чёрт. Выдумали этакого козла отпущения. И рога ему приписали, и неудачи праведников на него списывают.

—
Так что? На праведников надеяться нельзя?

—
В земной жизни? – Ни в коем случае. Здесь побеждают не праведники, а те, кто обеими ногами стоит на Земле. Вот этот твой Морозов. Он сам не стал «буржуином» – он тебя подставил. Этот праведник, Василий, тоже не желает менять свою крестьянскую родословную – он на тебе собирается выехать. А зачем ему влезать в опасные игры? Завтра коммунисты примут решение о «борьбе с чуждыми

элементами», и он провезёт тебя мимо Тюмени в Гулаг. С чего ты взял, что в Советский Союз пришёл капитализм? Он уже приходил в виде НЭПа. Где теперь эти нэпманы? Вы с ним классовые враги. А классовых врагов надо уничтожать. И я надеюсь, что ты окажешься проворнее.

Вадим стоял, уткнувшись лбом в стекло окна вагона. Дрожь проняла его. Перед глазами ритмично пробегали огни фонарей.

—
Спасибо, – сдавленным шёпотом произнёс он. – Я подумаю.

Думать не надобно. Ты должен сделать то, что я прикажу. Ишь, вообразил себя гением. Кем бы ты был без нашего знакомства? Израильским эмигрантом... Смешно сказать: русским репатриантом на историческую родину евреев. Работал бы на стройке гостарбайтером. А сейчас? Миллионами ворочаешь. Пора платить по счетам. Сделаешь это сегодня. Вместо утренней зарядки. Удачи!..

И вновь под мерный стук колёс мысли, играючи, скачут, выхватывая фрагмент за фрагментом из прошедших ситуаций и рисуя картины вероятных будущих событий. Теперь эти события рисовались в страшном виде. От прежних радужных картин не осталось и следа.

—

Господи! Боже мой! – вырвалось из груди сына «верного ленинца» и правнука Солохи. – Спаси и сохрани! Бес меня попутал. Прости меня, Господи!

Он неумело, впервые в жизни сложил три пальца, перекрестился и перекрестил стул, на котором недавно сидел ночной попутчик.

Странно, но как только голова Вадима коснулась подушки, он заснул.

В поезде просыпаешься рано. Лежишь в неге, под стук колёс собираешь мысли. Этот процесс длится всего несколько секунд, а представление такое, будто ты провалялся с открытыми глазами целый час.

Вадим проснулся, опустил ноги на пол, поднял полку, вы-

ташил чемодан и начал искать.. .пистолет. Он несколько раз останавливался, вытирал холодный пот со лба, вспоминал, зачем ему нужен пистолет – не мог понять, закрывал крышку, снова открывал и снова начинал поиск своего оружия. Закрыв чемодан в последний раз, он сел на него и уставился на полку, где должна была спать Роза. Постель была собрана, и

жены в купе не было. Его вдруг охватила паника. Холодный пот снова выступил на лбу. Он встал и снова поднял полку вместе с чемоданом. Под полкой не оказалось чемодана. Бросив крышку, Вадим выскочил в коридор вагона.

–

Доброе утро, Вадя! – его жена с Ольгой стояли у окна соседнего купе.

–

Господи! – воскликнула Роза. – Что с тобой? – Бледный Вадим смотрел на неё растерянным взглядом, и руки его начали трястись. – Что случилось? – закричала она и заглянула в купе.

–

Чемодан... мой чемодан пропал.

–

Да вот он, – Роза вошла в купе и потянула за собой мужа. – Вот чемодан. Ты его достал и открыл. В чём дело? Успокойся. – Она усадила его на свою полку, вытерла полотенцем

люб. – Тебе что, кошмар приснился?

Вадим еле кивнул и уставился на чемодан. Роза встала перед ним, обняла и прижала к своей груди.

–

Всё. Всё. Успокойся. Всё хорошо.

Она почувствовала, как муж обмяк. Постояла ещё немного, отпустила объятья и присела перед ним на корточки:

–

Пойди, умойся. А мы с Ольгой сейчас завтрак сообразим.

–

А где Василь? – встревожился он.

–

Да что с тобой, господи? Василь уже умылся. Он в купе. Читает. Спокойно. Возьми полотенце, вот мыло, паста, щётка. Бриться будешь? – Вадим посмотрел на неё, притянул к себе, обнял.

–

Прости. Глупость какая-то. Всё! – выдохнул он. – Побреюсь в гостинице, – взял туалетные принадлежности и вышел из купе.

Возле туалета спиной к входной двери стоял человек в домашнем халате и курил в окно. Вадим открыл дверь туалета, оглянулся и схватил попутчика за плечо. Тот обернулся.

–

Ты что тут. – начал Вадим и осёкся. Он увидел красное бородатое, обветренное всеми ветрами лицо с трубкой в зу-

бах. – Простите. Обознался, – виновато сказал он и закрыл за собой дверь туалета.

Роза вышла из купе вслед за мужем.

–

Что случилось? – Ольга стояла у своего окна. Ей было небезразлично непонятное состояние Вадима, но она не

посмела вмешиваться в дела супругов.

–

Видно, какой-то кошмар ему приснился, – ответила Роза. – Я его ещё таким никогда не видела. Он растерян, чем-то подавлен.

–

Я попрошу Васю, пусть он его успокоит.

–

А сможет?

–

Посмотрим.

Она зашла в купе. Поговорила с мужем. Достала снесь к завтраку и вернулась к Розе.

–

Мы соорудим здесь завтрак, а они пусть там пообщаются.

–

Василь обещал?

–

Да. Вернёт он тебе спокойного мужа.

–
Ой, дай то, Бог! Он меня здорово напугал.

Завтрак проходил в «спокойной и дружественной обстановке». Приходится порой удивляться, какие точные и немеркнущие фразы придумывает официальная пресса. А за этой фразой всегда стоит только факт процесса еды с минимальным уровнем общения: «Хотите то?», «Подайте это», «Очень вкусные варёные яйца» ... Но к концу завтрака заговорило радио. То, что они услышали, заставило остановить процесс жевания: в оставленной ими Москве организован Государственный Комитет Чрезвычайного Положения – ГКЧП. Из всего дальнейшего официального славословия было понятно только одно: группа высоких государственных чинов решила отстранить Горбачёва от власти и установить, ни много ни мало, режим военной диктатуры. Объявлено чрезвычайное положение, стянуты войска.

–
Вот, – Вадим откинулся на стенку купе, – вот оно. Вот что значила моя истерика. Вот зачем я искал оружие. Вась! Это было предчувствие. Куда я теперь еду? Какой, к чёрту, бизнес? Этапы в Сибирь. Вот и всё. Да, Василий, ты сейчас гегемон, а я враг народа. Сейчас меня к стенке поставишь, или подождёшь, когда за мной «чёрный воронок» приедет?

–
Успокойся, Вадя. Не говори глупости.
–

Какие глупости? Мы едем в Сибирь добровольно. Надо только билеты закомпостировать на Воркуту или Магадан. Полпути уже проехали. Зачем возвращаться? Надо помочь государству экономить на перевозке ээков. Может, не расстреляют? Помилуют. Ха!

Женщины сидели притихшие и подавленные. Ольга смотрела на Вадима, и ей страшно хотелось найти какие-нибудь слова, но в голове рождались фразы из, как ей казалось, забытого арсенала агитработника. Она сейчас могла бы, не задумываясь, накропать передовицу о победе великого пролетариата. И всё-таки что-то не вязалось с всплывающими в памяти текстами, – всё нутро восставало против этого бреда, казалось бы, уже ушедших времён. Ольга стала вслушиваться в сообщения, и тут вдруг сработало мышление редактора: она почувствовала слабость формулировок. В них не было ничего, что могло бы отвечать духу времени. Они были, как привидения, безлики и бесхребетны.

–

Бред, – заключила Ольга. – Это отголоски старины. Они не могут никого задеть за живое. Это даже не агитация. Это крик агонии.

–

Но в Москве войска, – возразила Роза.

–

По-твоему, в войсках одни тупицы? Армия не пойдёт на

народ.

—

А ты? Ясновидящий ты наш, — обратился Вадим к Василию, — чего молчишь?

—

Ольга права. Это начало того, что называется падением государства. Будет немного жертв. Всего несколько человек. Но Советского Союза не будет. Это всё ЧП, до которого это ГК доиграется. Надо только подождать несколько дней.

—

Ты в это веришь?

—

Я это знаю.

—

А если всё наоборот, — Вадим подался всем телом к Василию, — я тебя первого убью.

—

Вот и славно. Вот и сказал. А значит, — всё будет хорошо. — Василь улыбнулся и подмигнул Ольге. — За это надо выпить. Так положено на Руси.

Какая всё-таки прелесть, эти народные обычаи: все проблемы, если и не решаются, то отходят на задний план. А завтра уже будут другие заботы.

И ещё. Хорошая водка стимулирует народное творчество. Уже после второй рюмки Ольга расшифровала страшную аббревиатуру ГК как «говно кошачье». После такой трактовки

все их страхи стали казаться смешными.

—

Честно говоря, – сказала Ольга в своём купе, – я очень испугалась, когда Вадим стал тебе угрожать. Мне показалось, что он и вправду способен тебя убить.

—

Уже не способен, – спокойно ответил Василий. – Вот, если бы он не сказал, то вполне мог бы натворить бед. А после того, как угроза произнесена, она считается исполненной и в реальности не повторится. Зато я теперь многое понял. И всё дальнейшее мне неинтересно.

—

Ты хочешь вернуться в Москву?

—

Нет. Я бы с удовольствием повидал Левана и эту больную девочку. До начала занятий в школе остались дни. Можем успеть. Всего на пару дней. Завтра вернёмся в Москву, соберём вещи, позвоним Коту в деревню, чтобы присмотрел за подготовкой школы.

—

И полетим в Тбилиси. Мне там очень понравились люди и страшно не понравились правители.

—

Правители – людоеды. Это везде.

По радио звучали мелодии «Лебединого озера». Когда

правительству нечего было сказать, уши народа сутками ублажали эти райские звуки. Так уж повелось в Советском Союзе.

В другом купе Розочка завершила хлопоты по наведению порядка после долгого завтрака и присела напротив мужа. Перед ней сидел сжавшийся, растерянный, усталый, совсем незнакомый, но очень родной человек.

–

Вадь! – осторожно позвала она мужа. Отсутствующий, растерянный, обращённый в себя взгляд продолжал блуждать в тёмных уголках его сознания. – Вадя! – более настойчиво повторила Роза. – Я здесь. Что с тобой? – Она увидела, как её весёлого и смелого красавца стало трясти. Налила и подала ему воды, обняла и сильно прижала к груди. – Успокойся, успокойся, родной. Всё будет хорошо. Никакие большевики больше к власти не придут.

Он не смог допить воды. Его затрясло, и глубокие всхлипы съёжившегося на полке мужа заставили остолбенеть бедную женщину.

–

Нет, – подумала Роза, – так нельзя. Что сделать?

Она засуетилась, затем одёрнула себя:

–

Угу, ещё и я запаникую, – совсем пропадём.

Роза стала дёргать мужа. Тот сжался ещё больше. Она схватила бутылку газированной воды и выплеснула на него.

Он спрятал голову. Тогда маленькая женщина подпрыгнула и опустилась на всхлипывающий клубок коленками и локотками. Вадим крикнул от неожиданности. Она просунула

своё тело, упираясь о стенку купе, и прижалась к мужу. Ему ничего не оставалось, как выпрямиться и обнять жену. Через некоторое время всхлипы прекратились.

Прошло довольно много времени. Такие моменты прожитой жизни не соответствуют отсчитываемым минутам.

—
Роза, – прошептал он хриплым голосом.

—
Да, родной.

—
Ты думаешь, я испугался ареста? Нет, – ему вдруг стало страшно, снова начало трясти. – Роза, спаси меня! – хриплым, чужим и далёким голосом прошептал он ей на ухо. – Не оставляй меня одного. Ты только поверь... Ко мне Дьявол является. Я сегодня должен был убить Василя.

—
Зачем? – Роза слушала, понимала слова, но следила не за тем, что он говорит, а за его состоянием.

—
Он рассказал мне ночью, что большевики снова придут к власти, и Василь предаст меня им. Что мы едем в Гулаг.

—

Родной, – Роза заговорила спокойно и жёстко. – Я беременна.

–
Что? – Вадим не ожидал такого ответа.

–
Во мне – твой ангел-хранитель. Ты наша опора. Как ты можешь слушать кого-нибудь, кроме нас? Мы с нашим ангелочком изгоняем этого гнусного чертёнка! Он нам не нужен. – Она смотрела в упор в глаза мужа. – Ты должен сейчас же прогнать эту тварь. – Вадим растерянно смотрел на жену. – Хочешь, мы поможем тебе изгнать его?

Вадим чуть кивнул, схватил её в объятия и зарыдал.

ЧЕМ ЧЁРТ НЕ ШУТИТ

Тамара ждала Льва с телеграммой в руке.

–
Ты его приглашал? – раздражённым тоном спросила она и протянула Левану бланк телеграммы.

Лев чуть не подпрыгнул от радости: Василь с женой пообещали вскоре приехать.

–
Ура-а-а! – закричал он и хотел обнять свою Тамуню.

–
Так ты его пригласил, – жёстко констатировала Тамар и сильной рукой отстранила ласки Левана.

–
Ты чего? – вдруг очнулся Лев. – Его пригласила Има.

А что тебе не нравится?

—

Я не хочу встречаться с человеком, который за мной подглядывает в замочную скважину.

—

Ты о чём?

Ему стоило огромных усилий вспомнить недавнюю реакцию Тamar.

—

Но это же глупость!

—

Глупость или нет, — я этого не хочу.

—

Ты всерьёз?

—

Абсолютно.

—

Тогда, когда они приедут, поезжай в Кутаиси. Переждёшь там, пока они уедут.

—

Ты меня прогоняешь?

—

Нет. Но мне очень нужно встретиться с Василём. Я об этом мечтал. Има тоже этого давно ждёт. Кроме того, это гости, и отказать им я не могу.

—

Поехали со мной. Я не хочу, чтобы вы встречались или общались каким-нибудь другим образом.

—

Ты в своём уме?

—

Если не хочешь меня потерять...

—

Тамуня, – Леван напряг все свои силы. – Таких женщин, как ты, немного. Я не хочу тебя терять. Но если ты думаешь держать мои интересы под своим контролем, – у наших отношений нет будущего. Кроме того, таких, как Василий, на этой земле тоже очень мало. Можешь поступать так, как тебе заблагорассудится. – Она хотела что-то сказать, но Леван повысил тон: – Всё!

Тамара Георгиевна была одним из лучших хирургов– онкологов. Её жёсткий характер помогал ей в работе, но очень мешал в таких вот ситуациях. Она выскочила из комнаты, с силой захлопнула за собой дверь квартиры и через минуту оказалась в парке на скамейке.

—

Здравствуйте, доктор! – услышала она знакомый баритон. На соседней скамье сидел её удивительный знакомый. Тамар, с полными влагой глазами и комком в горле, не смогла ему ответить и только кивнула в знак приветствия. Собеседник подождал, пока она вытирала глаза и освобождалась от

спазма. – А счастье было так возможно. Правда?

–

Вы что, – испуганно воскликнула взволнованная женщина, – читаете мои мысли?!

–

Да несколько. Просто в стандартных ситуациях люди думают стандартными фразами. «А счастье было так возможно» – крылатое выражение. У Вас такое состояние, что эта фраза должна крутиться в Вашем сознании. Вот и весь фокус. Просто. Согласитесь.

–

Да, – она вдруг стала спокойной. Ей показалось, что всё в её жизни нормально и так же просто, как это объяснение.

–

Вот видите? А после такого потрясения в спокойных и конструктивных мозгах всплывает другое крылатое выражение.

–

«Нет худа без добра?»

–

Я же говорю, что Вы гениальная женщина, – он пересел на её скамейку. – Если Вы позволите, я продолжу свой анализ Вашего состояния на основе тривиальности сюжетов человеческих отношений. – Она слушала молча. – «Молчание есть знак согласия», – продекламировал он. Тамара Георги-

евна улыбнулась. – Вот и прекрасно! Значит, как обычно: есть Вы, и есть Он. Его отношение к чему-то или кому-то Вас не устраивает. А Он этими отношениями поступиться не желает. А Вы при этом оказываетесь в очень невыгодном свете. Вас это коробит так сильно, что смириться никак не желаете.

–

Да. Наши отношения зашли слишком далеко.

–

А Он не предлагает «руки и сердца». А может, Он отдал Вам своё сердце и не желает оторвать своих рук? А Вы ждёте, что он предложит Вам взвалить на себя обузу семейных забот? А ему так хорошо с вами, что никакие изменения и в голову не приходят.

–

Беда в том, что я старше него и не могу сама предложить ему себя в жёны.

–

Вам и не надо ничего предлагать. Просто спросите: как Вы выглядите в глазах этого третьего?

–

Ну и что?

–

Вот если он ничего не предложит, – решайте Вашу задачу сами. А если...

–

И правда, – в задумчивости произнесла Тамрико, – чем чёрт не шутит?

Она подняла глаза. В парке никого не было. Сумерки летнего дня мягко опускались на город.

« »

Ольга вставила ключ в замок, повернула его и открыла дверь. Часы в прихожей показывали 13.13.

–

Такое сочетание бывает не чаще одного раза в сутки, – заметила женщина, поставила сумку на тумбочку и окликнула мужа. – Это знамение, – подумала она.

Василий не ответил и не появился в коридоре. Она снова взглянула на часы. Цифры не изменились. Это насторожило её, и настроение резко изменилось. Ольга зашла в кабинет, спальню, заглянула в гостиную, приоткрыла дверь в туалет и буквально бросилась на кухню. Снова вышла в прихожую. Циферблат показывал 13.13.

–

Как? – удивилась она. – Я уже столько времени дома! – У неё учащённо забилося сердце. Сквозь приоткрытую дверь кабинета Ольга увидела кресло, которое отец обозвал «вечерним»; оно должно было стоять не в кабинете, а в дальнем углу комнаты. – Что творится?

Часы упорно показывали 13.13. Она обхватила голову руками и оперлась спиной о дверь. Та вдруг дёрнулась, и у Оль-

ги пробежали мурашки по всему телу. В следующую секунду дверь сильно ударила хозяйку, голова запрокинулась и больно стукнулась о стальную обшивку. Ольга снова увидела над головой 13.13 и вылетела в коридор.

Василий стоял со своей драгоценной ношей на руках посреди коридора.

—
Ва-а-ся... — он вздрогнул. — Ты где был?

—
Спустился за почтой.

—
А как мы разминулись?

—
Я пешком.

—
На восьмой этаж?

—
Не нравится мне этот ваш лифт.

—
Дикарь, — улыбнулась Ольга. — Опустить меня.

—
Зачем?

—
А что? Так и будешь держать?

—
Да. Я наказан.

—
За что?

—
За то, что ударил тебя.

—
Но ведь ты ненарочно.

—
Всё равно. Это недопустимо.

—
Ты серьёзно?

—
Конечно.

—
Вася! – глаза Ольги выражали преданность и восторг. – Я тебя очень люблю... – Она подняла глаза. Снова 13.13. Ольга испуганно вжалась в плечо мужа. И тут же, над головой, – 13.14.

—
Спасибо! – услышала она и заплакала навзрыд.

Он занёс её в гостиную, уютно устроил на диване. Зазвонил телефон.

—
Да. Здравствуй, Кот! – Василь терпеливо слушал. – Хорошо. Завтра утром буду.

Ольга, вместо того чтобы расслабиться, напряглась и, мол-

ча, оставилась на мужа.

—

Беда? — тихо спросила она.

—

Мабуть...

— в задумчивости ответил Василий

Степаныч. Он присел рядом с ней на диван. — В селе творится какая-то чертовщина. Соберись. Поедем.

—

Да у меня всё собрано. Но как же Тбилиси? Я уже и телеграмму отправила.

—

Позвони. Объясни. Приведём в порядок дела — поедем в Тбилиси.

Ольга пошла в кабинет, нашла номер телефона семьи Деми.

—

Здравствуй, Марго! Да. У тебя абсолютный слух. Да, это я. Нет. Потому и звоню, что хочу извиниться. Не выйдет вылететь завтра. У нас появились дела в Запорожье. Только что. Не знаю. Вот после деревни приедем, — всё расскажу. Да. Передай госпоже Натали, чтобы не встречали. Да. Спасибо! Привет Деми и деткам. Да. Я тоже. Пока.

ТЕПЛО, КОТОРОЕ ЖЖЁТ

Тамара лежала в объятьях Левана. Он, покрытый россыпью её чёрных кудрей, блестящих в свете луны, задыхал-

ся от нарастающего счастья обладания своей возлюбленной. Вдруг Тамара выпрямила свой царственный стан и воздела руки к небу:

–

Смотри, Василь, – воскликнула прекрасная жрица любви, – какой девкой обладает твой ученик!

Обессиленные, они лежали поверх одеяла, и луна ласкала их тела своими лучами. Они лежали на спинах. Руки и ноги, расслабленно раскинутые по простыне, создавали причудливый орнамент. Эта композиция неги

длилась недолго. Тамара, не дождавшись желаемой реакции, повернулась на бок и приняла форму зародыша.

Тамар замкнулась. Она вдруг поняла, что Леван не жертвенный агнец на празднике её амбиций. Он будет жить по своим правилам, блюсти свои интересы и жертвовать только во имя достижения своих целей. А она? Она будет просто его тенью, красивой и престижной, но которую можно топтать ногами.

– Нет! – возмутилось всё её существо. – Я была, есть и буду первой. И мне должны служить, и меня должны любить, и меня должны величать. Или всё это для меня, или пусть всё летит к чёрту! – Она ещё сильнее свернулась в клубок. Её обида постепенно стала перерастать в гнев. – Так! Значит вы великие философы, физики, маги и волшебники, а я – ваша подстилка? Девка, которая бесстыдно и открыто живёт

вне брака с похотливой мальчишкой. Баба, которая потеряла надежду и согласна быть безвольной домохозяйкой? – Она резко выпрямилась и закрыла ладонями глаза. – Да они держат меня непонятно за кого! Его мать меня даже на кухню не пустила. Отец, этот Соломон-премудрый, только кивает на моё приветствие. Ни разу не подошёл и не заговорил. Эта старая бабка, видите ли, – великий философ, использовала меня при написании своей книги, а после издания уже в упор не видит, и все лавры ей одной достались. – Теперь Тamar лежала на спине, вытянув тело в струнку. – Как я могла всего этого не замечать? Как могла позволить такое отношение к себе? Переиграла саму себя! Ладно. Я постараюсь не остаться незамеченной на вашем празднике...

« »

С этой минуты в душу Тamar вселился бес противоречия. Всё в ней вызывало чувство протеста. Природная одарённость подсказывала в вопросах профессии методы, противоречащие существующим правилам и многолетней практике. Эти дерзкие решения, как по волшебству, давали неожиданно прекрасные результаты. Ощущение своей непогрешимости вселяло чувства уверенности, вседозволенности и превосходства.

Прием окончен. Леван снял халат и вышел на балкон Консультативного центра. Все комнаты этого длинного

здания имели выход на балкон. Тamar ещё заполняла ис-

тории болезни пациентов, а доктор Гурами уже возлежал в шезлонге под окном своего кабинета.

–

Почему ты отказал этой старой женщине? – Гурам приоткрыл один глаз, убедился, что рядом Лев, закрыл глаз и продолжил: – У неё ранняя стадия опухоли груди. Её просто страшит диагноз – «рак». Это можно лечить, а можно повторить анализы и провести операцию груди.

–

Пусть делают, – спокойно ответил Лев. – А мы тут причём?

–

Можно было назначить наш надзор. Она просила. Говорила, что ей так будет спокойнее. А ты отказал. Почему? Так бизнес не делается.

–

Она обречена.

–

Это как? – Доктор привстал, опустил ноги на пол и, сидя, уставился на своего молодого коллегу.

–

Не знаю... На ней печать судьбы... Ей уже никто не поможет. Ей осталось жить не более пары месяцев. – Лев закрыл лицо ладонями. – Она умрёт не от этой болезни.

–

Её убьют?

–
Не знаю.

–
И . ничего нельзя сделать?

–
А что можно сделать, если решение о её судьбе уже принято?

–
Кем?

–
Небесной канцелярией, дядя Гурам!

–
Ну, а.и-и-и .а-а-и-а-а.ну.да.

–
Вы правы, – констатировал Лев. – Лучше не скажешь!

–
А я скажу, – Тамара стояла в дверях своего кабинета. – Мы плохо понимаем святош, а они нас. Они имеют дело с душой, которой управляет эта «Небесная канцелярия», а мы – с минздравом, которое лечит тело. Ведь если наше министерство вынесет постановление, которому нельзя противостоять, оно будет выполняться. Вот и у них то же самое! Поэтому Лев решил оставить старуху в покое, а я оформила наш надзор. Пока есть живое тело, за ним нужен надзор. Так что Вы, батано Гурам, будьте добры, проследите в онкоцентре за тем, чтобы минздрав и мы имели надёжные докумен-

ты нашей непричастности к её внезапной кончине.

—

Ты взяла с неё оплату консультативных услуг?

—

Да. И представь себе, согласно твоему прогнозу, всего

за два месяца.

—

Но это же ...

—

Так! – сжала губы красавица. – Тебе это не нравится?

—

Представь себе. И очень не нравится.

—

Ах вы, божьи человечки! Если старуха умрёт без страха, с надеждой, которую мои объективные консультации будут в неё вселять, – это плохо?

—

Непорядочно. – в мыслях Левана что-то застопорилось.

Любые воспоминания и впечатления, связанные с Тамар, всегда грели его душу. Теперь же это тепло стало жечь. Оно, это ощущение, жгло каким-то чужим, холодным жаром. Всё оставалось, как и прежде, только вот душа ощущала жгучий холод вместо уютного тепла. И этот холод таил в себе . пустоту.

Ощущение холодной неопределённости было воспринято

им, как страх. Впервые это чувство посетило его душу. Вся двадцатилетняя история его жизни складывалась так, что он ни разу не успел ощутить страх как чувство. Не было у него такого органа чувств, который фиксировал бы страх.

–

А ты мог бы ей сказать ту правду, которую знаешь? – резко парировала Тамар. – Что же ты промолчал? Испугался! Все святоши – трусы!

–

Нет, моя дорогая Тамар, – впервые слово «дорогая» прозвучало из уст Левана с интонацией холодной и чуть ироничной. – Есть заповедь врачей: «Не навреди». Если бы я знал, что моё предупреждение поможет, пусть даже больная меня проклянёт, – обязательно сказал бы. Но сказав, я могу только отравить последние дни её жизни. А ты взяла плату за ложь.

–

Чистоплюй! – воскликнула женщина с прекрасными, но искажёнными злобой чертами лица.

БАБА ОКТЯ

Под мерный стук колёс мысли, играючи, скачут, выхватывая фрагмент за фрагментом из прошедших ситуаций и рисуя картины вероятных будущих событий. Эта игра воображения не даёт уснуть, и уже во втором часу ночи Вадиму надоело лежать с открытыми глазами на своей полке. Он встал, прикрыл одеялом спящую Розу, тихонько отворил

дверь и оказался в коридоре вагона.

Вагон раскачивало, и ему пришлось хвататься за стенки.

—

Чего это так качает? — обратился он к проводнице, которая подметала ковёр.

—

Огромное болото. Плавуны. Зовётся это место «Чертовой поймой».

Одно только напоминание о старом приятеле вызвало бурю у него в желудке, учащённое сердцебиение и холодный пот на лбу. А проводница открыла дверь в тамбур, сунула в рот два пальца и издала такой свист, что у Вадима завибрировали мозги, зрачки начали бегать в разные стороны, и голова захлопала ушами. Пронизывающий холодный ветерок с запахом гнилого подземелья замёл в коридор вагона толпу прозрачных фигур с перламутровыми лицами и нечёсанными патлами. Влетевшая ватага была одета в лохмотья платьев всех веков и народов. Они толпились, стараясь занять лучшие места возле окон, подальше от дверей купе, повыше к потолку... каждый по своему вкусу.

—

Вертеп, — это определение пришло в его голову так естественно только потому, что оно точно соответствовало разыгрываемым вокруг него сценам. — Чертовски холодно, — подумал Вадим и повернулся, чтобы вернуться в купе.

—

Интересное дело, – обратился к нему мохнатый чёрт с длинным хвостом и ... красной бабочкой на шее. – Мы тут к нему всем скопом, а он от нас морду воротит.

У Вадима сразу отлегло от души, и он почувствовал «правду жизни».

–

Вот, наконец-то, ты в своём реальном обличи, – обрадовался он встрече. – Так-то лучше. Теперь всё ясно. Теперь понятно. Теперь не страшно.

В верхней правой лапе чёрта появился посох с трезубцем.

–

Её верхушечье! Неизменная спутница Князя Земли! Всеночная Октябрина Солоховна! – провозгласил этот глашатай, трижды стукнул посохом об пол, отошёл в сторону и склонился в низком поклоне.

Решительная счастливая победоносица, точно такая, как на фотографии вместе с его отцом десяти лет от роду, вошла легенда семьи Чудра – баба Октя. Похорошевшая, ухоженная, с распущенными длинными волосами, бабка остановилась в двух шагах от Вадима.

-

Ты меня узнал! – обрадовалась она. – Вот какой у меня внук! – Она обратилась к притихшей толпе, разместившейся в коридоре. – Вы все были свидетелями того, как он сорвал планы самого Азаза-Адамбека. Наш повелитель по-

ручил мне возвести Вадима в ранг неприкасаемых. Это достойный продолжатель моих и Солохиных дел на Земле. – Она повернулась к Вадиму: – Когда Адамбек, князь Земли, узнал, что ты нашего роду-племени, то, чтобы не омрачать наши с ним отношения, решил выделить тебя из смертных и перевести в ранг неприкасаемых.

–

Это что такое?

–

Это отдельная категория смертных, которые никогда, ни при каких обстоятельствах не будут используемы в наших целях, не будут заражены нашим вирусом, не будут наказываться за действия, противоречащие нашим планам.

–

И много таких?

–

Нет. Это те люди, которые активно строят жизнь на Земле. Ты из таких. А вот этот, – она указала на чёрта с бабочкой, – хотел тебя использовать, как инструмент, как килера. Он будет наказан за «политическую близорукость».

–

Но, – Вадиму стало жалко своего «советчика», – может, он не так и виноват? Он очень помогал мне.

–

Понимаешь, – бабка взяла его под руку. – Этому олуху было поручено закрутить интригу вокруг твоего знакомого

Василя, с тем, чтобы убраться из жизни. Мешает он. А этот безобразник и лентяй не смог найти исполнителя лучше, чем друга детства его жены. Ну, хоть и чёрт, но – без мозгов. Лентяй. Нет, чтобы побегать, подсутиться, придумать вариант поизощрённее! Нет, поселился у тебя в доме. Завёл канцелярию с факсом и секретаршей и ждал, когда ты ему притащишь тело бездыханного Василя.

Она обернулась, подозвала чёрта, подцепила его пальцем под бабочку, притянула к себе и прошептала в волосатое ухо:

–

Лети в Запорожье и исправляй свои ошибки. Без договора с Василём, чтоб мы тебя не видели. Брысь!

Чёрт мгновенно испарился.

–

И мне пора, – Октя посмотрела на внука и расстроилась. – Жаль, скоро рассвет. Живи, и не забывай нас.

В поезде просыпаешься рано. Лежишь в неге, и под стук колёс собираешь мысли. Этот процесс длится всего не

сколько секунд, а впечатление такое, будто ты провалялся с открытыми глазами целый час.

Роза сидела на своей полке и смотрела, как он просыпался. Всю неделю в столице нефтяников она стояла на страже его здоровья и психики.

–

Доброе утро, родной! – она с тревогой и надеждой всмот-

релась в его лицо.

—

Доброе утро! — он постарался припомнить ночное приключение. Улыбнулся, и Роза услышала долгожданный спокойный голос мужа. — Всё хорошо, моя дорогая. Будем жить и строить жизнь.

ДЕЛКА СОСТОЯЛАСЬ

Нана захлопотала с той минуты, как в дверях квартиры появился её единственный сын. Только он сел в кресло возле отца, мать поставила на журнальный столик фрукты.

—

Поешь, Лёвушка. Тебе витамины нужны. Я сейчас варю хинкали. Будем кушать.

—

Нет, мама. Я не могу ждать.

—

Тогда всё же не уходи. Я сейчас брошу в кастрюлю твою порцию хинкали. Поешь и пойдёшь.

—

Папа! — обратился Лев к отцу, который сидел в кресле напротив телевизора, уткнувшись в очередной фолиант. — Хочу в деревню до приезда Василия.

—

А почему? Что-нибудь случилось? — Соломон и не подумал оторвать взгляд от книги.

—

Нет. Просто мне надо побыть в тишине и одиночестве.

—

А чего спрашиваешь? – Соломон перевернул страницу. –
Надо? Езжай!

—

Можешь дать мне машину? Или ехать в автобусе?

—

Спроси у Имы, – он снова перевернул страницу книги. – Я
хожу на работу пешком. Машина сейчас может быть нужна
только ей.

—

Спасибо! – Лев встал, перевернул отцу страницу, прило-
жился щекой к его лысой макушке и пошёл в комнату Ната-
ли Арье.

—

Бери машину, – ответила на просьбу своего любимца
Има. – Ты едешь с Тамарой?

—

Нет. Один.

—

Поговорим? – она так хотела пообщаться, узнать

причину его добровольного отшельничества, облегчить
вероятное чувство разочарования в предмете страсти.

—

Молча, – ответил Лев.

–

С Богом! – напутствовала старая материалистка.

Има научила его молча переносить обиды. И сейчас она не посмела нарушить эти устои. А сердце сжалось и забилось в конвульсиях. Больно! Но такова плата за самостоятельность

–

право на свободу.

Когда сын вышел от Натали, Нана позвала его из кухни:

–

Всё! Леванчик! Хинкали на столе, ждут тебя.

Нет на свете такого мужчины, который способен отказаться от хинкали в исполнении Наны.

–

Давай! – Леван присел за стол на кухне. – Пожалуйста, мама, побыстрей. Я очень спешу.

–

Всё! Всё готово. Садись.

Большая тарелка с хинкали испаряла такие запахи, что у Льва рот наполнился слюной. Однако не вкусил он и парочку из двадцати дымящихся, полных сока и прекрасного фарша пельмешек, как пожалел, что попался на приманку: за это время мать успела задать несколько вопросов, на которые сын не собирался отвечать, а теперь вплотную подобралась к его «душевному проблемам».

–

Мама! Дорогая! Дай мне доесть, пожалуйста, – приостановил Лев процесс поглощения хинкали.

–

Всё, всё, – засуетилась мать. Она отошла от стола, повернулась к плите и стала причитать: – Никто со мной не делится. Я всегда всё узнаю последней. А когда что-нибудь случается, меня спрашивают: «Где ты была?» Как: где я была? Тут. Но со мной никто даже разговаривать не желает. Был маленький: «Мама!.. Мама!.. Мама!» А теперь? Вот каким стал! Теперь ему мама не нужна. – Она помолчала, а плечи вдруг стали вздрагивать. – Ты прости меня, сын. Я понимаю – ты взрослый. Но не выбрасывай меня из своей жизни. Может, я тебе и не нужна... уже. Но ты как был мне нужен ещё до того, как увидел свет, так и сейчас – без тебя мне жизни нет. – Комок, образовавшийся в горле, давил её так, что слёзы и истерика готовы были вступить в бой с чёрствым и неблагодарным сыном.

–

Мама! Я сейчас еду в деревню, – уловив состояние и представив себе продолжение, Лев решил успокоить мать.

–

Мне нужно многое обдумать. Вот вернусь, мы с тобой сядем и обо всём, что нас интересует, будем говорить. А сейчас у меня куча нерешённых дел и говорить о них – преждевременно. Я тебе клянусь, что обговорю с тобой все пробле-

мы на год вперёд. – Он вытер губы, положил салфетку, подошёл к матери, обнял её и стал мурлыкать старую колыбельную песню. Полные благодарных слёз глаза глядели снизу вверх, и материнская обида вдруг обернулась материнским счастьем.

–

Я еду в деревню, – ответил Лев на вопрос Тamar.

–

Надолго? – спокойно спросила она.

–

Не знаю.

Лев сел в машину и уехал. А в душе Тamar образовалась пустота. Вот так просто, на пустом месте, от неопределённости.

« »

Слабые и беззащитные люди стараются утопить в вине и удовольствиях «минуты душевной печали». Тамара Георгиевна больше всего не любила заниматься домашним хозяйством. Она была, как и подобает медику, чисто плотным и аккуратным человеком, однако регулярно, добросовестно, но неохотно, выполняла только минимум необходимой домашней работы. А сейчас, в ситцевом домашнем халатике, спрятав волосы под косынку и засучив рукава, занялась генеральной уборкой своей небольшой квартиры. Энергия красивейшей женщины с лёгкостью двигала мебель. Скорость и капитальность производимой работы могли бы удивить любую

профессиональную уборщицу. Что думалось, и о чём переживала её душа, знало только её подсознание. Сознание занималось уборкой. Так отреагировала сильная личность на состояние смятения души.

– Очень интересно, – доброжелатель с бабочкой на голой шее удобно расположился в кресле напротив дивана, на который прилегла хозяйка после завершения уборки, – как легко отпускают от себя любимых и дорогих людей. – Тамар вопросительно посмотрела на собеседника. – Я был вместе с ним, когда он попросил машину у отца. Тот даже не оторвался от чтения. Мать накормила и отпустила. Только эта вредная тётка попробовала поговорить с ним откровенно.

–

Зачем Вы мне это рассказываете? – безразличным тоном спросила хозяйка квартиры.

– Да потому что и ты не особенно обеспокоилась его внезапным отъездом.

–

А чего беспокоиться? Он всегда лучше других знает, что и как делать.

–

До тех пор, пока владеет собой и ситуацией.

–

Он всегда владеет собой.

–

Это да, но в данном случае ситуация владеет им и может привести к беде.

–

Я слушаю! – Тамара постаралась не менять тон речи, но гость уловил лёгкую нотку обеспокоенности.

–

Мн-н-да! А ты сильная женщина: поматросила и бросила. Не каждая способна на небрежный жест в отношении такого уникального партнёра.

–

Лучше пусть это выглядит так, чем наоборот.

–

Да. Для большого самомнения – так лучше, – гость встал и направился к двери.

–

Подождите! – не выдержала Тамар. – А что за ситуация им владеет, которая сильнее него?

–

Мне тебе рассказывать? – он подошёл вплотную к дивану и вперил в женщину жёсткий взгляд. – Ты что? Вправду веришь, что такой человек способен заниматься сексом и не любить, не уважать женщину, с которой вместе? Эти твои амбиции на пустом месте ... Подумай!.. Куда могут привести? – Он почувствовал, как воздействовали эти слова на горячку, и решил добиться результата. – Никто и не подумает обвинить его в вашем раздоре. Ты и только ты оста-

нешься виноватой. А кроме того, тебя сочтут ещё и глупой курицей, которая не сумела удержать такого мужчину. И что бы ты ни говорила, все будут того мнения, что он тебя по-матросил. Я бы хотел, чтобы это дошло до тебя!

—

Представь себе – дошло! – дерзко выпалила Тамар. – Но для того чтобы он стал ручным, нужно сломить его волю. Это мне не по силам. А я готова душу продать, лишь бы удержать его.

—

Послушай, глупая девочка, – неожиданно довольной улыбкой он её удивил так, что Тамара продолжала слушать с разинутым ртом: – Мужчину трудно согнуть и удерживать в согнутом состоянии. А поломать, особенно такого

крепкого, просто. – Её удивление еще больше возросло, а нижняя челюсть совсем отвисла. – Достаточно уничтожить детище такого мужчины. Он уже никогда не выпрямится.

Тамар захлопнула рот и бросила на своего гостя презрительный взгляд.

—

Противно каждый раз наступать на одни и те же грабли. Только начнёшь удивляться мужицкой логике, как оказывается, что вся она построена на морском песочке. Где я тебе найду детище этого мальчика? Пошёл вон! – Она схватила веник и стала отхаживать того, которого принимала за муж-

чину. – Противный спекулянт! – истерично вопила женщина, махая перед собой веником. – Пропади ты пропадом! – взвизгнула она и уставилась на веник, который ни разу не задев никакой преграды, сейчас торчал у гостя в груди. – Если бы у меня было время, – продолжала взбалмошная домохозяйка, прокручивая веник в туловище гостя, – я бы родила ему детёныша, а потом своими руками задушила. Лишь бы удержать его!

–

Ох! Какие страшные вещи Вы говорите, калбатано Тармар! – он смотрел на неё взглядом застыдившегося младенца. – Я Вам готов простить и обидное прозвище «мужик» и Ваш «морской песочек». Почему? – отреагировал он на её вопросительный взгляд. – Потому что надеюсь, что до Вашего идеального сознания дойдёт, наконец, то, что я Вам уже говорил: всё, до чего дотрагивается такой человек, для него свято. Не дошло? По-другому: если Леван подарил кому-то жизнь, для него остаётся делом чести оберегать её.

Она стояла ошеломлённая, продолжая держать веник в торсе своего визави.

–

Я считаю, что сделка состоялась, – Мефистофель взглянул на свою грудь. – А это, – гость отвёл её руку вверх, так что веник прошёл сквозь его шею и голову, – я Вам прощаю, как мелкую шалость, – сказал добрый советчик и исчез в коридоре, абсолютно уверенный в том, что достиг своей цели.

Дьявольски прозорливый, он знал, что Лев Арье уже никогда не встанет на его пути.

—

Серость будней и постоянные праздники застолья – Ваш удел, дорогой Мессия! – торжественно заключил мастер интриг, и Кавказ затрясло от его торжествующего хохота.

В ДЕРЕВНЕ ЧЕРТИ ХОРОВОДЯТ

Когда машина стала прыгать по кочкам просёлочной дороги, Ольга проснулась:

—

Доброе утро! Вась, мы что, уже приехали?

—

Да. Это уже наши угодья.

—

Я ведь не спрашивала тебя, что нас позвало домой. Но хоть сейчас ты можешь мне рассказать, в чём причина. Не хочется выглядеть дуручкой.

—

Дорогая моя, никто даже не посмеет представить тебя дуручкой! А едем мы домой, потому что люди утверждают, будто в деревне черти хороводы водят. Народ в страхе кричит, что на деревню кто-то порчу напустил. Вот уже неделя, как требуют, чтобы я вернулся. Вчера даже председатель отца просить стал.

—

Ты серьёзно? Насчёт сглаза?

—

Не знаю. Вот приедем, — разберёмся.

—

Вась! — развеселилась Ольга. — А на печке ты ездить умеешь?

—

Это зачем?

—

А я с тобой, как в сказке живу. Сглаз, порча. Ведьмы на метле. Черти в трубах. Гоголь сказки выдумывал, а я должна в этом жить. Хорошо, что ты рядом, а то я бы с глузду зыхала.

—

Не бойсь! Разберёмся и с чертями, и с ведьмами. Вот и наш дом. — Василь остановил машину возле калитки. — Я открою ворота, а ты пересядь за руль и загони машину во двор.

В накинutoй на плечи телогрейке выбежал во двор Степан Славенко.

—

Здравствуйте, батя! — Василь подошёл, и они обнялись.

—

Сынку, ридный! — отец гладил сына по спине и затылку. — Ох, и скучалы мы за вами. Дуже добре, що вы повернулись. Дякую!

—

Шо ты, батя? Усэ будэ гаразд. Ты нэ хвилюйся.

—

Дай то, Господи! – Степан пошел навстречу Ольге и расплылся в счастливой улыбке. – Иди сюда, дочка! Дай я тебя обниму.

На пороге появилась сияющая от счастья Степанида. Они с невесткой пошли на кухню, а мужчины подняли багаж

в хату, отогнали машину в гараж и сели за столик в саду.

—

Ну, батя, розповидай.

Степан положил локти на стол, сжал кулаки и рассказал сыну историю странных происшествий, от которых в селе произошёл переполох.

Всё началось с того, что Щукарь прибежал к ветеринару и попросил посмотреть его свиней. Ветеринар понаблюдал за поведением двух свиноматок и был поражён: свиньи лежали друг против друга и по очереди, по чуть-чуть ели из корыта. Поест одна, хрюкнет, как бы приглашая свою подругу, та хрюкает в ответ и тоже немного, как бы нехотя, съедает из корыта. Щукарь сказал, что они вдвоём за сутки не съели и половины того, что обычно съедает каждая. Ветеринар обследовал животных, удивился их поведению и сказал Щукарю, что у него «свиньи светского воспитания».

На том бы всё и закончилось, но вечером ветеринара вызвали в колхозный свинарник. Там взбесившийся хряк грыз

перегородку, отделяющую его от последней подруги, которая мирно лежала, отвернувшись от недавнего любовника. Свиновка позвала близнецов Петра и Павла, которые целый день околачивались возле фермы, и попросила отгородить хряка старым железным корытом, чтобы тот не видел своей милашки. Но одержимый кабан не успокаивался и бился о бадью головой. А когда ветеринар решил погладить его, тот агрессивно оскалился и чуть не отгрыз руку эскулапа.

—

Ишь, какой Отелло! — воскликнул ветеринар. — Пусть побесится. Проголодается, успокоится, — с чем и оставил свои попытки вразумить колхозного осеменителя.

Дело закончилось трагически: на третьи сутки, поутру, свиновка нашла безжизненное тело хряка. Вскрытие показало ... инфаркт.

И в первом случае не обошлось без жертв. Те «светские свиноматки» стали терять в весе, и пришлось их заколоть.

Если бы на этом всё закончилось,.. но.

На прошлой неделе, во время заседания правления колхоза, бумаги и ручки начали падать со стола. Бюст Ленина самостоятельно переехал с председательского стола на общий и начал крутиться. Шесть человек правления в ужасе, после того как не смогли остановить движения предметов, вынуждены были покинуть кабинет председателя. Теперь Сковорода старается не заходить в кабинет. Сидит за столом в приёмной и посылает секретаршу, когда ему надо что-

нибудь взять в комнате.

С тех пор каждый вечер у кого-нибудь в селе за ужином начинает двигаться посуда, взрываются стаканы, падают тарелки.

–

Да это что! Вчера у нас борщ в кастрюле волнами пошёл. Степанида орала – еле успокоил.

–

Зрозумив, батя! Я до Кота, – сказал Василь и прикрыл за собой калитку.

Константин Курочкин спал на диване одетый, в обнимку с двустволкой. По углам комнаты стояли догорающие свечи.

Василь сел на краешек скамьи рядом с диваном, скрестил и подобрал под себя ноги, положил руки на колени ладонями вверх, выпрямил спину, расслабил плечи и закрыл глаза.

Стоило только телу расслабиться, а сознанию сосредоточиться, как Василий почувствовал разлитый вокруг негатив. Везде, в любой точке деревни царила тёмная, цинично настроенная энергетика. Она звучала сарказмом перебираемых звуков, изображалась карикатурными формами.

Среди звучащих фраз одна выделялась конкретной жёлчной насыщенностью. Она породила ряды уродливых форм и болезненных образов. Василий последовал к источнику этого лидирующего соло. Светлые пятна добра и мягкие переходы палитры и гаммы звуков по мере приближения к со-

листу попадались всё реже. В обстановке, когда «все кошки серы», в блеске невиданной славы, в фокусе ослепляющего свечения, исходящего ниоткуда, но освещающего только его, восседал Властелин Земли.

– Учитель... – иронично-снисходительно проронил светозарный. – Я ждал твоего появления.

–
Так! – Василь разочарованно уставился на чёрта, восседающего в пурпурной парче и в золоте. – Зачем?

–
Хочу предложить дружбу.

–
Зачем? Если ты такой великий и всемогущий?

–
Твоё желание учить людей жить свободно очень меня беспокоит, – Сатана встал, и весь антураж его великолепия исчез вместе с тронem. Теперь он стал простым, доступным и дружелюбным. Красная бабочка на шее элегантно отделяла его смуглое лицо от идеально светлой рубашки. – Я хочу предложить тебе сотрудничество.

–
Это невозможно в принципе.

–
Почему? Всё в наших руках.

–

Мы с тобой разной крови, я и ты. Нам нельзя быть вместе. Один из нас должен постоянно уничтожать другого.

—

Не получится подружиться, так позлю тебя, — решил он поменять тактику. — Ну! Выйди из своей мягкой плоти. Ну! Покажи свою богатырскую силушку. Ну!..

—

Я бы мог обломать тебе рога. Но тогда между нами возникнут отношения.

—

Ой! Не надо ломать мне рога! — воскликнул князь, превратившись в игривого Сатира. — Но оценить мои возможности и снизить до приятельских отношений, которые могут перерасти в сотрудничество... Почему бы не попробовать?

—

Потому что ты — великий мастер интриг. Мигом создашь целый клубок неразрешимых проблем. Между нами возникнут непрерывные конфликты, и ты постоянно будешь держать мою душу в смятении.

—

Я чего-то не пойму: зачем тебе упорствовать в нашем противостоянии, а не попробовать объединить наши усилия по приведению людишек к светлому будущему?

—

Я не знаю, что такое «людишки». Для меня есть души. Они явились на Землю, чтобы приобрести опыт. Попадут

они в Твои владения или останутся свободными, зависит от качества их опыта и уровня постижения Истины.

—

Что значит: «попадут в мои владения»? Раз они на Земле, значит, в моих владениях.

—

А я?

—

Ну.

—

А Леван?

—

А Кот?

—

О! Вот этот-то мой! – победоносно воскликнул Азаза. – Вон он, от страха спит с берданкой. М-о-о-о-о-й!

—

Уже не совсем. Вот проснётся, и будет совсем не твой. У него это последняя капля слабости и последнее проявление привычного для людей Земли чувства страха. – Василя вдруг осенила, казалось бы, очевидная мысль, и он залился весёлым хохотом. – А вот на большее, чем похулиганить, Вашей силёнки не хватило? Детки мои дальше с Вашим Са-тирским Величеством идти не пожелали?

– Да. Над ними я пока не властен. Но они ведь повзрослеют, – зло насупился Чёрт, – нахватаются забот, натворят бед,

набьют себе шишек и станут грешными. Вот тогда они будут моими. Вот тогда им пригодятся твои уроки, потому что мне пригодятся их способности и умения. Уж будь спокоен – я разовью в них Эдипов комплекс по отношению к тебе.

–

Поэтому никаких отношений между нами я не допущу. Не дождётесь, Ваше Бесовское Величество. – Василь спокойно следил, как Светозарный князь Земли постепенно превращается в маленького, хиленького, замурзанного чертёнка с красным ошейником в виде бабочки на голой плешивой шее. – Где сила Вашей Тёмности? Нету!?! А нас, свободных от комплексов и предрассудков, становится всё больше. И на наших душах сыграть трудно, – мы свободны. Вскоре тебе не в кого будет сеять свои семена, заражённые «вирусом дьявола». – Василий пристегнул к ошейнику поводок и передал его Ветру. – Ты узник этой планеты. Раб своих прихотей и заблуждений. Будет твой дух одиноко носиться над Землёй. Но не Творец ты. Прощай!

АВАРИЯ НА КРАЮ ОБРЫВА

Лев вёл машину по серпантину горной просёлочной дороги. Очередной поворот совпал с моментом сотрясения Земной коры от торжествующего смеха Властелина Людских Заблуждений. Машину подбросило, она по инерции развернулась, оказалась поперёк дороги и упёрлась в огромное дерево на краю обрыва.

Он успел убрать ногу с педали газа, и мотор заглох. В шейном позвонке что-то щёлкнуло, похоже на срабатывание замка двери автомобиля.

Леван осмотрел машину, заглянул в салон: за рулём сидел, выпятив грудь и запрокинув голову на подушку сидения, ... Лев Соломонович Арье.

В это же мгновение Леван ощутил щелчок внутри своего существа.

По законам Божьего промысла этот щелчок привёл его в сознание.

—

Интересно. — подумал одинокий незадачливый водитель. — Удар был сильный, а вмятины нет. Царапина. Соломон её даже не заметит.

Демииург испуганно наблюдал за Львом.

—

Зачем тебе нужно калечить парня? — зло спросил автор. — Он тебе лично что-нибудь плохое сделал? Он угрожает твоей сущности? Он мешает тебе рушить империю, сеять смуту?

—

Ты интересный путаник. То пишешь о том, что я сам не могу ничего делать в вашем материальном мире, то спрашиваешь меня, почему мальчишка врезался в дерево. Уж будь, пожалуйста, более последователен. Нечего думать, будто

про неожиданности только чёрт знает, что это такое. Не справился твой Лев с поворотом – вот и всё.

ДУША И ТЕЛО

Лев попытался пошевелиться, но резкая боль в шейном позвонке остановила его. Он стал осторожно напрягать различные мышцы. Можно было шевелить руками, преодолевая судорогу, но о том, чтобы поменять позу туловища, боль не позволяла и думать. Ноги вообще не реагировали на намерение пошевелить ими.

–

Мне очень больно. Ноги не слушаются. Как же тогда я осматривал машину? А почему, находясь снаружи, я видел себя за рулём? Так, боль я почувствовал после какого-то щелчка. А этот щелчок... да... да... вот именно ... произошёл после того, как я осмотрел машину. Интересно. видеть себя сквозь стекло. Надо выйти. – подумал Лев и тут же снова что-то щёлкнуло...

Спокойное, лёгкое состояние, такое, в котором он уже был, осматривая машину, вновь вернулось. Пропало ощущение боли. Леван с любопытством стороннего наблюдателя осматривал себя: лицо, позу, одежду. Он обшарил взглядом заднее сидение, багажник, прошёлся по всем проводам, креплениям ходовой части, поршням и стенкам цилиндров мотора, дискам сцепления, тормозным колодкам. Ему захотелось проверить работу поворотников. В тот же миг щелчок внутри его существа вновь вернул телу способность двигать-

ся. Левая рука потянулась к рулю и с большим трудом переключила ручку поворотника.

—

Одно из двух: или это сон, или я выхожу из собственного тела.

Несложный анализ последних событий дал ответ на вопрос: как отделить сон от выхода души из тела? Оказалось, что во сне тело может двигаться и наблюдать себя как бы со стороны. В сложившейся ситуации: либо ты владеешь телом и смотришь посредством глаз, либо душа свободно перемещается и видит всё гораздо ярче, проникая в любые точки пространства.

Оказалось, что душа покидает тело и возвращается в него в зависимости от характера его намерения: пожелала душа управлять телом – будь добра вернуться; можешь обойтись без тела, – гуляй свободно.

– Интересно! А как далеко я могу отлучиться от тела?

В то же мгновение он почувствовал себя на грани, за которой всё бурлило, клубилось, взрывалось и кружило во все стороны.

Душа пропала в бесконечности, и в машине осталось только тело Льва. Адамбек и Деми остолбенели от неожиданности.

—

Это что за хулиганство! – ошалело заорал Демон в ухо

писателя. – Он так может вообще потерять свою душу.
Мы так не договаривались!

–
А о чем вы договаривались?

–
Да ни о чём! Это вообще, как говорится... Просто по всем законам твой Лев не склонен к самоубийству. Я не мог предполагать, что он убежит из земной жизни.

–
Не притворяйся! Это ты довёл его до суицида. Мерзкий пакостник! Ты внушил ему отвращение к существованию без всепоглощающей любви. Благодаря тебе он разочаровался в жизни. И этот мерзкий, подлый трюк ты называешь «мастер-классом Властелина»?

ЛАБИРИНТ ВЕРОЯТНЫХ СОБЫТИЙ

Грань сработала, как безжалостная, сильная, упругая преграда. Она так оттолкнула его душу, что та по проторенной траектории влетела обратно в тело. А тело облегчённо вздохнуло – вернулась жизнь!

–
Фу! Этак можно и в чистилище угодить. По всей

вероятности я был на пороге этого педагогического учреждения. Хорошо! Душа в полном порядке, а что делать с телом? Его так просто не бросить. – Он снова попытался пошевелиться, испытал комплекс болей, доведших пульс до бе-

шенного биения. – Всё! Нечего торчать здесь и пытаться двигать ржавыми локтями и коленями. Не желаешь двигаться – не надо. А я с большим удовольствием прошвырнусь. С Вашего позволения – не дожидаясь Вашего дозволения! – сделав этот реверанс в сторону обезволенного тела, душа Льва рванулась в ...

Лабиринт вероятных событий был бесконечно многообразен, строго организован и абсолютно понятен. Но для того, чтобы в него войти, необходимо иметь хоть какое-то намерение.

–
Ты посмотри на него! – взревел в бешенстве дьявол. – Этот мальчишка играет со своей жизнью, как котёнок с мышью! Он, видите ли, экспериментирует! Дать бы ему по шее хорошенько!

–
Это очень опасно?

–
А ты попробуй! Он вообще не ведает страха! Люди только потому и не умеют жить сразу в двух мирах – материальном и информационном, – что боятся. Их сковывает страх. А этот малец, не успев почувствовать свободу, уже занимается исследованиями!

–
А ты можешь «дать ему по шее»? – с ехидцей спросил Демид, и весёлые искорки заиграли в его глазах.

—

Нет, – поникшим тоном констатировал Демон. – Он вообще не в моей власти. Жаль. Был бы он со мной...

ОН ИСКАЛ ЕЁ ДУШУ...

Душа почувствовала себя так, будто её из тёплой постели, голую выбросили прямо посередине городской площади: всё в законном порядке, а ты в полной растерянности, а также в смущении и стыде. Глупейшее состояние, как после сильно-го бодуна, непонятно, «чо натворил?» – душе стало так плохо, что срочно захотелось обратно.

—

Теперь моё Эго в сборе, – очухавшись, стал соображать

Лев. – Значит, если у меня есть намерение, то в пространстве событий, из которого только что тебя выбросило, найдётся соответствующий вход. Это – точка начала исполнения намерения. Прекрасно!

Ещё немного поразмыслив, Леван пришёл к выводу, что предопределены судьбы душ, а не судьбы людей. В границах судьбы души человек волен творить свою судьбу.

—

В этом и заключается свобода выбора, – резюмировал искалеченный аналитик. – Вот сижу я здесь с телом, которое, скорее всего, мало пригодно для жизни. Но душе не суждено покинуть его. Иначе она давно уже оказалась бы в совершенно другом месте и времени. Прогуляться ей разрешено,

а вот покинуть тело навсегда – пока не дозволено.

Ему стало одиноко. Лев вспомнил о том, как общался с ним Василь, и сообразил, что обрёл ту же способность.

–

Тамар боялась, что Василь может наблюдать за ней. А что, если моя душа вернулась, и всё видит? И не надо ничего анализировать, – с весёлой грустинкой думал Лев. – Подсмотрел и сообразил, – проще простого. Я даже думаю, что наши души просто сольются...

С этим намерением его душа оставила тело.

Он не увидел, как Тамар движется, что говорит. Он искал её душу. Не нашёл. А вот душа мамы сразу его окутала, обласкала и согрела. А сама, непонятно почему (ну, ей непонятно) стала такой счастливой, что Нана прошептала Име: «У меня такое чувство, что я вновь беременна!..» А та ей ответила: «Хорошо! Роди девочку, а я к тому времени ей свою душу уступлю». Нана обругала тётку. А душа Натали, почувствовав Леванчика, вдруг затрепетала и ослабела. Соответственно, самой Нате стало плохо (причина такого самочувствия была ей непонятна), и пришлось вызвать скорую. Душа Льва срочно ретировалась, и стресс у Имы пропал.

Лев вновь стал искать душу Тамар. Снова не нашёл.

–

Смотри, – обратился Адамбек к Демиургу. – Он ищет душу, которая принадлежит мне. Это моя ошибка. Поспешил

твой пижон с красной бабочкой прибрать её к рукам. Если бы эта буйная душа оставалась нейтральной, можно

было бы с её помощью влиять на этого шкета. Рано он настроил Тамар на месть.

—
А-а-а! И у господина бывают проблемы! Приятно сознавать, что не всё подвластно мастеру интриг. Ай да я! Такую личность описал, что и Вам, Ваше Могущество, не справиться с ним.

—
А мы ещё посмотрим... – уязвлённый Дъявол метнул на Демидурга злой взгляд.

УЖАС

В ситуации неопределенности всегда встаёт вопрос: а что будет? Желая найти ответ на него, Лев решил отправиться в будущее. В недалёкое будущее (так, скромненько) – в завтрашний день.

—
Как там эта открытая душа? – Леван подумал о Мише. Радость наполнила душу гиганта. Он и без того был полон ожидания счастья: врачи сказали, что у него будет девочка. Нежность и любовь владели его душой.

Он поспешил ко Льву, но Тамар сказала, что его друг уехал в деревню. Мишка предложил ей поехать с ними, – Леночке скоро рожать.

–

Не беспокойся, – успокоила Тамар. – Я буду рядом. Всё пройдет хорошо.

В машине Мишка пел, смеялся и радовался, как ребёнок. Они уже проехали перевал, и он ощутил необыкновенную радость – душа Льва была рядом с ним.

–

У-у-у! – застонала Леночка, которая полулежала на заднем сидении рядом с Тамар.

–

Найди какую-нибудь полянку, и остановимся. – Тамара держала голову Лены на коленях. – Кажется, она собирается рожать.

Мишка мгновенно сориентировался. Они заехали на полянку над крутым обрывом. Он бережно взял Леночку на руки и уложил на снятое и разложенное на поляне сидение.

–

Сядь в машину и не мешай, – скомандовала врач и открыла свой кейс с хирургическим инструментом.

У ... Ж !.. А !!. С !!!

Мгновенно восстановилось Это: душа и тело вновь слились.

–

По часам, я находился вне тела всего несколько минут.

Значит, есть, как минимум, сутки. Мне надо привести се-

бя в порядок и успеть, успеть, успеть... – повторял Лев.

Это «успеть» забивало разум, не давало ни одной мысли созреть.

Он заставлял тело двигаться. Вначале оно не реагировало на эти усилия. Но затем появилась боль.

Как только боль превосходила шоковый уровень, сознание покидало его. Леван вновь и вновь заставлял: *непослушное тело двигаться, ум расслабиться, нервы успокоиться – терял сознание, выбеливая очередную прядь волос ...*

Солнце уже появилось из-за гор, а седовласый юноша сидел за рулём и, находясь в состоянии глубокой медитации, приводил в порядок своё информационное тело. Теперь стало возможно управлять физическим телом – руками и спиной, – преодолевая боль; ногами – при помощи рук и словесных команд.

–

Надо спешить, – подумал Лев и открыл глаза. Он повернул ключ зажигания, перевёл коробку скоростей в режим заднего хода, нажал педаль газа. Машину рвануло на асфальт. От толчка в шейном позвонке что-то сместилось, и Лев вновь потерял сознание.

Солнце неумолимо набирало высоту. Это первое, что он отметил.

–

Голову надо держать на подушке. Иначе не доеду.

Он снял руку с руля, положил ладонь под ногу, стал

приподнимать её, проговаривая команду, как заклинание:

—

Кладу ногу на педаль газа.

Вытащил руку. Положил на руль. Лоб покрылся холодным потом. Решил передохнуть. Включил зажигание. До первого поворота – метров тридцать. Прокатил, повернул. Следующий поворот – не более ста метров. Повернул, устал, помог рукой снять ногу с педали. Отдышался. Всё повторялось снова. и снова. и снова.

—

Надо успеть. – повторял он себе каждый раз, нажимая на педаль газа.

День, вечер и ночь прошли как одно тягостное мгно

вение длиной в бесконечный тоннель. Рассвет ослеплял усталые глаза. Он всё время повторял однообразные мучительные движения и ни разу не вспомнил о цели своих усилий. На это сил не хватало.

Вот он уже на вершине перевала. Осталось скатиться вниз, не более полукилометра по серпантину, до той лужайки на утёсе, нависшем над самым глубоким ущельем. Там...

—

Туда надо не опоздать.

Теперь рука помогала управлять другой ногой на педали тормоза. Это оказалось намного легче. Можно было о чём-то подумать.

—

Слава Богу, ни одной машины. Повезло. Но теперь надо кого-то найти. Надо, чтоб кто-то помог. Я не смогу выйти или даже крикнуть. Господи, — взмолился Лев, — пришли хоть кого-нибудь! Пришли. Пришли. — повторял он, желая всем сердцем встречи с добрым человеком. — Пришли. Пришли. — воскликнул многострадальный водитель, нажал на педаль тормоза и резко повернул руль. Машину занесло, и она остановилась поперёк дороги. От этого разворота в шею вновь что-то сместилось. Боль, и он вновь потерял сознание.

—

Батоно! Батоно! — кто-то старался привести его в сознание, дёргая за плечо и причиняя нестерпимую боль.

Лев приподнял левую руку. Трясти перестали. Он поднял голову и вновь положил затылок на подушку. Открыл глаза. На него озабоченно глядел сосед, водитель грузовика Автандил Джохадзе.

—

Батоно Авто. — несчастный опешил, узнав лицо Левана под копной белоснежных кудрей. — Всё потом, — шептал Лев, предупреждая вопросы. — А сейчас надо спешить. Вон, видите машину. По ту сторону ущелья, на поляне, что над обрывом. Это Михо. Помните?

BMW

, старый! С ним его Леночка и моя Тамар. Вы Леночку знаете. Привезите мне Тамар. Я не могу идти, а она врач.

Скорей, скорей.

Автандил, всё ещё ошарашенный впечатлением от седого мальчишки, бросился к своей машине. Дорога вилась серпантинном по обеим сторонам ущелья. Грузовик лихо слетел с крутого склона. Джохадзе тормозил только на поворотах. На прямых участках машина набирала скорость с ускорением свободного падения. Внизу ущелья был посёлок электростанции. Грузовик приостановился возле двухэтажного кирпичного здания.

—

Валенти! — окликнул водитель женщину, вешавшую бельё во дворе медпункта. — Пошли скорей врача к роднику. Видишь, там стоит машина. В ней сын моих соседей. Он, видно, травмирован.

—

А чего ты его не привёз?

—

Не знаю... Он меня послал за своим доктором. Она вон на той поляне.

—

А зачем тогда посылать нашего доктора?

—

Ему плохо! Делай, что говорю тебе, женщина.

Машина зарычала и рванула на подъём.

Через сорок минут после встречи с Леваном Автандил

Джохадзе въехал на поляну.

—

Гамарджобат, батоно Авто! – приветствовал старого знакомого Михаил. – Леночка рожает. Вот, не успели довести до деревни.

—

Уважаемый! Будьте добры съездить и вызвать скорую помощь. У нас роженица. Боюсь, не справлюсь одна.

—

Вы Тамара?

—

Да, да! А что?

—

Там, видите, возле родника на том склоне, Леван. Он очень болен. Просил позвать Вас.

Тамара подняла голову и увидела Левана, сидящего на противоположном склоне чуть выше неё. Что-то кольнуло в её сердце. На какое-то мгновение в воспаленном сознании промелькнула нотка нерешительности.

Чтобы дать ей понять, что она нужна ему, Леван выкатился из машины. Боль от удара лишила его сознания.

Вид беспомощного Льва вызвал усмешку на лице Тамар и вернул ей хладнокровие. Страшная жажда мести вновь заняла своё место.

—

Вот, видите? Тем более, я одна не справлюсь. Мигом за

скорой! На Вас вся надежда.

Автандил стремглав бросился к своей машине.

На противоположном склоне ущелья очнувшийся Леван с ужасом увидел .там ... внизу... напротив.

—

Господи, отведи руку этой несчастной от Леночки! Василь, если ты меня слышишь, по-мо-ги! – сердце его разрывалось на мелкие кусочки! Ему казалось, что небо сейчас разверзнется от таких страданий: его возлюбленная сейчас отнимает жизнь у той, которой он помог эту жизнь сохранить.

Никто не способен ему помочь, и только поднявшийся сильный ветер вторил призыву беспомощного героя:

—

В-а-с-и-ль!

Тамар знала, что сейчас любой исход будет оправдан: воды отошли, схваток нет, за помощью послано. Она сделала роженице укол, открыла стерильный контейнер, откинула плед в ногах Леночки, разорвала пакет, надела перчатки, достала из контейнера скальпель и сделала надрез от пупка...

Когда умение переходит в навык, человек перестаёт сознательно контролировать свои действия. Навык выполняется автоматически.

Тамар сработала безукоризненно. Руки вскрыли живот, залезли за брюшину...

—

И чего ему не сиделось в своей деревне? – думала Тамар, проводя операцию по извлечению младенца. – Он .

– холодный пот покрыл лоб, скатился на брови, и его капли стали стекать на огромные ресницы красавицы, ослепляя хирурга. – Не-е-е-т. Не может он знать. – подумала она, вытерла глаза о предплечье и бросила взгляд в сторону противоположного склона ущелья.

Леван сидел, поджав ноги, в позе лотоса. Руки, упираясь в колени, поддерживали тело так ровно, чтобы усилие на шейные позвонки было минимальным. От этого, а может быть, от того что все его желания стремились на тот склон, застывшая поза читалась, как порыв на взлёт.

Тамар увидела этот порыв. Перед её взором, вернувшимся в полость роженицы, встал образ Левана, парящего над ней. Её затрясло от ужаса. Всё тело проняла мелкая дрожь, и . только умелые руки мастера, ведомые навыком, вытащили ребёнка вместе с плацентой.

Они освободили плод от пуповины.

Спазм завладел горлом.

Уложили младенца на влажную пелёнку. Её замутило от страха.

Обработанная тампонами полость ждала. Взгляд затуманила паника.

—

Не-е-е-е-т!!! – взвыло все её существо. – Не будет. Не хо-

чу!.. Нет! Я! Я буду решать! Я! Я буду дарить и отнимать жизнь! Я!!! Я!!! Я!!! – В торжествующей истерике повторяло её Эго.

Руки сделали узелок. и отрезали нитку.

Тамар уставилась вопросительным взглядом в идеально ровный шов. Этот вид подкосил убийцу. Плечи несчастной женщины опустились, взгляд устало прошёлся по противоположному склону ущелья и не задержался на распростёртом на земле теле.

Над ущельем разнёсся крик новорожденного.

–

Михо! – усталый голос Тамар напряг Михаила. – Возьми свою малютку.

Михаил взял закутанный в ночнушку жены родной комочек живой любви. На него пристально глядели глаза взрослого, умудрённого опытом человека и как будто говорили: «Я о тебе всё знаю!» Мишка не выдержал такого взгляда и на мгновение отвёл глаза. Огромные, как его светлая душа, эти глаза большого ребёнка светились радостью и заботой. Беспокорство и счастье читались в них. Свершившееся чудо заставило трепетать его большое сердце. Надежда на неизбежное счастье, вера в жизнь и любовь наполнили всё его существо. Все слова божественных стихов и звуки мелодий блаженства зазвучали в каждой клетке гиганта. Все эти звуки воплотились в крике новорождённого младенца, который

оказался у него на руках.

—

Если скорая не приедет, мы её потеряем. — Тамар видела, как побледнел Михаил. — Положи ребёнка и подойди к ней.

Она сняла перчатки и начала складывать саквояж с инструментом.

Привычно подчиняясь этим словам врача, Миша положил дочку и наклонился над Леночкой.

—

У нас Машенька? — Леночка улыбнулась ему. Михаил тоже улыбнулся и кивнул в ответ.

—

Ах-х-х...

Сквозь опустившуюся чёрную пелену он разглядел окровавленную простыню на её животе.

Михаил поднял голову. Огромные, налитые кровью глаза с ужасом вонзили свой вопрошающий взгляд в стоящую напротив Тамар.

—

Жаль! — спокойно произнесла врач. — Господь взял её душу. Аминь!

—

Не-е-ет! — вырвалось из груди Мишки. — Господи-и-и! Верни-и-и! — Это было не обращение к Всевышнему, а дикий рёв, сотрясший ущелье. Его руки, ладонями вперёд, медленно

поднимаются вверх. Между ними и Тamar возникает мощная энергетическая подушка. Руки, под рёв смертельно раненного Мишки, с большим напряжением продолжают подниматься вверх. Вместе с ними поднимается в воздух тело Тamar. Оно, словно в замедленной съёмке, выгибается назад и летит в обрыв.

Ладони Михаила ложатся на голову. Всё его существо, как молнией, пронизывает энергетический удар огромной силы.

Гигант озирается остекленевшими глазами. В них нет боли, нет эмоций. Он берёт тело Леночки на руки, как запеленованного ребёнка. Михаил прижимает её к своей груди и, озираясь жёстким взором, уходит в горный лес.

Остолбневшие от ужасного зрелища, сторонние наблюдатели из остановившегося автобуса да машина марки BMW выпуска 1938 года остались на месте трагедии...

—

Леван! Леван! – Он услышал зов и мгновенно пришёл в себя. К нему бежал запыхавшийся Автандил:

—

Скорая приехала? – Не получил он ответа на свой вопрос. Лев слушал, как гудела, словно огромная зурна, вся горная гряда:

Тао чемо, беди ар гицериа.

Суло чемо, сатрпо чеми мтериа.*

Древние вершины седого Кавказа склонили свои гордые

ГОЛОВЫ, кланяясь его юной седине.

Ужас потряс природу.

Холодный, стремительный ветер налетел на ущелье, и Вечный Интриган и Властелин Заблудших подхватил душу Тамар.

**Тао чемо, беди ар гицериа. Суло чемо, сатрно чеми мте-риа...» – «Бедолага, счастья нет в моей судьбе. А любимая – враг мне, моей душе...» (грузинский).*

ЭПИЛОГ

РУКА ЛЮБВИ

Демон бережно опустил мастера на диван.

–

Прощайте, «классный мастер худа без добра», – то ли сказал, то ли подумал измученный писатель.

–

Вы рано написали этот роман. Люди пока ещё крови жаждут, а не свободы, любви и творчества. Прощайте.

Цинично, жестоко и вероломно предстал перед совестью мастера владыка Земного бытия, и она забилась в конвульсиях отторжения такой реальности.

Голова болела мучительно и паскудно. Глаза не желали смотреть на этот мир абсурда. Веки не открывались, берегли воспалённую психику Демиурга. Пульс глухим набатом бил в самом мозжечке. Голова налилась жаром. Горячий, предательски мягкий ком подкатил и застрял где-то меж-

ду зевом и кадыком, отчего дыхание стало тоже тяжёлым и болезненным. Демиурга затрясло частой, постепенно усиливающейся дрожью. Амплитуда дрожи увеличивалась, тело пронзил озноб. Его закачало и, наконец, забило в конвульсиях отторжения этого болезненного воспаления чувств.

Ладонь Маргариты легла на мокрый и холодный затылок супруга. Маленькая, мягкая и нежная рука проползла от бедра к груди и там стала нежными волнами гасить озноб внутри его существа. Тепло и доброта прижались к его спине, проникая внутрь и создавая защитную оболочку. Судороги постепенно стихали. Скованный и воспаленный комок нервов и мышц умиротворённо расслабился и забылся в неге.

Демиург лежал на спине, и самопроизвольно открывшиеся веки представили взору картину белого потолка. Взгляд не блуждал, но и не упёрся в одну точку, поскольку точек на потолке не было. Взор охватывал весь потолок, не разглядывая каждый фрагмент в отдельности.

—

Как прекрасен этот мир, когда смотришь на него расфокусированным взором! Как великолепно созданное ИМ мироздание! Оно абсолютно, и в одной точке собрало и начало, и конец всего.

Внезапно поток мыслей прервался. Деми приподнялся,

рука привычным движением потянулась к карандашу и, впервые в его долгой жизни, на листе появился не афоризм

или метафора, а зарифмованная мысль:

У Тебя нет начала И не будет конца.

Красотою звучала Твоя Пустота.

Красоте нет предела.

Пустота не пуста.

Лишь за Словом есть Дело,

До Творенья – Мечта.

Все связует края Аксиома Твоя.

Стихи пришли ниоткуда, легли на бумагу, и мысли продолжили свой поток так, будто и не прерывались. Деми опять в изнеможении опустился на диван:

–

В одной точке рождается свет каждого мира. В ней определены души всех творений. И она присутствует в каждой душе. Как же мала всего лишь одна эта точка! И как же она велика, если присутствует в каждой душе! Как велик ОН, если вдохнул в человека свою душу, сделав его сотворцом собственного творения! Мир, в котором находится душа человека, творится и преобразуется по воле полномочного посла Творца – этой человеческой души...

Демиург почувствовал, что взор его сузился: он стал всматриваться в определённую область белого пространства.

–

Да, – произвольно взгляд обнаружил еле заметное пятно на абсолютно однородной белой поверхности потолка. –

Х-м-м! Вот так и мир Земли отделён от других миров. В этом мире жёстких ограничений душа мечется, натываясь на реальные преграды и обучаясь беречь жизнь человека, которому она дана. А что потом? После прохождения курса обучения?.. Потом она начинает искать место этого человека в стане ему подобных существ. И тут начинают диктовать свои условия поведения свойства души, которые сформировались в результате опыта её бытия. Эти свойства мы называем совестью...

Взгляд Демиурга потух. Веки закрылись...

Рука любви легла на грудь мужа, и её ласковые пальцы обхватили плечо. Марго потрянула головой, и волосы защекотали его веки, щёку, шею. Он открыл глаза. Завиток её волос перекинулся мостиком от его брови к носу.

—

Ты – мой нежнокудрый оберег, – прошептал он ей на ухо и спросил: – Не скучаешь о нашем вечном доме?

—

Нет. Нам туда ещё нельзя. Мы должны написать остальные твои рассказы и повести. Из них получатся новые романы. Ты должен рассказать всё, что познала твоя душа. А потом... ОН и без тебя решит свою задачу. Будь скромн. Не твоя воля отправит нас в наш вечный дом.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Часть I. Переполох	7
Часть II. Чудеса в бытии	105
Часть III. Плоды страха	235

Отзывы читателей будут приняты авторами

**с благодарностью.
nuiklum@gmail.com**

Амиран и Валентина Перельман – творческий тандем

Амирана Львовича Перельмана и Валентины Леонтьевны Мосейчук.

Валентина Перельман родилась и выросла в житомирской деревне с «кружевным» названием Вересы. Свою взрослую жизнь прожила в Киеве. Стала педагогом-психологом. Воспитала двух сыновей.

Амиран Перельман – математик, программист, журналист и родился в семье журналиста. Грузия, Россия, Украина, Израиль – страны, где ему довелось родиться и расти, служить и мужать, встретить свою судьбу и сформироваться как личность, обрести творческий кураж. Он патриот этих стран. И как патриот Израиля, он не раз высказывался на страницах центральных газет страны о волнующих его и общество проблемах.

Творчество на Святой Земле, в стране переполненной легендами, мифами и памятниками реальной истории – естественное состояние любознательных личностей. Вечное противостояние света и тьмы, вечная война жизни и смерти, созидания и разрушения – это борьба информации и энтропии.

Эти идеи своеобразно и оригинально отображены авторами в романе «СЕРДЦЕ ЛЬВА».